

ПИОНЕР

ЯНВАРЬ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1962 г.

ПАМЯТНИК КАРЛУ МАРКСУ В МОСКВЕ (скульптор Л. Кербель и архитектор Р. Бегунц).

ПЕРВЫЙ КАМЕНЬ ПАМЯТНИКА МАРКСУ ЗАЛОЖИЛ НА ЭТОМ МЕСТЕ В 1920 ГОДУ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН.

Фото С. Карасева.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 39-й

Оглянешься назад — какой важный год был!

Посмотришь вперед — какой интересный год предстоит!

А 1962-й будет особенный: в этом году мы отмечаем сорокалетие нашей пионерской организации.

В Ленинграде, в Риге, в Минске и других городах страны над некоторыми школами уже зажглись красные звезды: там работают дружины — спутники семилетки.

Это дружины, где все учатся на совесть.

Это дружины, где ребята берутся за важные дела семилетки и умеют всякую работу доводить до конца.

Это дружины, где все пионеры горой стоят друг за дружку.

Сделай все, чтобы и над твоей школой загорелась красная звезда, чтобы и твоя дружина вышла победителем в соревновании второго года пионерской двухлетки!

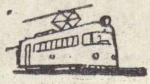
№ 1 ЯНВАРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА" 1962

СЛОВО — ЛУЧШИМ дружинам страны!

Нам строить мир,
нам в коммунизме
Работать, радоваться, жить!
Во имя этой светлой жизни
Клянемся ленинцами быть!

РСФСР

ПИОНЕРСКОМУ ЭЛЕКТРОПОЕЗДУ — ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ!

Просто удивительно, какие замечательные вещи рождаются как будто бы из ничего — из старых труб и погнутых решеток, дырявых чайников и безногих кроватей.

Свердловские пионеры подарили железнодорожникам новый электропоезд. Его построили из металлолома, собранного пионерами.

Почетное право вести электропоезд «Пионерский» в первый рейс получил лучший машинист Свердловской дороги Р. С. Шевчук.

Новый электропоезд гордо несет пионерский значок по стальным дорогам страны.

Белоруссия

250 «ТРЕТЬЯКОВОК»

В Брестской области 250 «Третьяковок»! Конечно, это не настоящие картинные галереи, а малые, школьные. И все-таки замечательно, что в городах и селах Брестской области так много школ, где ребята по-настоящему любят искусство.

120 лучших дружин страны рапортовали Съезду коммунистов о своих успехах.

120 дружин занесены в Книгу почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Сегодня на страницах нашего журнала ребята из этих дружин рассказывают о своей работе.

Соревнование не закончено: идет второй год пионерской двухлетки, самый главный этап соревнования!

Пусть равнение на лучших поможет всем дружинам страны встретить сорокалетие пионерии новыми победами!

Это пока секрет

В тот день, когда я уезжал в Москву, по Грозному проехал большой автопоезд. Каждая школа дала грузовик, пионеры наполнили его всякими хорошими вещами: тетрадями, учебниками, книгами, картинами. Все это собрали ребята нашего города и отправили в подарок сельским пионерам.

Грузовик нашей дружины поехал в горное село Шали. Там живут наши друзья. Мы часто ездим к ним, а они к нам, помогаем друг другу, ходим в походы, даем концерты.

Есть у нас и совсем маленькие подшефные — малыши из детского сада. В столярной мастерской мы сделали для них двадцать пять столов и сто стульчиков. А четвероклассники пригласили их на представление «Мухи-цокотухи». В школьный зал пришли мальчики и девочки сразу из десяти детских садов. Все поместились, ведь они маленькие! Вели себя они хорошо. Еще бы: первый раз в школу пришли!

На следующий день все только и говорили, что об этом спектакле. Сейчас четвероклассники готовят какой-то новый. Но какой — это пока секрет...

Толя Литвинов,
председатель совета дружины
2-й средней школы. Город Грозный.

Не дадим сбить с пути!

Есть у нас в дружине один такой пионер — Славка Ахмедьянов. Взял как-то моду сбегать с уроков. Стал плохо учиться, схватил двойку по алгебре. Мы решили, что кто-то его подговаривает, мешает ему учиться. Подсмотрели — действительно, Славка убегал с одним мальчишкой, который бросил школу и нигде не работал, хотя ему было уже шестнадцать лет. Мы решили отвадить Славку от этого дружка.

Однажды ребята нарочно задержали Славку в классе, а мы, несколько человек, встретились с этим мальчишкой и поговорили с ним. Даже пригрозили: не отстанешь от Славки — побьем, нас пятеро, а ты один, так что держись. А он не испугался. И все оставалось по-прежнему.

Тогда мы еще раз поговорили. Только уже по-хорошему. Не грозились, а объяснили, что Славке надо учиться, что его только что приняли в пионеры... Сказали, что нечего хорошего человека с пути сбивать.

Убеждали его изо всех сил. И подействовало. Славка перестал с уроков убегать. Мы помогли ему подтянуться в учебе.

А тот парень тоже одумался и поступил на работу.

У нас ребята дружные. Всегда придут на выручку, если кому-нибудь трудно. И хорошее и плохое, что в дружине случается, все переживаем вместе.

Хуршид Мирпочаев

Дружина имени Павлика Морозова, школы № 1. Город Ленинабад, Таджикской ССР.

Срочная телеграмма

Кажется, что́ трудного разносить письма или телеграммы? Бросил письмо в ящик, подождал, пока распишутся за телеграмму, и пошел дальше.

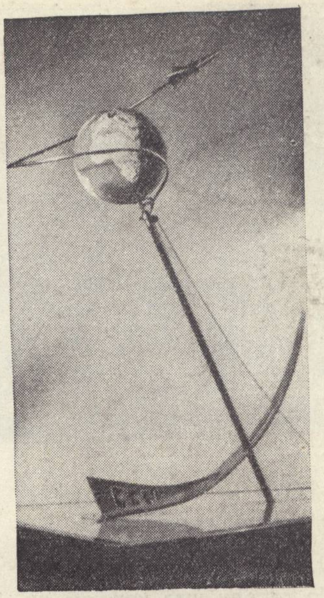
Однажды работали на почте Гера Ицкович и Валерка Васильев из шестого «А». Одного адресата дома не оказалось. Стучали, стучали — никто не открывает. Ребята пошли в домоуправление, узнали, где он работает, и отнесли телеграмму на работу.

Конечно, ничего особенного они не сделали, просто вовремя доставили корреспонденцию, а оказалось, что это было очень важно. Этот человек потом на почту звонил и благодарил ребят: телеграмма была срочная.

Да, простая работа — разносить почту, но ведь и здесь можно многому научиться. Недаром отряд шестого «А» сам выбрал себе эту работу. В нашей дружине так заведено: каждому отряду — полезное дело. И выбирают это дело сами ребята.

У нас в дружине даже лом собирать интересно, не то, что в некоторых школах, где приходится бегать и всех уговаривать.

А собирать металлолом нам нелегко. В нашем районе его просто нет. Поэтому и приходится поломать голову. Наверное,

«Восток-2». Эту модель сделали в подарок XXII съезду пионеры Латвии. В подставку модели вмонтирован проигрыватель с записью речи Германа Титова.

РСФСР

СЧЕТ ИДЕТ НА МИЛЛИОНЫ

Большое государственное дело у пионеров Астраханской области: в засушливые летние месяцы они спасают от гибели миллионы мальков ценной рыбы.

Пионеры одного только Камызянского района перенесли в реки из пересыхающих водоемов больше 126 миллионов мальков. А всего пионеры области спасли для государства 2 миллиарда 400 миллионов мальков.

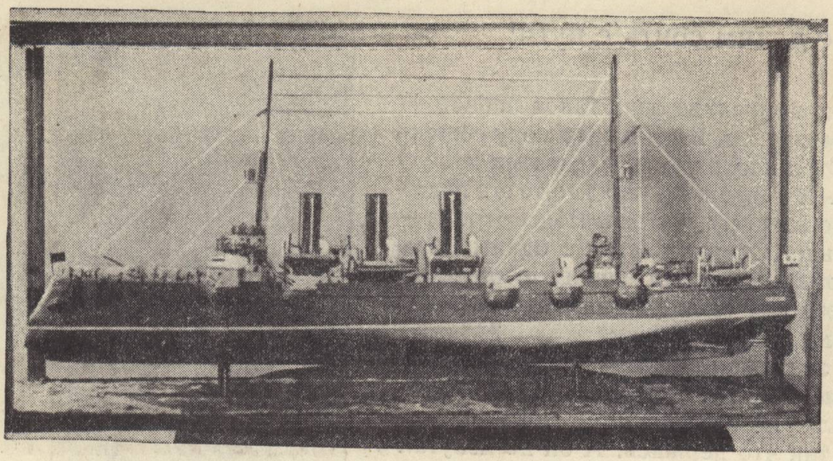
Латвия

ДЕТСКИЙ САД ИЗ... МЕТАЛЛОЛОМА

Да-да, именно так, это не опечатка.

Рижские пионеры решили сделать подарок малышам: на деньги, полученные от сбора металлолома, они строят в своем городе новый детский сад. Стройка в самом разгаре. Торжественное открытие состоится в день пионерского юбилея — 19 мая 1962 года.

Республика гордится пионерами: 45 дружин и 1 300 отрядов уже завоевали звание спутников семилетки.

Пионеры школы имени Н. К. Крупской (г. Тула) прислали в подарок Съезду модель легендарного крейсера «Аврора».

даже гвоздика ни в одном дворе не найдешь, не то что ржавого ведра: все уже ребята облазили, и не один раз. Школа наша в самом центре города: рядом ни заводов, ни фабрик. А лом собирать надо, у нас обязательство: 60 тонн! Вот и стали все думать: как быть? И кто-то предложил: «А что, если пойти туда, где работают родители?» И правда, на многих предприятиях мы нашли лом. Собрали. Теперь его вывозить надо, а машины нет. В гараже, где мальчики практику проходят, все машины рейсовые. Отправились в контору по сбору лома, упросили дать машину. А когда вывезли, оказалось, что вместо 60 тонн собрали целых 100! И ведь никто никого не уговаривал, просто всем было интересно.

Ирина Глухова

Дружина имени Зои Космодемьянской, школы № 20. Город Ленинград.

Белоруссия

В НЕБЕ РЕСПУБЛИКИ ПИОНЕРСКИЕ ЗВЕЗДЫ

По городу шла колонна новеньких тракторов. Машины держали путь на колхозные поля, а сначала совершали «круг почета» по улицам Минска. Пусть все пионеры полюбуются на первую десятку тракторов, построенных из металлолома. Ребята знают, что это только начало: всего лома собрано как раз на 4 тысячи тракторов для колхозов республики.

Тысячи отрядов республики собирали этот лом. Больше пяти тысяч из них вышли на орбиту спутников семилетки.

Первые пионерские звезды зажглись над городами и селами Белоруссии: в республике 19 дружин — спутников семилетки!

Пионеры 1 296 дружин завершили работу над летописями своих организаций.

Грузия

ПИОНЕРСКОЕ «ЗЕЛЕНОЕ ЗОЛОТО»

А вот короткие строчки из рапорта пионеров Грузии:

— На чайных плантациях пионеры собрали 14 390 тонн «зеленого золота».

— Высадили 440 тысяч саженцев чая.

— Руками ребят посажено 30 гектаров лавровых рощ.

Лагерь на заставе

Он у самой пограничной заставы. И все здесь как на границе. Ребята спят в палатках. День начинается в шесть утра. Есть свой командир отделения, старшина — все как рядом, на заставе. Вместе с пограничниками ребята ходят в дозоры, изучают оружие, наблюдают за пограничной полосой.

Многие хотят попасть в лагерь ЮДП — Юных Друзей Пограничников, — но дружина посылает туда только лучших.

По-моему, лагерь ЮДП — самое важное дело нашей дружины.

Но у нас есть еще много интересного: танцевальный ансамбль, четыре хора и несколько оркестров. Девочки из восьмого «А» Люда Зоненко и Нина Белоусова, которые занимаются в ансамбле, организовали у октябрят кружок и разучили с малышами много танцев. На осеннем городском смотре октябрята первый раз выступали перед большой аудиторией.

А наша работа в кинотеатре «Красная звезда»? Каждое

воскресенье два первых сеанса целиком обслуживают пионеры. Из окошечка, над которым надпись «Администратор», выглядывает мальчик или девочка в красном галстуке, да и весь штат кинотеатра в эти часы пионерский — киномеханики, кассиры, дежурные, директор.

На утренних сеансах много малышей. С ними-то легко! А вот некоторые взрослые не слушают наших дежурных. Мол, вы еще маленькие! Но мы стараемся работать так, чтобы нас за маленьких не считали, чтобы уважали и не боялись доверять нам важное дело.

Алеша Князькин

Дружина имени Александра Матросова, школы № 2. Город Гродно Белорусской ССР.

РСФСР

ЛЕНИНГРАДЦЫ РАПОРТУЮТ

Во всех школах города и области открыты Ленинские комнаты и уголки.

На орбиту спутников семилетки вышли 692 пионерских отряда.

В 1 500 отрядах не слышно слова «двойка»: все ребята хорошо учатся.

100 километров нефтепровода «Дружба» будет сделано из металлолома, собранного пионерами-ленинградцами.

Наша Кристина

Наша Кристина ездила в Москву приветствовать XXII съезд КПСС! Как мы радовались за нее!

Кристина не из нашего отряда, но мы все ее хорошо знаем и любим. Она всегда приветливая и сердечная, и у нас в детдоме все ее называют ласково — Кристуте.

Ее очень любят малыши. Если увидишь, что октябрята весело играют, поют или тихо сидят, слушая сказку, можешь быть уверен, что с ними Кристуте. А когда ее очередь чистить картошку — на кухне слышатся песни. Кристина — хороший друг, с ней и работать и играть весело: она никогда не капризничает, не ссорится.

Когда Кристуте поехала в Москву, мы, конечно, волновались, но были уверены, что она достойно справится с почетным заданием дружины.

Марите Гримашевичуте,

пионерка первого отряда имени Юрия Гагарина.

Молдавия

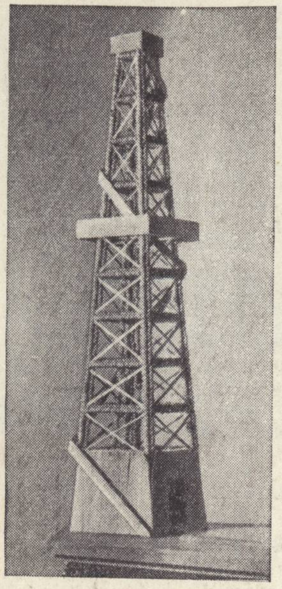
БУДУТ ПИОНЕРСКИЕ ВЕРТОЛЕТЫ

8 452 тонны металлического лома собрали молдавские пионеры. Это значит, что республика получит 75 тракторов, несколько вертолетов и санитарных машин.

По всей планете
Взвейся клич —
Жить так,
Как нас учил
Ильич!

Москва была рада своим юным гостям. Пионеры, приветствовавшие съезд, побывали в редакциях газет, в школах, выступали по радио. Однажды утром группа пионеров приехала в нашу редакцию. Посмотрите, как весело проходила эта встреча: интересно было и гостям и хозяевам.

Пионеры Чечено-Ингушской АССР прислали вот какой подарок — модель нефтяной вышки.

Узбекистан

ОДЕНЕМ 17 МИЛЛИОНОВ!

Сколько нужно хлопка, чтобы всем пионерам нашей страны сшить новую форму? Очень много. А вот узбекские пионеры точно знают, сколько.

Вместе со специалистами они все подсчитали и решили собрать этот хлопок к открытию Съезда. Пионеры рапортовали, что обязательство выполнено!

Большие дела маленькой дружины

Кристина Бенюте живет и учится в детском доме города Куршеная. Всего четыре отряда в этой дружине. Казалось бы, ну что может сделать такая маленькая дружина? Вот если бы человек двести или триста! А эта дружина ни много, ни мало — заняла первое место в республике! Лучше всех в Литве выполнила план первого года двухлетки! Поэтому и занесена она в Книгу почета Всесоюзной пионерской организации имени Ленина, поэтому и поехала пионерка из маленькой дружины приветствовать съезд от имени всех пионеров республики.

Вместе с ребятами радуются победе дружины коллективные вожатые пионеров — бригады коммунистического труда Даугеляйского комбината. Два года назад пионеры впервые пришли на комбинат. Разве забудешь встречу со старыми коммунистами-подпольщиками, которые строили этот комбинат еще для фабриканта и работали на него! Старые рабочие рассказали ребятам, как в 1939 году перед первомайским праздником ночью они подняли красный флаг на верхушке березы, что растет около комбината.

Теперь пионеры ведут летопись истории комбината. Ему недавно присвоили звание коллектива коммунистического труда.

Ребятам хочется, чтобы на комбинате было красиво, чтобы там было приятно работать: они хозяева всех цветников на территории комбината, выращивают для них рассаду, ухаживают за цветами. Недавно пионеры подарили для комнат отдыха пятнадцать своих рисунков и гравюр. Рамки для них тоже делали сами. Наверное, скоро рабочие получат новые подарки: девочки учатся ткать красивые ленты с национальным орнаментом. Но это подарок не только от девочек: ткацкие станки сделали мальчики.

Здесь трудно рассказать обо всех интересных делах пионеров из Куршенайского детского дома. Лучше всего это сделают сами ребята — пишите им, они обязательно ответят. Вот их адрес: Литовская ССР, г. Куршенай, детский дом, дружина имени Марии Мельникайте.

А ТЫ ГЕРМАНА ТИТОВА ВИДЕЛА!

Клаву засыпали вопросами, когда она вернулась из Москвы. Спрашивали обо всем, но чаще всего слышался один вопрос:

— А ты Германа Титова видела?

Вместо ответа Клава протягивала фотографию: пионеры в национальных костюмах окружили улыбающегося Космонавта-2. Среди ребят и она — Клава Галамага, член совета дружины школы-интерната № 1 города Кишинева. От имени пионеров Молдавии она вместе с Виталием Чепчуговым из Тирасполя приветствовала XXII съезд КПСС.

С нетерпением ждем результата

Вы, наверное, слышали о карельской березе? Это очень красивое и ценное дерево. Беда только в том, что его мало, редкое это дерево. Сотни опытов провели ученые, чтобы выяснить, в каких условиях лучше растет карельская береза.

А мы с учеными дружим, особенно с сотрудниками Института леса, бываем у них. Мы знаем, что чем больше будет опытов, тем скорее решится этот вопрос. Мы тоже не хотим оставаться в стороне: у нас есть свой лесопитомник, и мы посеяли там семена карельской березы. Сейчас все с нетерпением ждем результатов.

В нашей дружине лес — это самое главное дело. Конечно, мы и в походы ходим, как другие ребята, и концерты малышам показываем, и лом собираем. А все-таки самое интересное — разгадывать лесные загадки, выращивать и защищать лес!

Недавно мы получили почетное задание от нашего лесничества: нужно помочь расчистить леса, которые окружают наш город. Скоро на их месте будет большой и красивый лесопарк. Мы с радостью взялись за эту работу. Каждый день отряды отправлялись в лес: корчевали пни, спиливали гнилые деревья, обрубали сухие сучья, очищали лес от мусора. Было весело, жгли валежник, пекли картошку.

Дел нам хватает на круглый год: зимой собирали шишки для семян, а весной двадцать восемь гектаров засеяли сосной!

Витя Муравьихин

Дружина имени Володи Дубинина школы № 2.
Город Петрозаводск Карельской АССР.

Северная Осетия

ЧЕСТЬ ИМ И СЛАВА!

Из далекой Северной Осетии пришло письмо на съезд. В нем было мало слов, почти одни цифры, но зато какие!

Ребята из Ольгинской средней школы сообщали, что в 1961 году их бригада вырастила по 120 центнеров кукурузы с гектара на площади в 50 гектаров.

А обязательство было собрать по 50 центнеров!

Теперь об этих ребятах знает вся страна. Вот что сказал о них на съезде Н. С. Хрущев: «Это ученики вырастили, дети строителей коммунизма. Теперь они помогают строить коммунизм, а когда вырастут, будут жить при коммунизме. Честь и слава нашей молодежи!»

Серебряные фанфары

По всей стране трубите, горнисты,
Пионеры приветствуют съезд коммунистов!

Подняты вверх серебряные фанфары, и в Кремлевском Дворце съездов торжественно звучит пионерский сигнал.

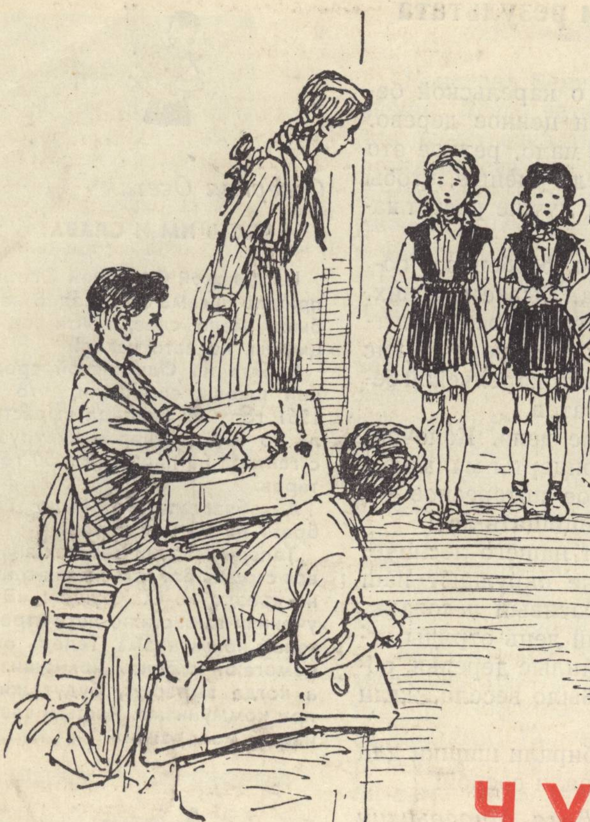
Так начинался рапорт пионеров съезду. Двадцать шесть лучших фанфаристов Военно-музыкальной школы участвовали в приветствии. Это было почетное задание совета дружины лучшим пионерам и воспитанникам.

Среди них был Саша Иванов. Как и все, он тоже волновался в день выступления. Может быть, даже чуточку больше, чем остальные двадцать пять: в этот день Сашу должны были принять в комсомол. Рекомендацию дала пионерская дружина, и Саше очень хотелось по-настоящему выполнить свое последнее и такое важное пионерское поручение.

Выступление прошло отлично. Теперь Саша помогает младшим воспитанникам школы стать хорошими фанфаристами.

Силы свои утроим,
Путь наш велик и прям,
Мы коммунизм построим!
Жить в коммунизме нам!

В. ЖЕЛЕЗНИКОВ

Рисунки Б. Винокурова.

ПОВЕСТЬ

ЧУДАК ИЗ ШЕСТОГО «Б»

Меня назначили вожатым во второй класс «А», к октябрятам.

Когда на сборе отряда наша вожатая Наташа заговорила об этом, все начали смеяться.

— Донато! Ха-ха-ха! Он научит их получать двойки!

— Бондито! Плакали деревья в школьном переулке!

— Фандуто! Он сделает из них Тартаренов из Тараскона! — крикнул мой друг Сашка Смолин.

Сашка гордился, что много читал, и в разговор вставлял литературные имена.

Сначала я смеялся вместе со всеми. Дело в том, что у меня очень сложная фамилия: Збандуто. Когда я впервые пришел в эту школу, учительница в разговоре назвала меня не Збандуто, а Надувато.

С тех пор в нашем классе каждый считал своим долгом как-нибудь переделать мою фамилию. Я не обижался и даже иногда в этом участвовал сам. Мне казалось, что это развивает творческую фантазию.

Но сегодня я прислушался к выкрикам ребят и подумал, что выгляжу совсем не мексиканским ковбоем, которых я так уважал, а типичным американским гангстером. Бандитом без совести и чести.

«Хорошо же обо мне думают,— решил я.— А еще дружки».

Наконец Наташа сказала:

— Ну, хватит, посмеялись, и хватит. Согласен, Збандуто?

Тогда я встал, посмотрел лениво на ребят, помолчал минуту для солидности и ответил.

— Согласен.

— Мы знаем твои слабости,— сказала Наташа.— Но доверяем. А ты должен оправдать это доверие.

— Можете на меня положиться.

После сбора ко мне подошел Сашка Смолин. Я начал судорожно размахивать руками, смеяться, закатывать глаза и раскачивать головой. В общем изобразил перед ним фантастический восточный танец. Пляску смерти или жертвоприношения.

— Что с тобой? — удивился Сашка.

— Что? — Я с возмущением посмотрел на него.— Изображаю, как ты смеялся, когда Наташа предложила меня в вожатые. Я даже испугался, что от смеха у тебя начнется припадок. Позавидовал?

— Уважаемый Надувато, я не завидую, потому что нет в мире более скучного занятия, чем возиться с второклашками. Привет!

Я пришел домой и рассказал все маме.

— Вожатым? Тебя? — удивилась мама.— Ну, что ж, Бока, я очень рада. Теперь ты должен показывать пример другим.

— Только не зови меня больше Бокой. Я уже не маленький.

— Хорошо, если ты не хочешь, я не буду.— Она поцеловала меня (я терпеливо выдержал это проявление нежности), но все же предупредила: — Не думай, что тебе будет легко.

— Конечно, трудности у меня будут,— ответил я.

Потом я побежал в ванную мыть руки и на обратном пути столкнулся с Ольгой Андреевной, нашей соседкой.

Она пенсионерка и живет одна. А сын ее уехал работать в Сибирь.

— Ольга Андреевна! — закричал я.— У меня хорошая новость!

— Тише, тише! Что-нибудь новое о Сибири?

Ольга Андреевна интересовалась только Сибирью, хотя знала про нее все.

Про редкие полезные ископаемые, вроде якутских алмазов. Про гидроэлектростанции, которые строят на сибирских реках. Ну, прямо все про Сибирь знала и без конца говорила. Она помнила даже, какая рыба водится в сибирских реках: всякие там хариусы, нельмы и омули из породы лососевых.

А мне это было на руку. У нас с Сашкой был спор, кто больше о Сибири узнает. Понятно, что в этом деле Ольга Андреевна была незаменима.

— Нет, не про Сибирь,— ответил я.— Меня назначили вожатым к октябрятам.

Ольга Андреевна скептически поджала губы.

— Право, я не знаю, Бока, чему ты их научишь. Ты ведь сам не знаешь, что сделаешь в следующий момент. Настоящая загадка природы. Тунгусский метеорит.

У меня в голове как щелкнет: «Опять о Сибири!» А я забыл об этом метеорите. Просто странно, почему я забыл. Ну, теперь Сашка у меня попляшет.

Я уже хотел убежать от Ольги Андреевны, да вспомнил, что мы не закончили разговор.

Это моя слабость, говорю об одном, а потом увлекаюсь другим и забываю, о чем говорил вначале.

А тут я вспомнил и сказал:

— Я решил исправиться.

— Ты уже много раз решал,— ответила Ольга Андреевна.— А воз и ныне там.

Это было не про Сибирь. Не повезло. Я знал, что слова «а воз и ныне там» из басни Крылова, и хотел ответить Ольге Андреевне тоже отрывком из басни. Это всегда производит впечатление. Но ничего не вспомнил. Пришлось обойтись обыкновенными словами.

— Я окончательно решил,— сказал я.

— Ладно, иди. А то у тебя с рук капает вода и портит паркет.

Какой-то паркет, когда такие важные вопросы! Я крикнул в спину Ольги Андреевны:

— Не называйте меня больше Бокой!

После обеда я сел за уроки, а мама ушла на работу.

Тут появился Сашка и стал разговаривать со мной как ни в чем не бывало. Про то да про это. Про погоду, про футбол. В общем, делал вид, что мы не ругались.

А я ему:

— Тунгусский метеорит. Толлары. Город Дивногорск.

А он:

— Чего, чего? — Притворился, что не понял, к чему я веду разговор.

— В тысяча девятьсот восьмом году в тунгусской тайге упал метеорит. Его тайна до сих пор не раскрыта. При падении он повалил сотни деревьев. Раз. Толлары — жители Толларии. Сибирский край. Их осталось около тысячи человек. До революции они погибали с голоду и были все безграмотные. Два. Дивногорск — город на Енисее, у первой плотины на этой реке. Три. Запомним: три — ноль в мою пользу.

Сашка сильно расстроился. Такой проигрыш! Чтобы не показать виду, он сказал:

— Завтра уроки чепуховые. Пошли играть в футбол.

После того, что произошло, я никак не мог отказать Сашке. Это было бы просто издевательством над человеком.

Я сложил учебники обратно в портфель, и мы побежали играть в футбол.

* * *

Через несколько дней, когда я и все ребята уже забыли, что меня назначили вожатым, в нашем классе появились две маленькие девочки.

Все, конечно, тотчас же уставились на них. Это была редкость, чтобы младшие пришли к нам сами.

Одна из них сказала:

— Нам нужен Боря З...— Она покраснела, не могла выговорить мою фамилию. А вторая ей помогла: «Здандуто».

Все только этого и ждали и сразу засмеялись.

А я небрежно заметил:

— Ничего смешного.— Я догадался, что эти девочки из второго «А», то есть мои октябрята, и стал незаметно вытеснять их из класса.

Но они опередили меня.

— Мы из второго «А»,— выпалили два голоса.— Вы наш вожатый, и мы вас ждем.

— Ладно. Сегодня после уроков приду.

В этот самый момент появилась Наташа. Она, как привидение во сне, честное слово, появляется в самое неподходящее время.

Все дни даже носа не показывала, а тут явилась и сразу налетела на меня:

— Ты не можешь себе представить, чего им стоило прийти к вам в класс. Они маленькие, а уже тянутся к общественной жизни. А ты...— Наташа замолчала. Она хотела, видно, чтобы я понял, какой я никудышный человек.— Подумай, о чем ты будешь говорить с ними. Нужна какая-то находка для первого раза.

На уроках я думал об октябрятах.

Сначала решил: войду к ним деловым шагом и скажу:

«Здравствуйте, октябрята!»

Потом у меня мелькнула мысль, что для первого знакомства необходимо произнести речь. Это уже была находка, как говорила Наташа.

Я тут же взял бумагу и написал: «Дорогие октябрята! Пионерская организация прислала меня к вам, нашим младшим любимым товарищам, чтобы я закалил вас и подготовил нам достойную, славную смену. А сейчас мы составим план работы и будем его выполнять».

Я несколько раз перечитал свою речь, она показалась мне блестящей. Правда, в ней все-таки мало было мужества. Я перечитал ее еще раз и в трех местах вставил слово «мужество».

Теперь моя речь выглядела так:

«Дорогие октябрята! Пионерская организация, известная своим мужеством, прислала меня к вам, нашим любимым младшим товарищам, чтобы я закалил вас и подготовил нам достойную, славную, мужественную смену. А сейчас мы составим план работы и будем вместе мужественно его выполнять».

Потом я попытался выучить речь на память, но у меня почему-то ничего не вышло.

Тогда я решил прочитать ее. «Не страшно,— подумал я.— Министры тоже читают речи по бумажкам».

После уроков я медленно спускался на первый этаж. Ребята неслись по лестнице со скоростью антилоп-гну, один я не спешил.

— Борька, быстрее, что ты тянешься, как столетняя черепаха! — закричал Сашка.— Погодка мировая!

Я махнул рукой.

— Не могу, должен остаться в школе.

— А что случилось? — удивился Сашка.— В училку вызывают?

— Нет. Обещал зайти к второклашкам.

— Обещанного три года ждут.

Мне очень хотелось уйти, но я все же ответил:

— Неудобно, обещал.

Я думал, Сашка станет меня уговаривать хотя бы отложить октябрятский сбор, а он убежал. Тоже товарищ. Не смог меня уговорить. Понадейся на такого.

Я остановился у дверей второго «А». Не так-то легко было войти к этим второклашкам. Отошел к окну, облокотился на подоконник и сделал вид, что глубоко задумался.

А на улице было солнце, стояли последние погожие деньки.

В коридор выглянула одна из тех двух девочек, которые приходили за мной, и закричала пронзительным голосом:

— Ребята, Боря пришел!

В ту же секунду весь класс высыпал из дверей. Их было человек двадцать пять.

Они толкали друг друга и смотрели на меня, как на дикого зверя в зоопарке.

Я криво улыбнулся и сказал:

— Давайте пойдем в класс. Там мы будем в своей тарелке.

— Пошли в свою тарелку,— подхватил какой-то малыш.

В классе ребята сели на свои места, а я дрожащими пальцами вынул из кармана бумажку с речью, разгладил ее на учительском столе и стал читать.

Да, печальная это была история. Язык у меня сразу одеревенел, и я спотыкался на каждом слове. Можно сказать, я брал эти слова приступом, а потом перешел на шепот. Отшептал и замолчал. Неловко было поднять глаза на малышей.

«Не каждый может произносить такие речи,— решил я.— И мне бы лучше не соваться в это дело. Все равно из меня вожатого не выйдет. Вот Наташа, та говорит, как ходит. Иногда даже непонятно о чем, а гладко, громко, четко».

Ребята по-прежнему смотрели на меня, как на дикого зверя.

Теперь-то у них для этого были основания. Они, видно, первый раз в жизни слушали такую речь.

— Ну, познакомимся,— выдавил я.— Пусть каждый из вас назовет свое имя. По фамилии скучно друг друга называть.

И замелькали передо мной лица: Нина, Зина, Толя, Лена, Гога, Лена, Сима, Сима, опять Лена и Серафима. Сначала я старался запомнить имена и лица, а потом перестал.

У меня от их лиц голова кругом пошла. Они были ужасно одинаковые. Все в формах. Все с белыми воротничками. Девочки с косами. Мальчишки с челками. Да еще одно имя на двоих или троих.

Они продолжали по очереди вставать и произносить свои имена, а я кивал головой и думал, как бы мне быстрее отсюда уйти.

Домой я пришел расстроенный и даже не смог обедать. «Так недолго и заболеть,— подумал я.— Да пропади они пропадом, эти малыши. Сколько сегодня я из-за них потерял?

Мог поиграть в футбол. Не поиграл. Мог пойти в кино. Не пошел. Мама приготовила на обед мои любимые блинчики с вареньем. Аппетита нет!»

Правда, блинчики я все же съел и, надо сказать, успокоился.

* * *

Теперь я пролетал первый этаж только на больших скоростях. Эти второклашки в лучшем случае могли любоваться моей спиной.

Но некоторые из них оказались на редкость настойчивыми.

Однажды выхожу я на перемене в коридор и вижу, стоит одна из тех самых девочек, которые приходили в первый раз за мной. Ее звали Нина.

— Боря! — сказала она.— Мне плохо дается арифметика.

— Ну и что?

— Может быть, ты позанимаешься со мной после уроков?

Я молчал. Растерялся.

Только этого не хватало, тут сам еле-еле за-

Я подошел к окну, облокотился на подоконник и сделал вид, что задумался.

ставляешь себя сделать уроки, а она: помоги ей с арифметикой! Да еще после уроков! Нет, это было уж слишком.

Я, конечно, готов был ко всяким неожиданностям и трудностям. Но не к таким. На это я не согласен.

У Нины покраснели уши и даже дрожали кончики тоненьких, коротких косичек.

Стало ее жалко, всегда меня подводила жалость. Когда тебе кого-нибудь жалко, нужно перетерпеть. А я никогда не мог перетерпеть. Я тут же взял и ляпнул:

— Ладно. Жди сегодня.

Совсем выскочило из головы, что после уроков у нас должен был состояться футбольный матч на первенство шестых классов. А я играл в нашей команде в защите.

— Ты что? — заорал Сашка.— Ты соображаешь, что говоришь? Это пахнет предательством.

— Я занят,— упрямо ответил я. Не мог же я им признаться, что у меня за дело. Они бы просто подняли меня на смех.

— Интересно полюбопытствовать, куда он спешит? Министр без портфеля какой нашелся!

Вся наша футбольная команда с напряженным вниманием следила за разговором, а я в это время ругал про себя Нину:

«Сидит там какая-то пигалица, арифметическая неврастеничка, и я из-за нее не могу поиграть в футбол с друзьями. Должен их подводить».

Я уже давно заметил: если виноват в чем-нибудь сам — ругай другого, и сразу станет легче.

И тут мне сразу тоже стало легче, и я сказал:

— Пошли, придется отложить мое дельце.

Во время игры я все время думал о Нине. Засела она мне в голову. Гонял мяч поэтому без всякого удовольствия.

Через час, когда счет стал 15 : 10 в нашу пользу, я решил уйти.

— Ну, хватит,— сказал я.— Мне пора.

Ребята из другого класса закричали, что это нечестно. Всегда мы играем до двадцати, а тут до пятнадцати, и, может быть, они еще отыграются.

— Нет, я ухожу. Вы как хотите, а мне надо.

Я так на них разозлился, что готов был рассказать про Нину. Человек меня ждет, а они готовы гонять мяч до темноты! Может быть, их тоже ждут, это верно, но они не обращают внимания. А я сегодня волновался, что меня ждут.

— Боится опоздать к обеду,— сказал Сашка.— Мы и без тебя сыграем. Катись, скатертью дорожка!

Больше всего я переживал, что Нина не дождалась и ушла. Но она была в классе, сидела за первой партой.

Когда я влетел, она встала.

Класс был большой, окна громадные, потолки высокие, а она такая маленькая. Днем, когда в классе полно ребят и кругом стоит такой шум, этого не замечаешь.

А сейчас она была удивительно маленькая. Ну, прямо девочка из детского сада.

— Задержался. У нас сегодня важная игра.

— Понятно,— ответила Нина.

Хотя я-то был уверен, что в футболе она ничего не понимает.

— Ну, показывай твои примеры,— сказал я.

Нина подала мне задачник. Там были какие-то дурацкие примеры. Цифры, потом три точки,

Нина смотрела мне прямо в рот, точно я счетная кибернетическая машина.

снова цифры и три точки, и снова цифры. А в конце примера знак равенства и ответ. В условии было написано, что вместо точек надо поставить знаки действий.

— Это сущая ерунда,— сказал я. А сам стал соображать, какие там еще знаки действия надо ставить.

— Умножение проходили? — спросил я.

— Проходили,— ответила Нина.

— И деление проходили?

— Проходили.

«Нечего сказать, нагружают маленьких! — подумал я.— Мало им сложения и вычитания. Нет, надо еще задать умножение и деление».

Долго думать было неудобно, а Нина смотрела мне прямо в рот, точно я счетная кибернетическая машина, и у меня тут же начнут выскакивать изо рта готовые решения ее примеров.

Молча взял у нее ручку, листок бумаги и стал переписывать этот несчастный пример. Видно, я здорово волновался, потому что с ответом у меня не сошлось.

Посмотрел на Нину: заметила ли она, что я ошибся?

Нина тяжело вздохнула и сказала:

— Вот и у меня так, решаю я быстро, а с ответом не сходится.

Я кисло улыбнулся и ничего не ответил. Другой на моем месте стал бы выкручиваться, что он пошутил. А я не умею выкручиваться — это моя слабость.

Пришлось повозиться с этими примерами больше часа. Оказалось, пустяковые примеры. И Нина в конце концов тоже научилась их решать.

Меня просто распирало от гордости. Это был первый благородный поступок в моей жизни, и я готов был решать эти примеры до ночи.

— Если будут еще какие-нибудь осложнения с арифметикой, приходи.

— Хорошо,— ответила Нина.— А сейчас можно идти домой?

— Конечно.

Я подумал, что теперь уж я больше не приду к октябрятам.

Честно говоря, мне почему-то стало их жаль. Сам этого хотел, сам бегал от них, а теперь вдруг пожалел.

И тут мне пришла в голову блестящая идея — переписать в тетрадь фамилии всех этих малышей, а потом отвести ребят в ГУМ и сфотографировать в моментальной фотографии. А фото наклеить в эту тетрадь.

По-моему, это была действительно блестящая идея: малышам радость и новому вожатому, который придет вместо меня, помощь. Открыл тетрадь — фотографии, а под ними фамилии: не перепутаешь никого.

Я вытащил из портфеля чистую тетрадь и под Нинину диктовку переписал фамилии всех ребят.

Домой мы возвращались вместе. Всю дорогу разговаривали. Нина рассказывала про себя:

— Мы живем вчетвером: папа, мама, бабушка и я. Папа и мама у меня — врачи, а бабушка — пенсионерка... А ты с кем живешь? — спросила Нина.

— Тоже с папой и мамой. Только без бабушки. Папа сейчас уехал в командировку в Свердловск. Он оттуда привезет для своего завода скоростные станки. А пенсионерка у нас тоже есть. Ольга Андреевна, наша соседка.

— Пенсионерка? — обрадовалась Нина и засмеялась.

Почему ей было смешно, я не понял. Не всегда ведь так сразу поймешь этих маленьких.

— Все пенсионерки ужасно смешные,— сказала она.— В тот день, когда им разносят пенсию, они не выходят на улицу, боятся прозевать почтальона.

Я тоже засмеялся. Вспомнил, что Ольга Андреевна в день пенсии никогда не выходит из дому.

— А наша соседка всех расспрашивает о Сибири, у нее там сын.

Мне было легко разговаривать с Ниной. Она была как мальчишка: о чем хочешь, о том и болтай. Ей все интересно, это я сразу почувствовал. Есть девочки, которые интересуются всякими косынками да шарфиками, а Нине все было интересно.

— Я тоже, когда вырасту, поеду в Сибирь,— сказал я.

— Говорят, там такие степи, что за целую неделю можно ни одного человека не встретить.

— Ну и что?

— Ничего,— ответила Нина.— Но говорят, там по степям рыщут голодные волки и нападают на овец.

— Ну и что? — сказал я.— Этих волков охотники расстреливают прямо с самолетов. От самолета далеко не убежишь.

На прощание Нина сказала:

— Приходи к нам почаще.

— Хорошо,— ответил я.

У подъезда меня поджидал Сашка.

— Ты чего стоишь? — спросил я.— Пошли ко мне.

— Не собираюсь к тебе заходить. Мне у тебя нечего делать, просто я хотел посмотреть на твою нахальную физиономию.

Сашка был мокрый и злой, как пес, который два часа бегал за кошкой и не поймал ее.

Я сразу догадался, что наши проиграли.

Сашка был такой усталый, что мог заплакать от обиды.

Глупо это, конечно. И со стороны может показаться смешным. Подумаешь, проиграли в футбол! Но я-то знал, что проигрыш для Сашки был большим несчастьем.

— Да брось ты переживать! Мы еще этих букашек разделаем под орех!

— Воспитатель! — ехидно произнес Сашка. Повернулся и пошел. Ленивой походочкой, помахивая портфелем.

«Это он уже зря,— подумал я.— Смеется. Когда от злости над другим смеются — это всегда зря».

* * *

На следующий день на перемене пришла Наташа.

Я хотел тут же улизнуть, но она окликнула меня:

— Боря, как октябрята?

Вокруг нас моментально собрались ребята. И особенно много было девочек.

Ужасно до чего они любили сюсюкать: «Наташенька, Наташенька, какой у тебя симпатичный воротничок, какой у тебя симпатичный значок!»

Не хотелось при них разговаривать, но другого выхода не было.

— Подтянул одну девочку по арифметике,— сказал я.

Тут откуда-то вынырнул Сашка и закричал:

— Ура! Придуманто воспитал нового математика. Это сенсация!

Так мою фамилию еще никто не переделывал. Я засмеялся вместе со всеми, думал, убью сразу двух зайцев: помирюсь с Сашкой и отделаюсь от Наташи.

Но она строго сказала:

— Это частности. А ты глубже смотри на вопрос. Вовлекай весь коллектив в общественную работу.

Ох, какая меня охватила скука, когда она сказала эти слова!

— Я кое-что задумал.— Я протянул ей тетрадь с фамилиями октябрят.

Она полистала ее, а остальные вытянули шеи, чтобы заглянуть, что там такое. Шеи у них стали прямо как у жираф.

— В чем дело? — спросила Наташа.— Ничего не понимаю.

— Мы пойдем в ГУМ, там ребята сфотографируются в моментальной фотографии. А я наклею эти снимки в тетрадь.

— А зачем? — еще больше удивилась Наташа.

— Фотография автоматическая. Работает без фотографа.

— По-моему, ты пошел не по тому пути. Какие-то фотографии...

Все захихикали.

Я разозлился. Она, конечно, не поняла, как малышам интересно сфотографироваться в моментальной автоматической фотографии.

— Ну, потом будем записывать в эту тетрадь про свои дела,— выдавил я.

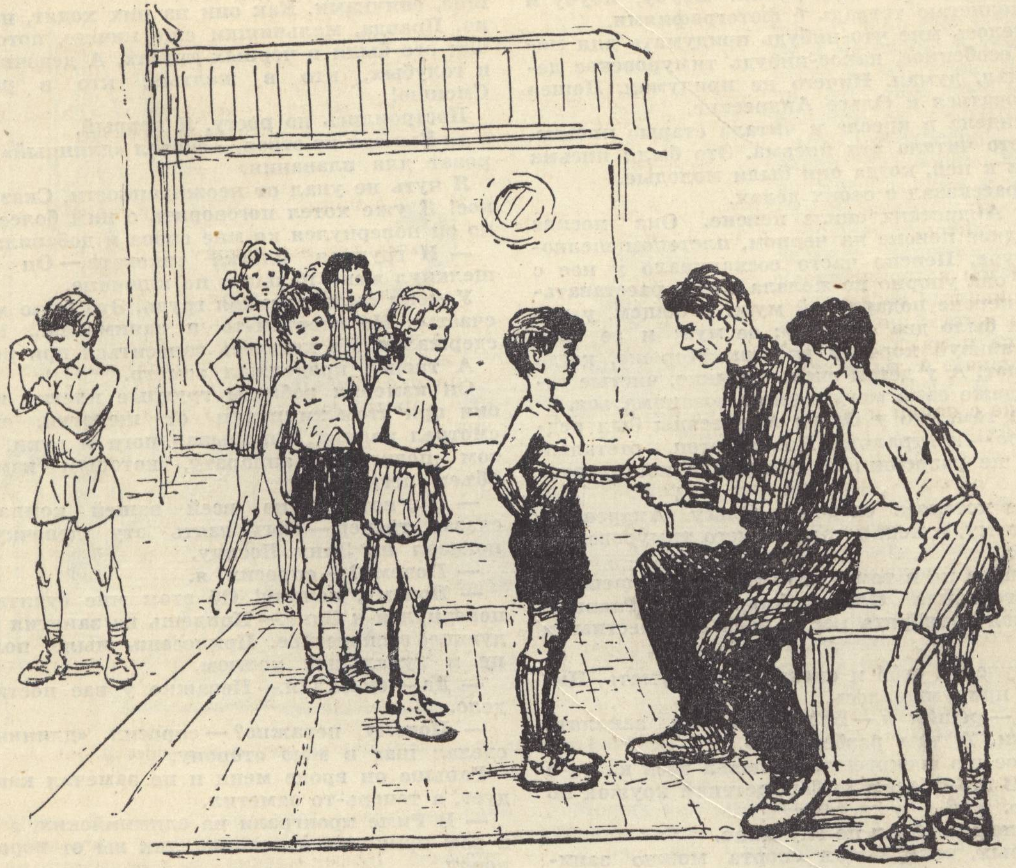
Скучно мне было. Даже расхотелось идти к октябрятам.

— Это все не имеет отношения к работе вожатого, но для начала сойдет.— Наташа посмотрела на ребят.— Вожатый — это кто? Воспитатель и политический руководитель своих младших товарищей. А ты, Збандуто, еще не понял этого.

— А что же имеет отношение к работе вожатого? — разозлился я.

— Ну, организуй танцевальный кружок. Разучи, например, танец «гопак».

— У него нет никакой склонности к пластике! — снова крикнул Сашка.

Тренер продолжал осмотр — он измерял ребятам грудные клетки.

Я думал, он убежал, а он все еще околачивался тут.

— Я позову Смолина,— ответил я.— Он у нас знаменитый учитель танцев.

* * *

И все же я повел ребят в ГУМ. И не зря. Автоматическая фотография — великолепная вещь. Зайдешь, сядешь в кабину и можешь корчить любые рожи — фотографа ведь нет. Потом получай сразу девять фотокарточек. Три — с левого профиля, три — с правого, три — анфасные.

О том, что можно корчить рожицы, я, конечно, никому не говорил. Но Толя Костиков сам догадался и другим рассказал.

Что это было за веселье! Толя Костиков сфотографировался с оскаленными зубами. Гена Симагин к подбородку прилепил обрывок газеты. А Гога Бунятов, тот высунул язык. Все хохотали и никак не могли остановиться.

Взрослые на нас оглядывались и, может быть, даже возмущались. Но я-то уж знал: если смешно, тут ни за что не остановишься. Тогда нужно придумать что-нибудь особенное, и я сказал:

— Сейчас пойдем есть мороженое. Из стаканчиков.

— Ура! Ура! — закричали все.

— А мне мороженого нельзя,— сказал Толя Костиков.— Я болел недавно ангиной.

— Жаль,— ответил я. Толя Костиков сразу скис.— Ну, что ж, полная солидарность. Мороженое есть не будем. Купим пирожки с повидлом.

— Полная солидарность, полная солидарность! — обрадовался Костиков.— Это я понимаю!

Когда стали покупать пирожки, то я увидел, что Гена Симагин отошел в сторону и уставился на витрину с коврами, точно его с самого рождения интересовали только ковры и всякие там узоры на них.

Ясно: у него не было денег на пирожок. А у меня в кармане лежали три новеньких рубля, которые мне оставил папа. Я должен был на них купить маме подарок ко дню рождения.

Пришлось мне вытащить один из этих новеньких рублей и купить еще один пирожок.

Мне ничуть не было жалко денег. Все уплетают за обе щеки пирожки, а один малыш рассматривает в это время какие-то пыльные ковры.

Кем надо быть, чтобы такое терпеть? Но я все же вздохнул, потому что прекрасно знал: стоит разменять рубль, и он весь разойдется.

Я подозвал Нину и дал ей пирожок для Гены. Не знаю, что она ему там говорила, но они очень быстро после этого отошли от витрины.

Вечером я расклеил фотографии малышей в тетрадь. И она стала как живая. Интересно было ее перелистывать. Смешные рожицы были у этих малышей.

Потом я принялся за уроки. Поучу, поучу и снова полистаю тетрадь с фотографиями.

Захотелось мне что-нибудь придумать для малышей особенное, какое-нибудь тимуровское дело. Думал, думал. Ничего не придумал. Пошел посоветоваться к Ольге Андреевне.

Она сидела в кресле и читала старые письма. Она часто читала эти письма. Это были письма ее мужа к ней, когда они были молодые.

Я ей рассказал о своих делах.

Ольга Андреевна сняла пенсне. Она носила старомодное пенсне на черном, плетеном шелковом шнуре. Пенсне часто соскакивало у нее с носа, но она упорно не желала с ним расставаться. Это пенсне подарил ей муж. В общем, у нее в жизни было два «ангела»: ее муж и ее сын.

— Организуй хоровой кружок. Хорошо, когда люди поют. А у детей очень звонкие, чистые голоса. Я даже сама могу с ними позаниматься.

Дело в том, что у Ольги Андреевны был редкий голос — контральто. Но ее отец, отсталый человек, не разрешил ей учиться в консерватории.

Мне не хотелось огорчать Ольгу Андреевну, но, по-моему, в пении тоже ничего тимуровского не было.

— Главное не в том, что ты придумаешь,— снова заговорила Ольга Андреевна.— Главное, чтобы твои октябрята росли добрыми, честными людьми.

Я вернулся к себе и снова начал думать. Ничего не придумывалось.

«Ладно,— решил я.— Буду пока их закалять физически. А там разберемся».

В первое же воскресенье я повел весь класс в бассейн. В этом бассейне был детский кружок по плаванию.

Плавание я выбрал не случайно.

Во-первых, этим видом спорта можно заниматься с детства, а во-вторых, всем известно, что с плаванием у нас в стране далеко не все в порядке.

В Риме на олимпийских играх мы получили уйму медалей, а по плаванию — ни одной.

Вот почему я решил записать своих малышей в плавательный кружок. Кто знает, может быть, из них вырастут рекордсмены страны или даже мира. Это было бы, конечно, здорово.

Но не так-то все оказалось просто. Сначала нас не хотели пускать в бассейн. Там у них все по расписанию и по пропускам.

Малыши притихли, как мыши. А я долго спорил и кричал, что я вожатый, и что мы всем классом, и что мы не позволим срывать общественное мероприятие.

Наконец появился какой-то длинный мужчина в синем спортивном костюме и велел нас пропустить. Он нас провел в зал и приказал:

— Раздеться и выстроиться по росту.

Все, конечно, запищали и захихикали.

Тогда он сказал:

— Быстро. У меня нет времени.

Пришлось мне раздеться. Надо было показать пример, а то еще этот «длинный» разозлится и выгонит нас. Остался только в трусиках и майке.

— Майку тоже снять,— приказал «длинный»

Следом за мной стали раздеваться все ребята. Они стеснялись, конечно, но «длинному» их ни капельки не было жалко.

Когда я посмотрел на них, мне вдруг стало смешно. Худенькие, тоненькие. Ноги длинющие, спичками. Как они на них ходят, непонятно. Правда, мальчишки еще ничего, потому что они все были в черных трусах. А девочки — кто в голубых, кто в желтых, кто в розовых. Смешно!

Построились по росту. Я первый.

— Выходи из строя,— сказал «длинный».— Староват для плавания.

Я чуть не упал от неожиданности. Сказать такое! Я уже хотел поговорить с ним более резко, но он повернулся ко мне снова и добавил:

— И грудная клетка узковата.— Он больно щелкнул меня пальцем по ключице.

У меня была куриная грудь. Это было мое несчастье. Но спортом-то я занимался!.. Еле-еле сдержался. Не хотелось заноситься при ребятах.

А тренер продолжал осмотр.

Он измерял ребятам грудные клетки и, если они при этом хихикали от щекотки, свирепо смотрел на них. Ощупывал ноги и руки. А потом подвел к аппарату, которым измеряют объем легких.

— Ну, вот что: из всей вашей компании,— сказал тренер,— могу взять эту девочку.— Он показал на Зину Босину.

— Почему? — спросил я.

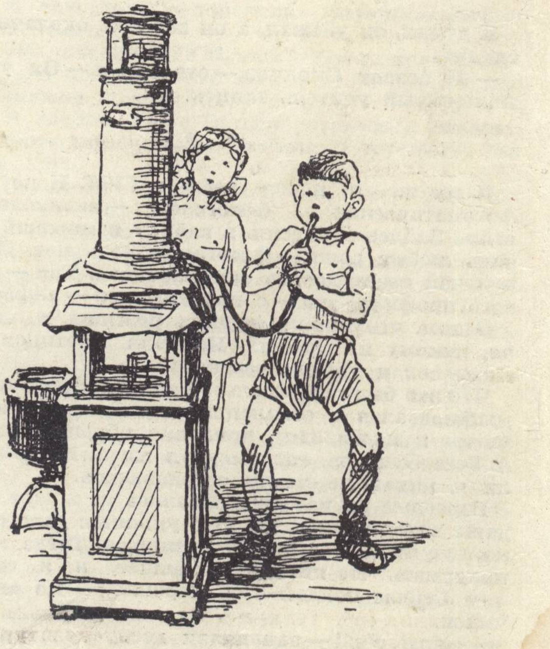
— Почему, почему! Об этом мне судить.— Он повернулся к Зине.— Придешь на занятия в следующее воскресенье. Принесешь мыло, полотенце и купальный костюм,

— Да,— сказал я.— Неважно у вас поставлено дело.

— Почему неважно? — спросил «длинный» и сделал шаг в мою сторону.

Раньше он вроде меня и не замечал как следует, а теперь-то заметил.

— В Риме проиграли на олимпийских, а когда к вам приходят новенькие, так вы от ворот поворот.

Потом особым аппаратом измеряли объем легких.

С этого дня я стал по утрам заниматься зарядкой.

Малыши быстро задвигались, собирая свои вещи. Они явно торопились уйти.

Но он ничего мне не сказал. А что скажешь, когда это чистейшая правда!

* * *

Теперь второклашки прибегали ко мне каждую перемену, а после уроков поджидали меня и провожали домой. Сашка прямо не знал, что ему делать.

— Долго ты будешь возиться с ними? — спросил он.

— Весь год. А потом на следующий год снова.

— В общем, до самой смерти?

— Не до смерти, а пока не закончу школу.

— Значит, конец нашей многолетней дружбе?

— Почему конец? Они тебе не мешают. Они, знаешь, какие хорошие!

— Я сегодня подслушал,— сказал Сашка,— как твой Костиков говорил про тебя. Будто ты самый сильный среди нас и круглый отличник. Задачки, говорит, решает, как семечки лущит. Это тоже ты им рассказывал?

— Они меня любят и идеализируют. Понял?

После этого разговора я спросил у мамы, почему меня так полюбили малыши.

— Просто ты добрый,— сказала мама.— А маленькие очень привязчивые и старших всегда любят.

Я ничего не ответил маме, но с этого дня каждый день стал заниматься зарядкой и аккуратно готовил уроки. Это оказалось совсем не так трудно. Главное было привыкнуть.

Я купил себе теннисный мячик и целыми днями мял его в кулаке, развивал мускулатуру рук. По-моему, я делал определенные успехи.

Я мечтал о том дне, когда я стану настоящим атлетом. Вот тогда-то уж придет день расплаты. Тогда-то я поговорю с тем «длинным» из бассейна. Неизвестно, кто еще кого щелкнет пальцем по ключице.

Ольга Андреевна, разговаривая со мной, перестала поджимать губы и даже однажды сказала:

— Знаешь, Бока, ты определенно напоминаешь своей настойчивостью Игоря.

Это была высшая похвала, на какую я мог рассчитывать. Ольга Андреевна сравнила меня со своим сыном, с самим Игорем! И все же я ответил:

— Ольга Андреевна, я же просил вас не звать меня Бокой.

— Ах, дорогой мой мальчик. Разве в имени дело? Моего мужа, который провоевал всю гражданскую, а в эту войну пошел в ополчение и погиб под Москвой, звали Минуткой. В детстве он не мог выговорить буквы «ш» и вместо Мишутки называл себя Минуткой. А впрочем, если ты настаиваешь, я постараюсь не называть тебя Бокой.

Между тем приближался день маминого рождения, и пора было покупать подарок.

У нас дома — это серьезно. Не подарить маме подарок — значит подвести папу.

Пришлось отправиться в магазин, хотя я ненавижу ходить по магазинам. Все толкаются, к прилавку не подойдешь. Сразу делается жарко, и уже ничего не хочется покупать.

По дороге в магазин встретил Нину с каким-то высоким, худым мужчиной в очках.

— Боря! — крикнула Нина.— Боря!

Я остановился. Надо сказать, что я не знал, о чем говорить с этими малышами при родителях.

Мужчина посмотрел на меня. У него были толстые стекла в очках, и глаз почти не было видно. Честно говоря, мне такие «очкарики» не очень нравились. Он был типичный доктор. Я предпочитал более мужественные профессии, но пришлось все же подойти.

— Папа, это наш Боря. Вожатый,— сказала Нина.— Он учится в шестом классе.

Она говорила обо мне так, точно я академик или народный артист. А этому доктору, может быть, на меня начхать.

Мужчина протянул руку и сказал:

— Очень приятно. Меня зовут Иннокентий Иннокентьевич.

Я ничего не ответил, а подумал, что на этом имени легко сломать язык.

— Мы идем в кино,— сказала Нина.

— Понятно,— ответил я.— Интересная картина?

— Интересная,— вмешался в разговор Иннокентий Иннокентьевич.— Пойдем с нами?

«А почему бы мне в самом деле не пойти в кино? — подумал я.— Попозже в магазинах будет меньше народу».

— Можно,— сказал я.

— Нина, купи Боре билет.— Иннокентий Иннокентьевич протянул ей монету в пятьдесят копеек.

— Нет, что вы! — сказал я и вынул из кармана рубль из оставшихся папиных денег.— Я сам привык платить за себя.

Иннокентий Иннокентьевич покраснел и сказал:

— Ну, что ж, пожалуйста.

В фойе мы купили мороженого в стаканчиках. Я, конечно, опять на свои деньги. Сначала я не хотел себе покупать мороженого. Но неудобно смотреть им в рот, как они лижут это мороженое. А потом я побоялся, что «этот доктор» подумает, что я жадничаю. Купил себе любимое — клубничное. Потом пошли в зал.

Картина была неплохая, но как только в зале потух свет, с меня сразу вся лихость слетела, и я испугался, что истратил столько денег.

Да, в эти минуты досталось от меня этому очкастому Иннокентию Иннокентьевичу!

«Недаром у меня всегда было какое-то недоверие к людям, которые носили очки с толстыми стеклами,— подумал я.— Пристроил он меня, ничего не скажешь. Теперь папа будет говорить, что я законченный эгоист и черствый человек, что дело совсем не в подарке, а в том, что я не выполнил обещания. А Ольга Андреевна, когда узнает, снова будет поджимать губы и укорять меня отрывками из басен Крылова. А потом приедет папа, и начнется...»

Из кино мы вышли вместе.

— Хорошо,— сказал Иннокентий Иннокентьевич.— Грустно и хорошо, когда наступают последние осенние дни.

Листья в поле пожелтели,
И кружатся, и летят;
Лишь в бору, поникши, ели
Зелень мрачную хранят.

«Листья,— подумал я.— Какое мне дело до листьев, когда у меня от папиных денег чепуха осталась!»

— А не махнуть ли нам во Внуково? — спросил Иннокентий Иннокентьевич.— Там сейчас великолепно.

Мне было все равно, куда махать, и я ответил:

— Можно, пожалуй.

— Я очень довольна, что ты познакомился с моим папой,— сказала Нина.— Хорошо все получилось?

— Хорошо,— ответил я.— Лучше не придумаешь!

Мы пришли на площадь Свердлова. Постояли несколько минут у гостиницы «Метрополь», посмотрели на машины иностранных марок.

В этой гостинице живут иностранцы, и поэтому здесь всегда много машин.

А некоторые иностранцы приезжают в Москву прямо на своих машинах, со своими номерными знаками. Пражские, парижские или хельсинкские знаки.

— Нравятся? — спросил Иннокентий Иннокентьевич.

Это был наивный вопрос: кому же машины не нравятся? Я кивнул.

— Значит, мы с тобой родственные души. Я тоже люблю машины. Могу часами любоваться.

Честно говоря, я больше бы поверил, если бы он сказал, что часами может любоваться осенним листопадом.

— У нас дома есть коллекция,— сказала Нина.— Эмблемы грузовых и легковых машин.

— Я собрал уже пятьдесят три эмблемы различных марок автомашин,— сказал Иннокентий Иннокентьевич.

— А я даже не знал, что такие коллекции собирают,— признался я.

— Могу поделиться своим опытом и частью коллекции,— сказал Иннокентий Иннокентьевич.

Тут подошел внуковский автобус-экспресс, и я ничего не успел ответить.

Во Внукове было действительно хорошо.

На аэродромном поле стояли самолеты: реактивные, беспропеллерные «ТУ», четырехмоторные турбовинтовые «Илы». От их крыльев на бетонные плиты аэродрома падали тени. В тени спокойно прятались большие грузовики-бензовозы.

Мне показалось, что это не обыкновенный аэродром, а космодром. Сейчас загудят моторы — и эти самолеты уйдут куда-то в неизвестную высь.

Но тут стайка людей, обыкновенных людей, в пальто, в шляпах и даже с ободранными, старыми портфелями и чемоданчиками в руках, прошли через контроль и направились к самолету.

Они были такие незаметные, незначительные, эти маленькие люди, на большом бетонном поле, среди могучих, многотонных самолетов.

И летчики были ничуть не лучше всех остальных. Они только немножко увереннее шли по летному полю, разговаривали и смеялись.

Самолет вырулил на взлетную дорожку, дал полный оборот моторам и взлетел.

Он уже превратился в маленькую горизонтальную полоску, а я все смотрел ему вслед и думал про людей, которые сидят там в удобных креслах самолета, и им совсем не кажется удивительным, что они так высоко над землей.

— Сколько раз летал и никак не могу привыкнуть,— сказал Иннокентий Иннокентьевич.— Страшно, но волшебно. Такая свобода, такая сила!

Прилетел другой самолет. Когда он уже бежал по полю, то на хвосте у него выскочило два маленьких парашюта.

— Посадочная скорость очень большая,— сказал Иннокентий Иннокентьевич.— Парашюты для торможения.

Теперь все было наоборот. Пассажиры были веселые, они разговаривали и смеялись, а летчики шли молча.

«Устали,— подумал я.— Нелегко, вероятно, управлять самолетом». И мне так захотелось вырасти быстрее, чтобы так же вот устало идти по летному полю.

— Как вы думаете, Иннокентий Иннокентьевич, меня возьмут в летчики? — Сам не знаю, как у меня выскочил этот вопрос, и теперь я боялся, что он засмеется или начнет говорить об этом слишком громко и нас услышат чужие люди.

Он посмотрел на меня, и я увидел, как в стеклах его очков играют солнечные лучики и в солнечных лучиках маленькие, далекие, колючие глаза. Они всегда одинаковые, по таким глазам ни о чем не догадаешься.

— Знаешь, важно не бояться и хотеть,— сказал Иннокентий Иннокентьевич.

— А я не боюсь и хочу,— ответил я.

Он мне определенно начинал нравиться, этот нескладный, очкастый Паганель. Настоящий чудак!

Нравилось мне, что он говорил как-то по-сво-

ему. А то другой бы обязательно сказал: если ты будешь хорошо учиться и т. д., то возможно.

Все и так уже сейчас знают, что учиться надо, можно об этом лишний раз не напоминать. А многие взрослые об этом напоминают просто от лени. О другом ответе надо думать, а этот сказал — и отвязался.

— Ты решил стать летчиком? — спросила Нина.— А говорил, поедешь в Сибирь.

— Ты что-нибудь слышала о летчиках, которые открывают на своих самолетах залежи полезных ископаемых? Они летают над Сибирью, утюжат сибирскую тайгу. А в самолете у них специальный прибор, он все отмечает. Где руда, где вольфрам, где никель.

— Нет,— ответила Нина.— Не слыхала.

— И другие, конечно, в вашем классе не слыхали?

— Может быть, Костиков знает. Он иногда читает «Юный техник».

— Придется тебе им помочь,— сказал Иннокентий Иннокентьевич.

— Придется,— ответил я.

* * *

В день маминого рождения я всеми силами старался не вставать, пока мама не уйдет. Плохое у меня было настроение, и не известно, что говорить маме.

Открыл один глаз и осторожно поглядывал, как она собирается на работу. Обычно по утрам она ужасно веселая и энергичная, а сегодня она была печальная.

Конечно, день рождения, а никто не поздравляет. Точно она живет не в семье, а на необитаемом острове.

«У меня плохое настроение — это так,— подумал я.— Но мама не виновата, что я такой легкомысленный тип».

Встал, подошел к маме и сказал:

— Поздравляю!

— Спасибо! — сказала мама.— А я решила, что ты уже забыл.

Чмокнул маму в щеку. От нее пахло молоком.

Когда я маму поздравил, она сразу повеселела. Для нее все было в порядке. Я ее поздравил, папа тоже, конечно, поздравит. Значит, все в порядке. Правда, когда папа бывал дома, то он всегда дарил ей подарки: духи там или новый шарфик. А тут папы нет.

Я чмокнул маму в щеку.

Она-то не знала, что папа все поручил мне. Это ведь было нашей мужской тайной.

Мама побегала еще немного по комнате. Переодела кофточку. У нее такая привычка: утром обязательно два раза переодеваться. А потом ушла.

И тут зазвонил телефон. Длинный, продолжительный звонок междугороднего телефона. Ольга Андреевна решила, что это звонит ее сын, и бросилась к аппарату. Но оказалось, что это папа.

— Мама уже ушла,— сказал я.

— Какая жалость! — ответил папа.— Ну, ты ее поздравил?

— Конечно,— сказал я.— Поздравил.

— Что ты ей подарил? — спросил папа.

Слышно было, как назло, очень хорошо. Когда где-нибудь в кино или в театре изображают телефонный разговор, то обычно бывает плохо слышно и артисты кричат во все горло и путают слова, и от этого выходит всякая путаница. А тут было слышно превосходно. Но я все же притворился, что не расслышал вопроса.

— Что? — крикнул.— Не слышу, повтори!

Тут рядом стояла Ольга Андреевна, а папа так заорал в трубку, что не только я или Ольга Андреевна, а на улице могли услышать. Я прижал трубку к уху изо всех сил, несколько раз «чокнул» и, не слушая папу, повесил трубку.

Телефон зазвонил снова.

— Не вешайте трубки,— сказала телефонистка.— Разговор не окончен.

— Ничего не слышно,— ответил я.

— Все хорошо слышно,— сказала телефонистка.— А если вы глуховаты, позовите кого-нибудь с нормальным слухом.

Тут ворвался папин голос. Он сказал, что ничего подобного, его сын совсем не глухой, а вот их телефон работает неважно.

— Папа,— сказал я,— теперь я тебя слышу хорошо.

— Ну, что же ты купил маме?

— Ничего.

— Ничего? — удивился папа.— Зря я на тебя понадеялся. А почему ты, собственно, ничего не купил?

— У меня нет денег.

— Как нет? Ты их потерял?

— Не потерял, а нет.

Хотел ему все объяснить, но по телефону это трудно.

— Ну, понимаешь...— Надо было как-то отделаться, и я сказал: — Проел на мороженое.

— Так,— сказал папа.— Силен мужик! — Помолчал.— Обидно, что ты меня подвел.

Папа не попрощался со мной и повесил трубку.

Никогда он не кричал, и не ругал меня, и даже никогда не сердился. Такой он был человек. Всегда говорил про меня: «Мал еще, вырастет — поймет».

А тут ничего такого не сказал, повесил трубку — и все.

День был скучный. В школе я ни с кем не разговаривал. А если ко мне кто-нибудь приставал, огрызался. Хотелось поругаться.

Вечером некуда было деваться. А мама все время приставала, почему я такой грустный.

Тоска заела меня просто смертельная. Оделся и вышел.

У староарбатского метро остановился и купил себе мороженого. Весь рубль проел. Последний папин рубль. Меня тошнило от этого мороженого. А я ел и ел, не знаю, почему. Вероятно, от одиночества и от жалости к себе, хотел все свои внутренности заморозить.

Потом стал приглядываться: искал веселую молодую парочку. Мне когда скучно, я всегда так

делаю. Найду такую парочку и иду следом за ними. Интересно на них со стороны смотреть: медленно они идут, останавливаются где только можно. И все время смеются.

А я иду следом и делаю то же, что и они.

Они остановятся у витрины. И я остановлюсь.

Они начинают смеяться. И я про себя смеюсь. Даже если ничего смешного на ум не приходит, растягиваю губы, и все. Корчу рожи. А потом мне действительно делается смешно.

Но сегодня был невезучий день. Молодые парочки не попадались, а все какие-то солидные. За такими не увяжешься: они или загоняют до пота, или засохнешь от тоски.

Взял и позвонил Нине.

— Кто ее спрашивает? — Я узнал по голосу Иннокентия Иннокентьевича.

— Борис.

Хотел поздороваться, но не стал. А то еще подумает, что навязываюсь.

— А, Борис! Давай заходи в гости.

— Прямо сейчас?

— Конечно.

Походил минут двадцать для солидности у Нининого подъезда и зашел.

Вся их семья была в полном сборе. Пришлось здороваться со всеми за руку.

Потом Иннокентий Иннокентьевич повел меня в другую комнату и показал свою коллекцию.

Это было неслыханное богатство! В большом ящике, в отдельных гнездах лежали эмблемы разных автомашин. Олени, крутоголовые быки, львиные головы, антилопы, самолеты, звезды, копья.

Эмблемы были тщательно отникелированы. Они были холодные, блестящие и недоступные, как сами машины.

Я гладил, перебирал их, расставлял на столе.

— Ну, как? — спросил Иннокентий Иннокентьевич.— Как тебе моя коллекция?

— В порядке,— ответил я.

Я так был растерян, что просто больше ничего не мог сказать.

— Будешь собирать такую же?

— Попробую,— ответил я робко.

— Тогда для начала возьми себе пять эмблем.

— Что вы, Иннокентий Иннокентьевич! Такая ценность!

— Бери, тебе говорят. Презираю коллекционеров, которые не поддержат товарища.

Я посмотрел на коллекцию и не знал, на чем остановиться. Мне даже жарко стало. Наконец я собрался с духом и взял три эмблемы.

Я взял три самые старые, облупленные эмблемы, чтобы не обидеть Иннокентия Иннокентьевича. Потом помялся и взял две получше: серебристую, с синим пятнышком — эмблему итальянской машины «Фиат», и чешскую квадратную пластиночку с видом гор Высокие Татры — эмблему машины «Татра».

— Сейчас я тебе заверну их,— сказал Иннокентий Иннокентьевич.

— Не надо. Я так.— И спрятал эмблемы в карман.

Потом мы пошли пить чай. За столом уже сидели Нина, ее бабушка и мама — Людмила Захаровна.

— Налюбовались? — спросила Людмила Захаровна.

— Чем бы дитя ни тешилось,— сказала бабушка,— лишь бы не плакало.

Я не понял, про кого бабушка сказала, и промолчал. А Нина рассмеялась:

— Это она про папу.

Я сел и опустил руку в карман. Пощупал эмблемы.

— Боря,— спросила Нина,— ты какое больше любишь варенье: сливовое или вишневое?

— Сливовое,— ответил я.

— А я вишневое, потому что оно у нас с орехами.

Меня тошнило от этого мороженого. А я ел и ел...

Нина стала накладывать варенье в блюдце и уронила одну ягоду на скатерть...

— Ах, какая ты, право, размазня! — сказала Людмила Захаровна.— Руки у тебя дырявые.

Нина покраснела. Хуже всего эти чаи: не знаешь, что говорить, варенья толком не поешь, потому что кажется, что тебе смотрят в рот. В таком положении сразу вспоминаешь что-нибудь плохое. И я, конечно, вспомнил про разговор с папой.

Тут мне сразу расхотелось и варенья и чаю. И даже эмблемы, которые царапали мне ногу сквозь материал в кармане, не успокоили меня.

— Спасибо! — Я встал.— Мне надо идти.

— Что ты, Боря,— сказала Людмила Захаровна.— Так быстро уже уходишь. Посидел бы.

Вообще мне Людмила Захаровна не понравилась, мне показалось, что она больше говорит ради вежливости, а на самом деле ей все равно: уйду я или нет. Не люблю я, когда говорят только из вежливости.

Я вышел в переднюю вместе с Ниной.

— Я думала, мы поиграем с тобой, потом посмотрим телевизор,— сказала она жалобным голосом.

— Ничего, обойдешься без веселья.

— Почему ты такой грубый? Мама говорит, что грубые люди всегда жестокие.

— Ну, твоя мама тоже...

— Это ты из-за варенья? Она никогда меня не ругает. Просто она волнуется. Они ведь с папой уезжают на полгода в командировку, и она волнуется, как я останусь одна.

— А куда они уезжают?

— В Африку,— ответила Нина.

— В Африку? — Мне стало смешно от ее вранья. Иннокентий Иннокентьевич, худой и в очках, и Людмила Захаровна, которая делает замечания за какую-то несчастную ягодку, упавшую на скатерь,— и вдруг в Африку! В джунгли, под жаркое солнце, под тропические ливни, где на каждом шагу ядовитые змеи и хищные тигры.

Я посмотрел на Нину, на ее коротенькое розовое платье и большие розовые банты.

— А ты хоть знаешь, где находится Африка?

— Конечно, знаю! — Нина рассмеялась.— Я даже стихи помню, мы еще в детском саду учили.

«В Африке акулы,
В Африке гориллы.
В Африке большие злые крокодилы...»

— И все? Больше ты ничего не знаешь про Африку? Ну, и нечего врать.

— Я никогда не вру,— сказала Нина.

Что-то я говорил не то, приставал к Нине и старался ее обидеть.

— Ну, ладно, африканка,— сказал я примирительным голосом.— До свидания!

«В конце концов,— подумал я,— она же совсем не виновата, что я истратил деньги».

Меня остановил голос Иннокентия Иннокентьевича:

— Ты так и не поверил, что мы уезжаем?

— Поверил,— ответил я нерешительно.

— Да, брат, едем в Африку людей лечить. Там еще разными тяжелыми болезнями болеют: оспой и холерой.— Иннокентий Иннокентьевич посмотрел на Нину.— Ну-ка, Нинок, оставь меня с Борисом. У нас серьезный разговор.

— Понимаешь,— сказал Иннокентий Иннокентьевич,— я на тебя по-настоящему надеюсь.— Он снял очки и стал их протирать.

Без очков у него было очень смешное и беспомощное лицо.

— Нина — девочка слабенькая, а бабушка у нас старая. И вот мы с Людмилой Захаровной просим тебя присмотреть за Ниной. Я на тебя по-настоящему надеюсь.

— Вы не беспокойтесь,— сказал я.— Что с ней может случиться? Я за ней присмотрю.

— Нет, ты мне твердо ответь, как мужчина мужчине. Можно на тебя положиться? Ведь мы уезжаем не на дачу, а в Африку.

Я хотел дать ему клятву. Он определенно мне нравился, он стал для меня как товарищ. Я даже ему очки уже простил и то, что он любил читать стихи.

В общем, он был хороший человек, и мне почему-то не хотелось его обманывать. Вспомнил, как я подвел папу, и тут точно кто-то наступил мне на язык.

— Ну, что же ты, не хочешь? Или, может быть, считаешь, что с девочкой нельзя дружить?

— Ничего я не считаю. Но не могу обещать. Буду стараться изо всех сил, а твердо обещать не могу. Всякие могут быть неожиданности.

— А я на тебя, признаться, надеялся.

— Не могу обещать,— упрямо ответил я.

И тут у меня мелькнула мысль, что только поэтому Иннокентий Иннокентьевич зазвал меня в гости и подарил часть своей коллекции.

Я посмотрел ему прямо в лицо, чтобы проверить свою догадку, но разве что-нибудь рассмотришь за этими толстыми стеклами очков! Он стоял передо мной, высокий, худой, и тер подбородок.

Я полез в карман и вытащил драгоценные эмблемы.

— Возьмите,— сказал я.— А то подумаете, что я неблагодарный. Эмблемы взял, а просьбу вашу не могу выполнить.

— Да ты просто дурак! — сказал Иннокентий Иннокентьевич.— Надутый, глупый человек! Я еще никого в жизни не задабривал, сейчас же спрячь эмблемы или я с тобой больше никогда в жизни не поздороваюсь.

Я выскочил на лестницу и побежал вниз.

— Боря, Боря! — крикнул Иннокентий Иннокентьевич.— Вернись!

Я молчал. И вся лестница молчала. Только мое имя глухо разносилось по лестнице и стукалось о холодные камни.

— Что случилось? — спросила Нина.

— Боря почему-то обиделся и убежал,— ответил Иннокентий Иннокентьевич.— Нехорошо.

— Он вообще сегодня странный,— сказала Нина.— На меня накричал, мама ему наша не понравилась...

Наверху хлопнула дверь и голоса пропали.

(Окончание в следующем номере.)

Сергей ВОЛЬФ
Рисунок Ф. Лемкуля.

Мои друзья Джимми и Василий

Я возвращался потихонечку из школы домой в хорошем настроении. И ни о чем таком особенном не думал. Мне казалось: вот приду я домой, попью чаю, поделаю чего-нибудь с ребятами во дворе и сяду за уроки.

Но когда я свернул на нашу улицу, я увидел в конце ее эту машину. Машина была грузовая, большая, крытая, бока у ней были желтые, веселые, а верх голубой-голубой, и на боках крупно было написано: «Книги».

Я два раза обошел вокруг машины и один раз немного постоял перед радиатором. Из-под машины торчали ноги; наверное, шофер что-то чинил у нее внизу.

Про себя я похвалил его за старательность, обошел машину еще раз и залез в открытую дверцу сзади. Чтобы никто меня внутри не заметил, я тут же и закрыл ее. Не знаю точно, стал ли бы я залезать в эту машину, если бы на ней было написано «Мебель» или даже «Мороженое», но раз уж там было написано «Книги», не залезть было просто страшной глупостью. Я бы никогда себе не простил такого. «Чудесная машина,— подумал я,— сколько здесь книг!»

В маленькое окошечко из кабины шел свет. Под окошечком была скамейка, а по бокам полки до потолка с книгами. Я взял с полки первую попавшуюся, сел на скамейку и принялся читать.

Это была повесть про американского мальчика Джимми. Отец Джимми был рабочим. Они вдвоем все время разъезжали по фермам на своем красном спортивном автомобиле в поисках работы. По правде сказать, этот автомобиль только когда-то был красным и уж совсем не спортивным; это они только так его называли, для собственного удовольствия, и потому еще, что все время мечтали о таком. Ничего у них, кроме этого автомобиля, не было. И вот однажды, когда отец куда-то ушел, какие-то гады угнали автомобиль, и Джимми, оставив отцу записку, отправился на поиски.

Я представил себе, как Джимми идет и идет по пыльной дороге. Мне стало жалко его и захотелось помочь ему. Я подумал, что вот мы вместе, он и я,—товарищи, и вместе идем по пыльным дорогам, усталые и голодные, и все спрашиваем у фермеров и прохожих, не видали ли они двух гадов в красном спортивном автомобиле. Я смущался и толкал Джимми в бок: дело ведь было серьезное. «Ну, не в очень красном»,— говорил Джимми и объяснял, как выглядела машина. Ох, как мне его было жалко! Я сказал Джимми: плевать в конце концов на автомобиль, и пусть они вместе с отцом переезжают жить к нам в Советский Союз.

— Я бы с великим удовольствием,— сказал Джимми.— И я и отец, мы оба с великим удовольствием.

Но, видно, красный автомобиль не давал ему покоя, и он заговорил вдруг о каком-то негре по фамилии Вильямс. Как жаль, что его нет с нами, а то бы он обязательно нам помог.

— Ох, уж этот негр! — сказал Джимми.— Господи, и куда он только задевался! Он хороший парень, его зовут Кути. Послушал бы ты, как он играет на трубе! Он бы нам помог.

Мы так и не нашли наш красный автомобиль в этот день. Мы оба были усталые дальше некуда. Мы отыскали на поле стог с сеном. Я прислонился к стогу спиной и... заснул.

Проснулся я оттого, что вдруг здорово качнуло. Я открыл глаза — Джимми рядом не было. Что-то шумело, что-то раскачивало меня. Я огляделся в полумраке. По бокам были полки с книгами, сам я сидел на скамейке... И тут я все понял: я заснул, а машина «Книги» куда-то везла меня.

Я закричал, я забарабанил в кабину, и только тогда машина остановилась.

Шофер вылез из кабины, открыл дверцу в кузов и некоторое время молча и с любопытством разглядывал меня.

— Эх! — сказал я.

— Ну и тип! Откуда ты здесь взялся? — спросил он.— А ну вылазь!

Я вылез из машины. Мы стояли на шоссе, а кругом были поля.

— Ой! — сказал я.— Ой-ей, где это мы?

— Тридцать километров хорошей дороги от города Ленинграда,— сказал он.— А ты кто такой?

Тогда я все рассказал ему.

— Что же мне делать? Что же мне делать? — говорил я.— Что будет с мамой? Что будет с папой? Что будет с бабушкой? А который час?

— Пять часов.

— Ой-ё-ёй! — застонал я.

— Ну вот, ну брось, ну не надо,— сказал шофер.— А то я заплачу. Садись в кабину. Махнем в ближайший колхоз и позвоним оттуда твоим по телефону.

И мы сели в кабину.

— А ты сам-то кто будешь? — спросил я, когда машина тронулась.

— Я шофер, потому что люблю машины. И еще я продавец книг, потому что люблю книжки.

— Сразу и то и другое? — спросил я.

— Сразу и то и другое.

— Так не бывает,— сказал я с сомнением.

— Когда любишь и то и другое, бывает,— сказал он.

— А сейчас ты куда? — спросил я.

— В колхоз «Светлый путь», везу колхозникам книги.

— Я думаю, им понравится повесть про Джимми,— сказал я.— Они будут ему сочувствовать. Ему и его отцу.

— Жалко парня,— согласился он.

— А ты разве читал?

— Еще бы! Конечно.

— Ну, и нашел он свой красный автомобиль?

— Нет.

— Ч-черт! — сказал я.— Вот гады! Только ты мне больше не рассказывай, я хочу сам дочитать эту книжку. Интересно, встретил он там этого негра Кути Вильямса с трубой?

— Ладно, не буду рассказывать,— согласился он.— А тебя как зовут?

— Алеша,— сказал я.— Так сказать, Алексей.

Я хотел спросить, как зовут его, но тут мы стали заворачивать налево, налево... и остановились возле правления колхоза «Искра».

Мы вошли в правление. Он объяснил, в чем дело, и меня тут же соединили с нашей квартирой.

— Папа! — закричал я. — Папа, как твои дела?

— Хулиган,— сказал он,— тут мать из-за тебя...

— Папа,— продолжал я кричать,— я не хулиган! Я попал в одну историю...

— История будет дома, когда вернешься,— мрачно сказал папа, и тут я услышал голос мамы, вернее, всхлипывания.

— Алеша, где ты?

— Мама! Дорогая мамочка! Я в колхозе «Искра» и скоро буду дома. Часика через полтора. Я сел в машину и уснул и далеко уехал.

— Я ничего не понимаю,— всхлипнула мама.

— Я здесь с одним очень хорошим человеком. Он заедет к нам в гости потом, чаю выпьем, вот увидишь...

— Где ты, Алеша? — еще раз всхлипнула мама.

Шофер взял у меня трубку и сказал:

— Мама, не волнуйтесь, пожалуйста, сейчас мы отвезем вашего мальчика на станцию, посадим в электричку, и он скоро будет дома.

Мы повесили трубку, сказали спасибо в правлении и поехали на станцию.

— А что это ты делал со своей машиной возле нашего дома? — спросил я.

— Там у меня тетя живет в пятой квартире.

— А мы в семнадцатой. Приходи в гости.

— Спасибо,— сказал он,— обязательно зайду.

На станции он купил мне билет и дождался, когда пойдет электричка.

— Будь здоров! — сказал я.— Счастливый тебе путь!

Он еще раз сказал мне спасибо и снова пообещал, что придет к нам в гости.

— Привет папе и маме! — крикнул он.

Электричка тронулась.

— А как тебя зовут, эй?! — вспомнил я.

— Василий! — закричал он.— Васи-и...

Платформа исчезла.

Я зашел в вагон и стал смотреть в окно.

А потом уже до самого города я думал о Джимми и о моем новом друге Василии, у которого сильные руки и целая машина хороших книжек.

Зимний ветер

Вахтанг ЦИКЛАУРИ

Он нагребает сугроб на крыльцо,
Сшибает снежинки с елок,
Хохочет, царапает мне лицо
Тысячами иголок.

«Эй, ветер, давай поиграем в снежки!»
А ветер гудит, отвечает:
«Сыграл бы, да заняты обе руки,
Я ими деревья качаю!»

ЧУДО-ЮДО РЫБА-КИТ

Вот въезжает на поляну
Прямо к морю-окияну;
Поперек его лежит
Чудо-юдо рыба-кит.
Все бока его изрыты,
Частоколы в ребра вбиты,
На хвосте сыр-бор шумит,
На спине село стоит,
Мужички на гу́бе пашут,
Между глаз мальчишки пляшут,
А в дубраве, меж усов,
Ищут девушки грибов.

П. П. Ершов. «Конек-горбунок».

В. КОНСТАНТИНОВ
Рисунки автора.

* * *

Раннее утро тринадцатого июля. Пароход «Балхаш» приближается к конечной цели моего путешествия — к острову Симушир, на котором находится китокомбинат «Скалистый». Чуть дальше к востоку от острова на карте прочерчена линия и написано: «Граница суток». Здесь разница во времени с Москвой составляет целых восемь часов.

Корабль уже третьи сутки идет в сплошном тумане. Качает не очень сильно, потому что пароход большой. Справа по борту в разрывах тумана проплывает громадная гора, похожая на вулкан. Ничего не разберешь, но едущие вместе со мной китобои говорят: «Вот и «Скалистый»!»

Седые, неприветливые валы воды быстро бегут назад. Вскоре пароход останавливается. Грохот якорных цепей. Туман попрежнему непрогляден. Идет дождь. Долго, протяжно гудит пароходная сирена. Я стою на узкой мокрой палубе: жду прихода катера. Он вынырнул откуда-то из тумана и запрыгал внизу на волнах, прицепившись к нижней площадке трапа.

Спускаюсь по узкому высокому трапу на палубу катера. Катер вздрагивает, трогается. Мы идем к берегу.

* * *

Я поселился в одном из светлых сборных домиков поселка китокомбината, прижатого с трех сторон скалами к небольшой бухте. Позади моего домика нависают обрывистые, курчавые, как зеленый баран, каменные громады, с которых струятся десятки тонких, изящных, ступенчатых водопадов, ниспадающих с очень большой высоты.

Топорок

Мои окна выходят в Охотскую сторону океана, и мне видны приходящие и уходящие суда, дальний правый берег бухты, где иногда из тумана вырисовывается действующий вулкан.

Поселок завален серыми и розовато-серыми камнями вулканического происхождения. Всюду, куда ни ступишь, камни. Среди них цветет дикий жасмин, низкий, до пояса кустарник с желтовато-кремовыми цветами.

За поселком, куда я ходил со здешними друзьями ловить рыбу, крутые, скалистые спуски к воде. На неприступных скалах шумят птичьи базары. Там собираются тысячи гусей, уток, чаек, неуклюжих топорков с яркими красными носами.

* * *

В один хороший вечер на рейд «Скалистого» пришел «Циклон», один из кораблей китобойной флотилии. Служебный катер «Аскольд» доставил меня на китобоец. «Циклон» — современное судно с мощными дизельными двигателями. На корабле необыкновенная чистота, все вокруг блестит. В судовой кухне два больших холодильника, электрическая печь для выпечки хлеба, большая мясорубка с мотором. Есть своя прачечная с двумя стиральными машинами. В каютах радиолы, умывальники, зеркала, удобные, широкие постели. Есть библиотека, своя кинопередвижка. Мне рассказали, что за те семь месяцев, что китобои находятся в океане, с мая по ноябрь, они просматривают больше сотни кинофильмов.

В свободное от вахты время китобои учатся. На флотилии есть две учительницы, переходящие с одного китобойца на другой; они преподают основные предметы по курсу средней школы. По окончании промыслового сезона китобои сдают экзамены — кто за седьмой класс, кто за десятилетку.

Утром мы были уже далеко в океане. Качало не очень сильно, но я без привычки с трудом передвигался по кораблю. «Циклон» шел в сплошном тумане. В нескольких метрах от борта ничего не было видно. «Видимость — ноль!» — как говорят китобои.

Об охоте на китов в этот день не могло быть и речи. Вечером корабль выключил двигатели и лег в дрейф. Всю ночь мы качались на волнах. Где-то в ночной тьме пищали и откликались, если посвистишь, какие-то кулички.

Си́вуч

Утром, когда я вышел на палубу, туман рассеялся, и судно уже шло полным ходом.

Вдруг корабль начал как-то странно вздрагивать, то ускоряя, то резко замедляя ход. Кто-то сказал: «Киты!»

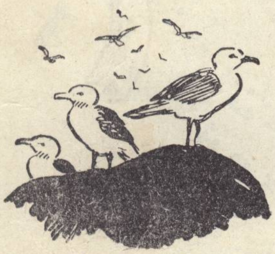
Я торопливо оделся потеплее и поднялся на верхний мостик. Сначала я не видел того, что видели другие, но потом и я увидел фонтаны на воде. Они совсем не похожи на те, что я видел раньше на картинках. Фонтан вырывается из-под воды мгновенно, как выстрел. Слышится тяжкий вздох, кит шумно выдыхает воздух через отверстие на голове — дыхало. Вслед за этим появляется огромная мокрая спина кита с плавником, она кажется коричневатой на фоне зеленовато-серой воды. Киты идут группами, поэтому видны сразу несколько фонтанов. Высота фонтана кита-финвала около восьми метров! В этот день нам встречались только киты-финвалы.

Киты! На верхнем мостике, кроме капитана и старпома, собрались свободные от вахты китобои, болельщики. Они смотрят в бинокли, шумят, как на футболе. У пушки стоит гарпунер. Он, как дирижер; за движением его руки следят все.

— Полный ход! — кричит гарпунер, и капитан на мостике повторяет его слова в мегафон.

Судно устремляется наперерез киту.

— Малый! Самый малый!

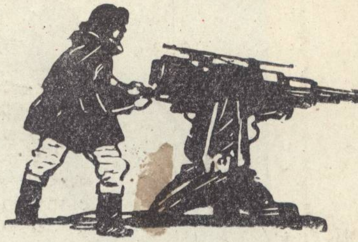

Чайки

Кит совсем близко; судно замедляет ход, чтобы гарпунер мог точнее прицелиться и, главное, чтобы кит не попал под корпус корабля: ведь он может смять и поломать гребной вал и винты.

Вот судну удалось приблизиться на нужное расстояние. Гарпунер — весь внимание! Поворачивается на оси пушка. Прицел. Гулкий выстрел! Старший механик разматывает трос с лебедки. Гарпун в теле кита. На конце гарпуна граната, она разрывается, раскрывая зубья гарпуна, как лапы якоря, и убитый кит оказывается на привязи — «на лине». Лебедка подтягивает его к борту. В тушу кита втыкают полую металлическую пику, через нее по резиновому шлангу нагнетается воздух, чтобы придать туше плавучесть.

Затем к хвосту кита укрепят на поплавке-мачте «флаг» с электрической лампочкой наверху. Кита «на флаге» оставляют в океане. Местоположение его отмечают на морской карте и уходят дальше продолжать охоту.

Интересно, что как только раздастся выстрел из гарпунной пушки, тотчас же налетают птицы: буревестники, чайки, глупыши. Они долго следуют за судном.

До наступления темноты у борта «Циклона» был еще один крупный кит-финвал. Мы двинулись обратно.

Мне очень хотелось увидеть, как это ночью найдут кита, оставленного «на флаге», поэтому я не ложился спать.

Мы сидели в кают-компании, и молодой научный работник, практикант Слава, рассказывал мне о китах.

Никогда раньше мне не приходило в голову, что кит значительно больше слона. Оказывается, тридцатитрехметровый голубой кит — блювал — весит около ста двадцати тонн. Это вес... двадцати пяти слонов. Киты не только самые крупные животные из существующих ныне, они больше всех когда-либо живших на земле, крупнее динозавров, мамонтов и других доисторических великанов.

Я узнал, что даже только что родившийся китенок, и тот тяжелее слона. Этот малыш, весом до шести тонн, родится в океане и уже через пятнадцать минут плывет вместе с мамой и кормится ее молоком.

Я узнал, что киты бывают зубатые и усатые, что они хорошо слышат на расстоянии свыше пяти километров, что кашалот смело вступает в битву с осьминогом и выходит из нее победителем, что даже новорожденному китенку не страшны такие хищники, как крупные акулы.

Разговаривая, мы почувствовали, что судно замедляет ход, и поспешили на палубу. В море перед носом китобойца, покачиваясь на волнах, горела лампочка на верхушке «флага». Мы точно вышли к киту, оставленному нами «на флаге». Найти кита помог удивительный прибор — радиолокатор. Его показали мне вчера, когда мы уходили в море. Была ночь. «Циклон» был окружен непроницаемым туманом, а на зеленоватом экране радиолокатора, похожем на экран телевизора, отчетливо были видны очертания острова Симушир.

Кита крепко пришвартовали к борту рядом с другим финвалом. «Циклон» всю ночь шел к острову Симушир. Утром на рейде «Скалистого» я распрощался с командой, и судно снова ушло в море.

Кашалот

* * *

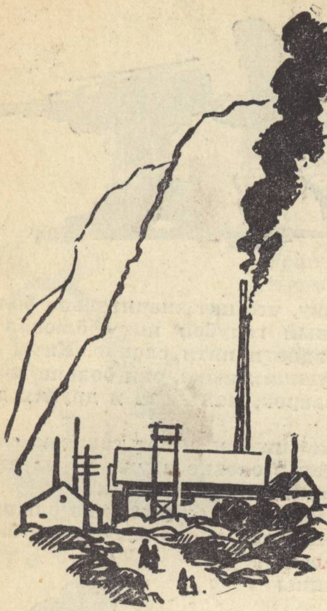
Около слипа, по которому поднимают китов на рабочую площадку, на воде и в воздухе, несметное количество птиц: сотни тысяч глупышей и крупных чаек. Они пожирают все отбросы и очищают воду. Если бы не было этих удивительных «санитаров», то жители поселка страдали бы от зловония.

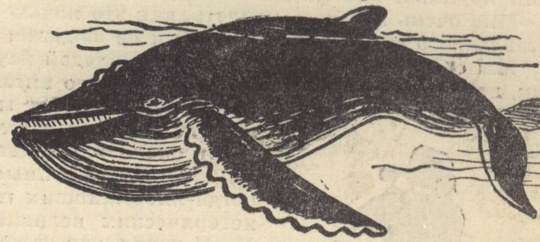

Зуб кашалота

Птицы позволяют приближаться к ним совсем близко, но никто их не обижает. Все хорошо понимают, какую громадную пользу приносят птицы.

Кроме китов-финвалов, приведенных катером от борта «Циклона», на рабочей площадке я увидел и большого зубатого кита-кашалота. У кашалота плотная кожа, очень похожая на черную резину. Я попробовал надрезать ее перочинным ножом, но ничего не получилось: такая она плотная,

горбач

Гарпун с гранатой

почти твердая. В узкой и длинной нижней челюсти кашалота выступают сорок два крупных зуба. Кита-финвала зовут еще пищевым китом, его мясо особенно вкусно, и из него делают питательные консервы.

Все увиденное мною на рабочей площадке напоминало слаженную хирургическую операцию. Тут все происходит без излишнего шума и толчеи. Только слышится негромкое «Вира!», «Майна!».

Только втащили громадное животное на рабочую площадку, как кит уже рассечен острыми кривыми ножами, похожими на хоккейные клюшки. С помощью троса лебедкой снята с его спины кожа с толстым слоем сала, и все это уехало в другой конец площадки. Вынимают большую печень (у крупных китов она весит около тонны) и оттаскивают с помощью металлических крюков к засолочным чанам. Печень кита — большая ценность. Это концентрат витамина «А».

Быстро срезается мясо. И вот остался только позвоночник. Лебедка тянет его к механической пиле, которая разрежет его на куски. Не прошло каких-нибудь двадцати минут, как площадка готова для нового кита, ее моют мощными струями воды из шлангов. Только в дальнем конце рабочей площадки обрабатывают голову кита. В ней ценнейшее лекарственное вещество — спермацет.

Китобойный промысел приносит очень большую пользу народному хозяйству. Из громадной китовой туши ничего не пропадает.

Китовый жир питательный, богат витаминами. И добывают его очень много. С одного кита получается до тридцати тонн жира — столько, сколько может дать тысяча свиней.

Из мяса усатых китов делают вкусные, питательные консервы. Сотни тысяч мешков кормовой муки для колхозного скота изготовляются из костей и мяса других видов китов. Из кожи кита вырабатываются всевозможные изделия — от толстых приводных ремней до тончайшего хрома.

* * *

Больше месяца прожил я в поселке китокомбината. За это время я подружился со многими хорошими людьми. В мою маленькую «мастерскую» любили заглядывать и китобои с кораблей, приходивших к нам на комбинат, и рабочие — мастера разделки китов, и мои друзья — рыбаки. И уж, конечно, ко мне частенько заглядывали дети.

Но пришло время прощаться. Солнечное августовское утро. Я снова на катере. Друзья провожают меня на борт «Балхаша», который увезет меня на материк.

ВОЛНЫ

Е. Скитальцев

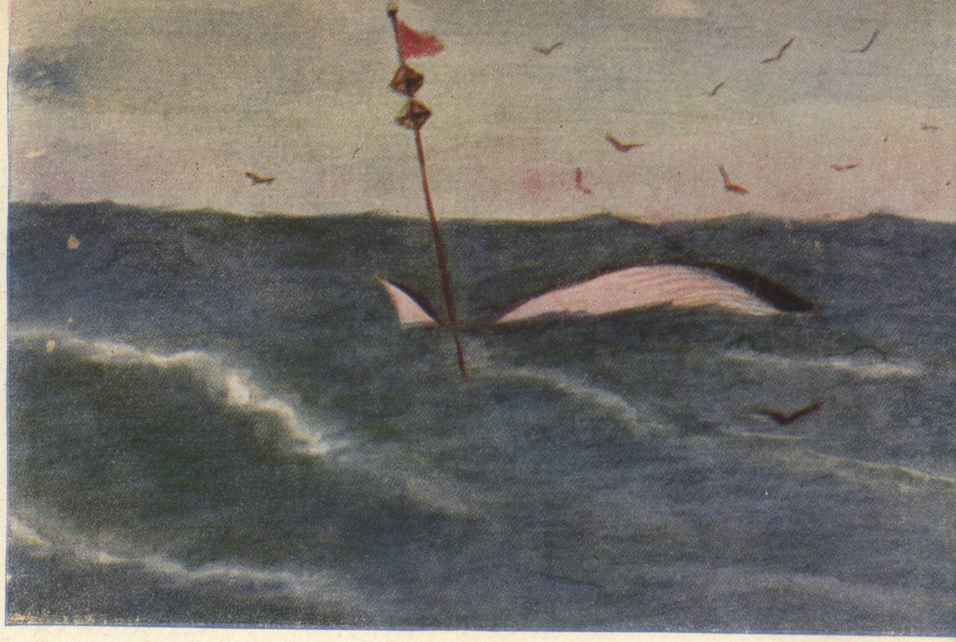

ТАЙФУН ИДЕТ

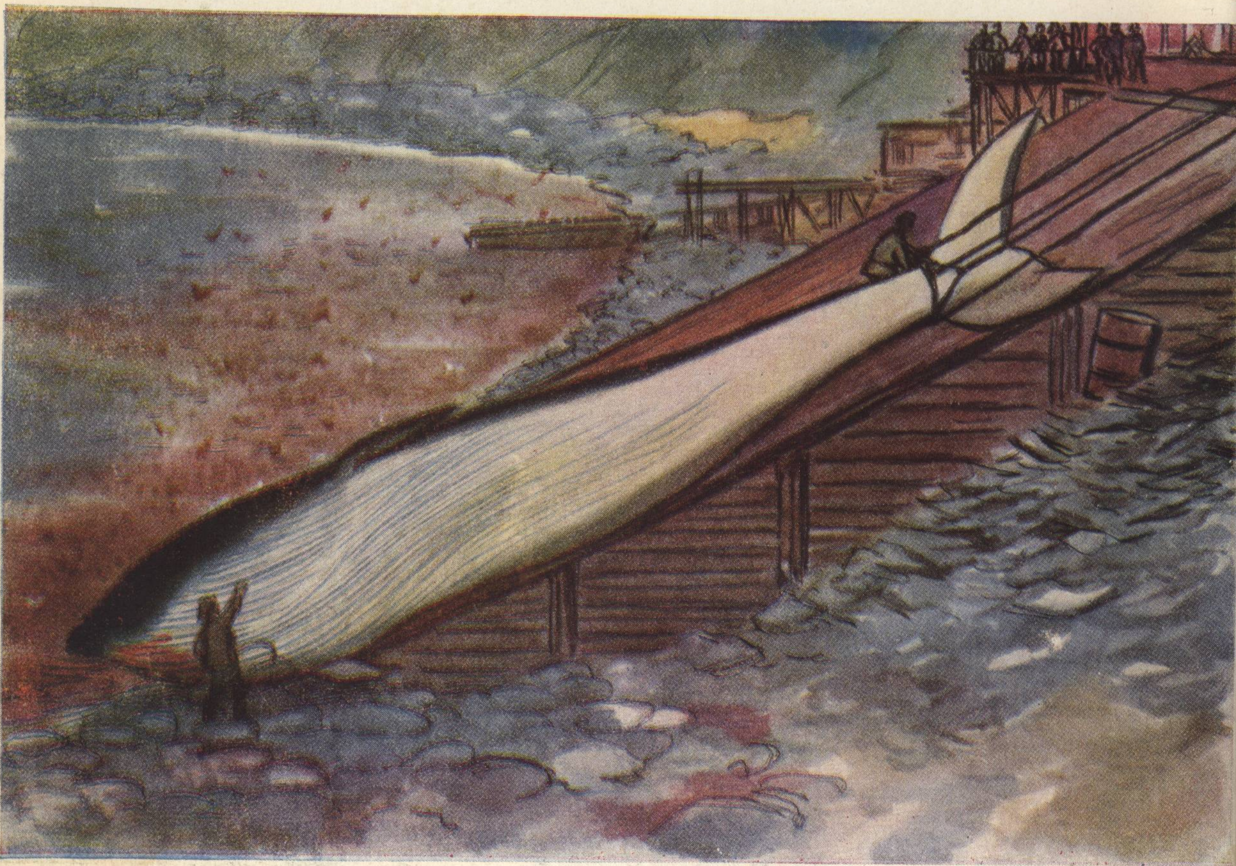
Е. Скитальцев

НА КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВАХ

Акварели
В. Константинова.

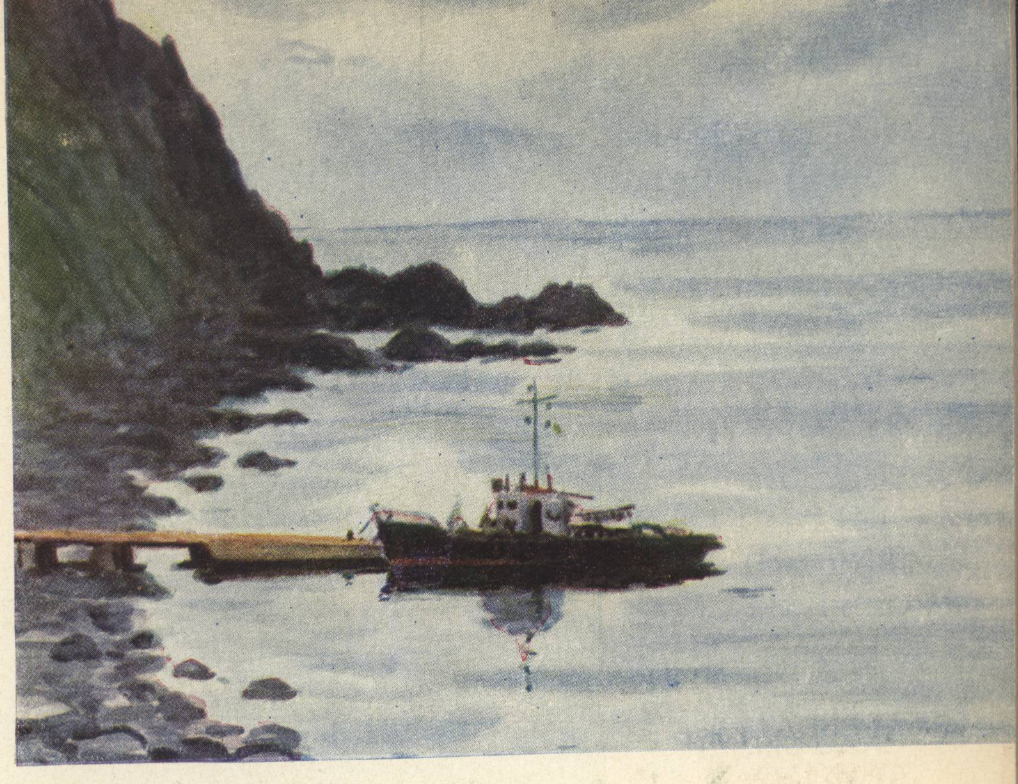

КИТ НА ФЛАГЕ

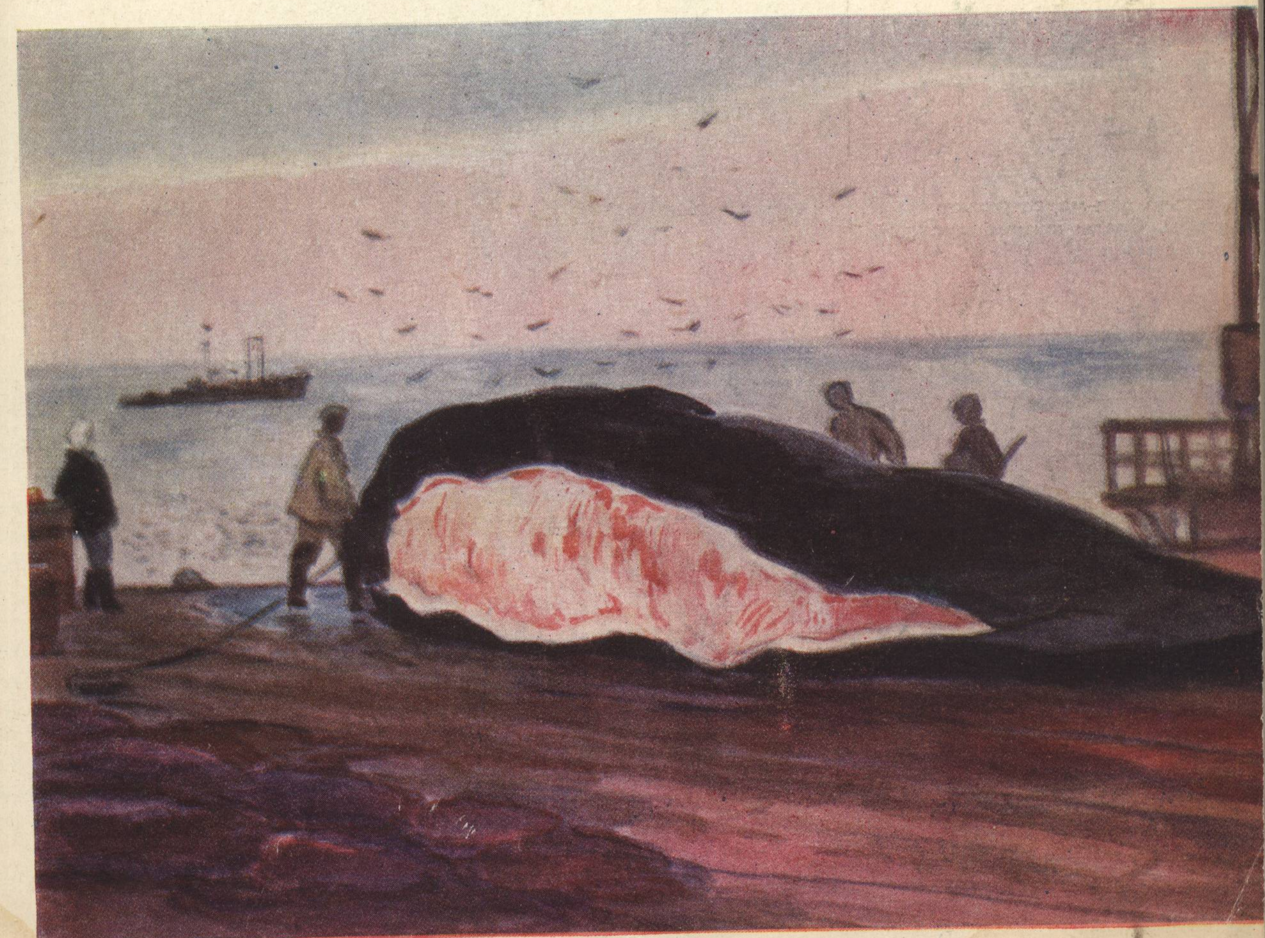

ФИНВАЛА ПОДНИМАЮТ НА РАЗДЕЛОЧНУЮ ПЛОЩАДКУ

У БЕРЕГОВ
ОСТРОВА
СИМУШИР

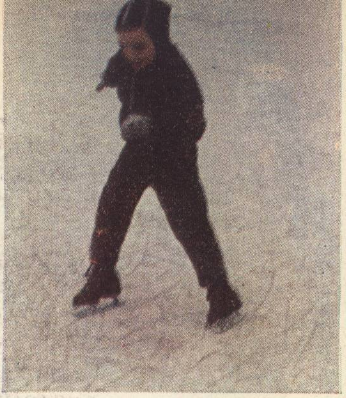

РАЗДЕЛКА
КАШАЛОТА

Ох, эти белые шапочки!
О́х, сороки-
пересмешницы!

Но Коле Захарову
не до них:
он в первый раз на льду.

Москва. Стадион юных пионеров, секция фигурного катания.

Не только дед-мороз рисует ледя-
е узоры. Следы юных фигуристок
спорят с ними.

— А у нас была тренировка!

Лилия КЛИМОВИЧ
Рисунки И. Кузнецова.

Морозная ночь придавила деревню. Замерла. К тишине прислушивается.

Ледяными руками шарит ночь по избам. Заглядывает в печи, но там даже золы нет... И люди кутаются во что попало, пытаясь согреться и уснуть.

Не спит в такие ночи только один мальчик. Он лежит на полу возле печки на растрепанном соломенном тюфяке, укрывшись до подбородка войлочным одеялом. Рядом с ним, мирно посапывая, лежат двое ребят примерно одного с ним возраста.

Убедившись, что все спят, мальчик осторожно вытягивает из-под одеяла руку и начинает указательным пальцем писать по черной морозной тишине.

«Мама... Мама... Мама... Мама...» — растворяется в воздухе одно только слово. Но вот палец-грифель на миг застывает, затем снова начинает выводить буквы:

«Здравствуй, мама! Вчера я тебе письмо не писал, потому что изба наша была совсем не топлена и было очень холодно. Дров у нас теперь нету и не будет, наверно, никогда. Потому что тетя Оля ездила за дровами и пилой попала прямо по руке. Обкрутила она ее целым полотенцем, да еще сверху фартуком, а она у нее все равно болит.

А вчера тетя Оля велела нам в лес идти за сучьями, а то, говорит, померзнем здесь, как мыши. А мышей у нас, правда, не стало, и спать на полу мы теперь не боимся. Вдруг открылась дверь, и Нюрка соседская как закричит:

— Спекулянты приехали! Вам ничего не надо?

— Как же не надо? Позови их, Нюра,— сказала тетя Оля.

Я очень обрадовался. Давно хотелось мне на спекулянта живого посмотреть. Какой он из себя? Все их ругают разными словами, а сами все вещи и деньги им отдают.

Потом сразу пришел какой-то дяденька с большим мешком. Он достал из своего большого мешка совсем маленький мешочек и говорит:

— Пшеничная. Один килограмм триста пятьдесят пять граммов, берешь?

Тетя Оля взяла мешочек и деньги ему стала давать. А он говорит:

— Денег не надо, а вот пальтишко ребятенкино сгодилось бы.

Прямо так и сказал и на Витькино пальто посмотрел.

Тогда Витька как начал застегивать свое пальто до самой бороды на все пуговицы! А раньше ты ведь сама его ругала, что он нараспашку бегает.

Но тетя Оля все равно сняла с Витьки пальто и отдала дяденьке. А он еще мои валенки взял. Сказал только, что они подшитые. Теперь мы с Витькой по очереди на улицу бегаем. Он в моем пальто, а я в его валенках.

А вот когда тетя Оля совсем была больная из-за своей руки, то кушать мы и вообще перестали. Леночка все время плакала, а мы с Витькой ее уговаривали. А потом и Витька как заревет! Я ему говорю:

— Не реви! Мы же одни с тобой мужчины, значит, мы должны быть сильными.

А он ревет, и все. Тогда хозяйка наша, бабушка, говорит:

— Ты же старший у них. Иди по избам, может, работу какую дадут, хлеб заработаешь...

Я и пошел. Захожу в Нюркин дом, а мамка ее, сердитая-сердитая (я про нее тебе уже писал). «Чего тебе?» — спрашивает.

Мне захотелось выскочить за дверь, но я почему-то остался и сказал:

— Я вам могу что-нибудь сделать, маме я всегда дома помогал.

Она вдруг стала совсем даже не сердитая и две лепешки мне дает. А я ей говорю, что так не возьму. Вот если сделаю чего-нибудь, тогда возьму.

Она засмеялась и говорит:

— Рассказывать умеешь?

А я ведь еще как умею! И начал я рассказывать кино «Дети капитана Гранта». Ее все дети с печки слезли. Дедушка откуда-то взялся и сел посредине избы на табуретку. Потом тетеньки какие-то заходили, и все оставались.

А я все говорил и говорил. Но когда закончил, им почему-то не понравилось. Ни одного, говорят, Паганеля не запомнишь.

И тут я вспомнил кино «Девушка с характером». Меня еще тогда пускать не хотели, а ты сказала, что я очень спокойный ребенок и буду все время спать.

Только я не спал и все запомнил. «Девушка с характером» всем очень понравилась, и даже просили ее еще раз рассказать. Потом, когда я стал уходить, Нюркина мама мне сказала:

— Ты расскажи про характерную девушку во всех избах: и людей порадуешь, и сам что-нибудь получишь. Только не робей. Входи смелее и сразу же начинай.

Я так и сделал. Как только мне дверь открывали, проходил к печке и говорил:

—«Девушка с характером». Новый звуковой художественный фильм.

Сначала, конечно, удивлялись. А одна бабушка даже меня перекрестила, а потом даже дела свои бросали и слушали.

Домой я пришел, когда темно стало. Зато принес пять картошек, хлеба и кусочек сала. Я очень радовался. А тетя Оля сначала испугалась и сказала:

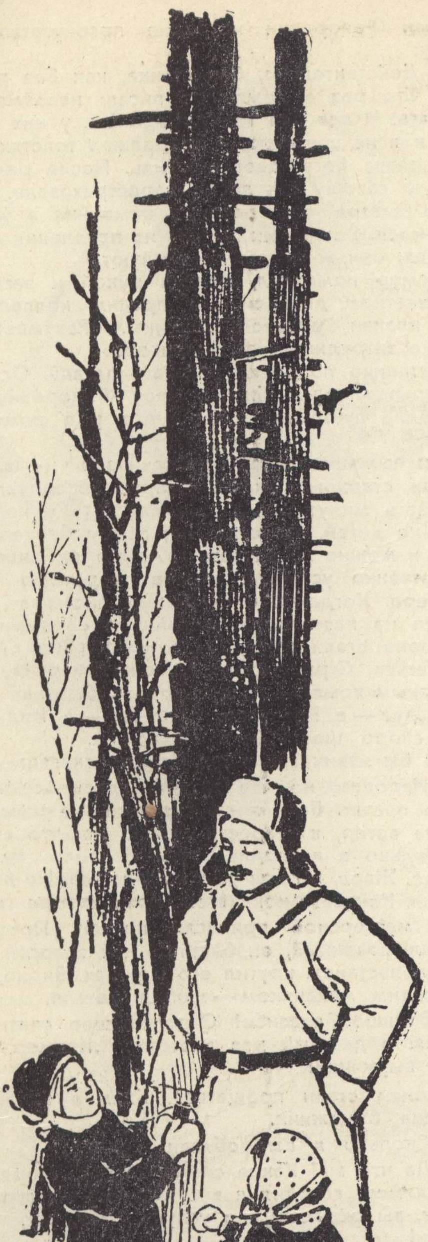
— Где ты все это взял?

А когда узнала, то крикнула:

— Чтоб это было первый и последний раз! Стыдно заниматься этим!—и стала плакать.

А я не знаю, почему стыдно: ведь я же заработал, а не просто взял. Но раз она плачет, больше не буду.

Сегодня мы с Ленкой за сучьями ходили. И когда подходили к лесу, у самой дороги бензином запахло. И даже не бензином, а прямо Москвой.

Я встал и дальше не иду. И про Ленку забыл. Вижу, идет к нам кто-то в шинели, только без погон и в рыжей шапке. Я подумал: «Кто это? Дяденька или спекулянт?» Оказалось, дяденька.

Подошел и спрашивает:

— Ты что, герой, нюни распустил?

А я говорю:

— И не думал даже. Это у меня глаза от мороза плачут.

А дяденька засмеялся.

— Меня не проведешь. Это ты, а не глаза твои плачут. Будь ты сильным, и глаза бы твои были сухими. Ну, докладывай, о чем печаль?

И я доложил. И о том, как хорошо без войны было жить и как ты меня с тетей Олей провожала, когда война пришла, а сама осталась снаряды делать. И как мне сейчас ничего не хочется, а только плакать, но я не имею права, потому что я единственный мужчина. И даже про валенки свои и Витькино пальто рассказал.

А потом спросил:

— Чем можно со снега собрать бензин? Может быть, спичечной коробкой?

Дядя удивился и спросил, зачем это он мне нужен.

Я ему объяснил, что бензин Москвой пахнет, и что раньше я там жил, и что теперь ты одна там живешь.

Тогда он стал долго молчать, а потом полез в карман и достал жестяную коробочку, всю прокопченную. И мне ее дает.

— Это,— говорит,— зажигалка. Бензин в ней, правда, кончился, зато запаху надолго хватит. И еще,— говорит,— ты большой. В третьем классе,— говорит,— учился, понимаешь, значит, что мать свою расстраивать нельзя, у нее и без того много трудностей. Так что письма ей жалостливые не пиши и тетке своей помогай. Ничего, крепись. Скоро опрокинем гадов.

И пошел. Долго мы с Ленкой в спину ему смотрели.

Теперь я каждую ночь, как все уснут, бензин нюхаю и сразу Москву вижу, и дом наш, и комнату. Как будто сидим мы с тобой на нашем диване и ты мне хлеб с колбасой даешь. Только я теперь жир из нее не выковыриваю. А прямо так ем».

Здесь мальчик вдруг почувствовал, что у него не хватает одного пальца, указательного. Он попробовал его согнуть. Палец гнулся плохо. Тогда, засунув руку под одеяло, мальчик стал ждать. Наконец, через несколько минут, палец согрелся.

Вытащив руку из-под одеяла, мальчик подумал и написал:

«Я живу хорошо, обо мне не беспокойся. Твой сын Вася».

ПЛЮС 14 000 МИЛЬ

Анатолий МАРКУША **Рисунки П. Саркисяна.**

Новая книга Анатолия Маркуши «Ты — путешественник», работу над которой писатель только что закончил, рассказывает о настоящих друзьях, всю жизнь выбиравших себе трудные дороги. Глава «Плюс 14 000 миль», отрывки из которой мы публикуем, повествует о заграничном плавании. О таком плавании герой повести мечтал с мальчишеских лет. И вот свершилось...

РУДИ ПЕРЕСЕЛЯЕТСЯ НА «ТЕРЕК»

Над «Тереком» дробно стучали судовые лебедки, выхватывая из трюмов охапки туго набитых мешков. По всему пароходу суетились черные, еле прикрытые клетчатыми юбчонками грузчики.

Был день напряженной работы в пакистанском порту: мы сдавали груз — кубанскую пшеницу.

Грузчиков на «Тереке» суетилось не меньше четырехсот, да начальства над ними была добрая сотня, в таком столпотворении трудно было заметить нового человека. Но когда на трап ступил девятипудовый мужчина в коротеньких белых штанишках, в тропическом пробковом шлеме, из-под полей которого виднелось красное, будто резиновое лицо, на толстяка сразу обратили внимание. По трапу он поднимался медленно, крепко цепляясь за натянутый вместо поручня леер.

На палубе толстяк долго отдувался, вытирал потное лицо клетчатым платком и, наконец, спросил неожиданно тоненьким голосом, где ему увидеть «чиф инженьера».

После взаимного представления выяснилось, что гость — Отто Клямер, старший механик пакистанского парохода «Раббани», к русскому коллеге пришел, как он выразился, с «деликатным дельцем». Наш Братченко не стал торопить гостя и предложил сначала выпить по стаканчику кубанского красного.

Потягивая холодное, терпкое вино, Отто Клямер обстоятельно ругал итальянцев, недавно ремонтировавших его пароход.

— Корпус куда ни шло — подлатали, пока еще терпит, но машина — слезы. Каждую вахту что-нибудь летит к чертям. А тут еще на днях токарный станок рассыпался, и теперь как хочешь, так и выкручивайся.

Иван Федорович искренне посочувствовал Клямеру:

— Действительно, без станка, как без рук.

— Сто раз в компанию писал: невозможно так плавать. И все без толку. Впрочем, у них свой расчет, и я их понимаю,— продолжал толстяк.— Пароход, слава богу, дает прибыль. После ремонта эту старую галошу так ловко перестраховали, что если даже завтра она потонет, компания в убытке не останется. Вот джентльмены из правления и не волнуются, они ж ничем не рискуют.

Клямер помолчал, махнул рукой и заговорил о «деликатном дельце». Он просил коллегу проточить клапан рулевой машины. «Разумеется, если это не затруднит чиф инженьера».

Братченко попросил показать деталь. Осмотрев и обмерив медный клапан, Иван Федорович сказал, что дело пустячное и он будет рад помочь Клямеру.

Пока в мастерской протачивали и шлифовали клапан, старшие механики мирно беседовали. Через двадцать минут они уже знали, где у кого семья, сколько детей, взрослые ли; почем бункер на Цейлоне и можно ли достать в Адене хорошие белила.

Братченко услышал также короткую историю Клямера. Когда-то, в «хорошие времена», Клямер плавал на пассажирском лайнере «Бремен», потом «времена стали хуже», и с «Бременом» пришлось расстаться. Странствовал по южноамериканским пароходным компаниям. Три года прослужил в Аргентине, два — в Бразилии, пять лет — в Индии и вот уже скоро шесть — в Пакистане.

Как бы извиняясь, Отто Клямер сказал:

— Надоело, но что делать, здесь все-таки прилично платят. Если жить скромно, не швырять денег на ветер, к старости можно кое-что сколотить. Вот только в последнее время стало беспокоить сердце. Жара, и годы уже немолодые. Но надо держаться. Контракт кончается через четыре года.

Из мастерской принесли клапан. Проточенный и отшлифованный, он блестел, как золотой. Клямер с удовольствием крутил его в руках. Видно, он был настоящим механиком — любил металл.

— Большое спасибо! Огромнейшее спасибо!—наверное, в десятый раз повторял Клямер.—Так вы меня выручили!

Наконец стали прощаться. Клямер вытащил из кармана бумажник.

— Сколько я вам обязан, коллега?

— Да что вы? Какие счеты? Мы же моряки, мистер Клямер, сегодня я вас выручил, завтра, быть может, вы окажете мне услугу. Нет, нет, уберите деньги!

Клямер посмотрел на нашего стармеха с нескрываемым удивлением. Русский отказывался от честно заработанных денег. Почему?

Несколько секунд Клямер молчал, потом решительно распахнул бумажник, покопался в нем короткими волосатыми пальцами и протянул Братченко плотный картонный четырехугольник.

— Послушайте, чиф, я старый сентиментальный немец, таким и умру. Я никогда не понимал вашей русской философии, не хотел понимать и теперь не пойму. Меня учили не отказываться от денег. У вас другие взгляды, и это ваше дело. Вы меня выручили, и, как хотите, я не могу уйти просто так. Я не свинья. Не хотите денег, тогда примите мое уважение, мистер Братченко, и эту фотографию на память. Мой внук. Руди — хороший мальчик, ему уже семь лет, и хотя мы еще ни разу не виделись, я его очень люблю. Пожалуйста, возьмите.

ни, валяются на траве. Как кляксы туши на белом листе бумаги, выделяются в светлой толпе черные фигуры в сатиновых мантиях. Черные фигуры ходят не как все обыкновенные люди, они ступают по земле, переполненные торжественной важностью...

Замысловатое здание — суд. Люди в черном — судьи.

В сводчатых затхлых коридорах господствуют писцы. Большинство из них сидят на цементном полу и строчат длиннейшие бумаги на низеньких ящичках, очень похожих на те, что служат обычно кочующим чистильщикам-мальчишкам. И только несколько писцов возвышаются на табуретках и ловко выщелкивают бумаги на портативных пишущих машинках.

В стены вмурованы густые решетки. За решетками — подсудимые. В каждой клетке столько, что тем, кто сидит, не встать, а тем, кто стоит, не сесть.

Мы переглядываемся с Голубцовым. Витя молчит, но мне кажется, что на лице его ясно написано: «Бежим!»

И мы покидаем холм правосудия.

По соседству с этим грустным местом ведутся какие-то дорожно-строительные работы. Голые люди роют яму. Комковатую серую землю насыпают в круглые металлические блюда. Дальше включается в действие живой конвейер. Носильщик ставит блюдо с землей на голову, поднимается на десять — пятнадцать шагов в гору и ловко передвигает свою ношу на голову товарищу. Так и плывет блюдо до самой вершины горы. Когда последний носильщик появляется на гребне, фигура его, ярко освещенная солнцем, четко вырисовывается на синем фоне неба. Кажется, на холм взошло живое изваяние каторжного труда.

Виктор смотрит на часы. Время поворачивать к порту: скоро смена вахт. Не хочется уходить из города, но служба требует, и мы подчиняемся службе.

Пока добираемся до загородного шоссе, картины незнакомого мира не покидают нас. Кадр сменяется кадром... Пронзительный звонок над ухом заставляет нас вздрогнуть. Подкатывает велорикша. Его легкая коляска обтянута полосатым хлорвинилом, увешана помпончиками. Рикша улыбается. Он предлагает нам свои услуги. Виктор отрицательно качает головой, но рикша не отстает.

— Саиб, плиз,— настойчиво тянет он и показывает жилистой рукой на блестящее сиденье.

— Ноу,— говорит Виктор и смущается.— А черт его знает, как ему объяснить, что мы не можем ездить на людях?

Рикша не отстает от нас. То и дело он повторяет:

— Саиб, плиз.

Виктор останавливается и произносит примерно такую речь:

— Ай эм рашен сейлор. Андерстенд? Человек не

должен ездить на человеке. Ничего ты не андерстенд! На, плиз рашен сигарет, закури и уматывай.— Он протягивает опешившему рикше красную пачку сигарет «Прима» и проворно шагает дальше...

Наконец за светло-серыми пакгаузами показывается корма «Терека»; в бледно-голубом, выцветшем небе четко краснеет полотнище нашего флага.

У самого шлагбаума, перегораживающего вход в порт, нас догоняет знакомый пронзительный звон. Мы оборачиваемся и видим целый кортеж велосипедных экипажей. Не слезая с седел, нас окружают рикши, человек десять. Они говорят что-то, энергично размахивая руками.

Виктор показывает на флаг «Терека» и повторяет:

— Ай эм рашен сейлор! Андерстенд?

И все рикши тоже показывают на флаг. Мы улавливаем понятные слова:

— Рашен — вери гуд! Рашен — фрейнд!

Мы отдаем рикшам все наши сигареты, жмем им руки и спешим к трапу. Виктор задумчиво говорит мне:

— Пять лет английский учил, а простой вещи не могу объяснить людям. Вот болван...

Трудно без языка. Я понимаю Виктора.

АССИСТЕНТ

На «Тереке» снова кипит разгрузка. Под лучами тропического солнца плавится человеческое терпение. Хочется забраться в холодную воду, погрузиться по самое горло и сидеть так, ничего не делая, только ощущая прохладу. Но холодной воды не было, прохлада не приходила даже ночью. Была работа, тяжелая, изнурительная.

Единственный не занятый на пароходе человек — судовой медик Карич — валялся в своей накаленной солнцем каюте и, как говорят моряки, окончательно доходил. Не помогали ни вентилятор, ни мокрое полотенце, которое он то наворачивал на голову, то прикладывал к груди.

Неожиданно с палубы закричали:

— Доктора к третьему трюму!

Проклиная жару, Карич, как был в трусах, зашлепал деревянными колодками к трапу. Оказалось, что грузчик наколол ногу о ржавый гвоздь. Окруженный полусотней арабов, Карич приступил к делу. Промыл рану перекисью, засыпал порошком стрептоцида, плотно перевязал бинтом. И после всего сделал пострадавшему противостолбнячный укол.

Окончив процедуру, доктор вернулся на свой клеенчатый диван, но уснуть не успел. К нему явился новый пациент.

Сухой, будто выжаренный на солнце араб жаловался на боль в глазах. Карич сделал ему примочку, смазал веки зеленкой и велел походить в светофильтровых очках.

Получив помощь, пациент вытащил из уха восьмиугольную светлую монетку и протянул медику.

— Это что такое? — спросил Карич.

— Бакшиш.

Бакшиш — необычайно емкое слово. На Востоке оно означает и плату, и милостыню, и премию, и подарок, и взятку. Бакшиш Карич не принял и, как сумел, объяснил больному, что медицина в России бесплатная.

Пациент долго кланялся, прижимал руку к сердцу, улыбался, наконец ушел, но очень скоро вернулся с товарищем.

— Рука у него,— пояснил опытный больной.

Карич осмотрел руку, смазал, наложил бинт.

Но это был не конец, а только начало зарубежной практики нашего судового медика. Второй больной доставлял в крошечную амбулаторию «Терека» все новых и новых пациентов. Матросы прозвали его «ассистентом», и стоило тому появиться на палубе, кричали Каричу:

— «Ассистент» идет, с ним двое. Пускать?

— Пускай! — распоряжался Карич.

Обливаясь потом, он врачевал с утра до позднего вечера, пропускал обед, опаздывал к ужину. Но не жаловался. Карич был доволен: наконец-то появилась настоящая работа. «Ассистент» тоже радовался. И только к исходу третьего дня выяснилось, что для радости у «ассистента» были особые причины. Кто-то из вахтенных заметил, что, сходя с борта «Терека», предприимчивый больной с зелеными веками взимает бакшиш со своих клиентов. Да, бедный, худой человек делал свой маленький бизнес...

Узнав об этом, Карич чуть не взорвался от возмущения, он требовал у первого помощника капитана созвать общее собрание грузчиков и разоблачить «ассистента».

— Какое собрание? Мы же не дома. Как мы можем вмешиваться во внутренние дела чужого государства?

— А мне плевать на государство, плевать на их идиотский порядок. Людей грабят, а мне глядеть, молчать и еще помогать какому-то сукиному сыну?

— Не волнуйся,— успокаивал медика первый помощник.

— Как хотите: вы не решите, я решу! — категорически заявил Карич и отправился принимать очередного больного.

Перед тем, как осмотреть пациента, Карич подробно объяснил тому — это было совсем не просто,— что «ассистент» не уполномочен собирать бакшиш, больше того, если больной даст ему хоть грош, русский доктор не будет его лечить ни завтра, ни послезавтра, никогда... Каждую лекцию — а Карич читал их всем — медик заканчивал одинаково:

— Он не ассистент, он сукин сын. Понял?

Подорвал ли наш Карич бизнес своего разжалованного «ассистента», не знаю. Но одного он достиг: скоро все грузчики, работавшие на «Тереке», бодро выкрикивали: «Сукинь зинь!» Судя по адресам, в которые они обращались, и по интонации, с которой произносили ругательство, смысл этих новых слов был ими понят правильно...

Встреча с «ассистентом», если вдуматься, не просто забавное происшествие в далеком порту. Это подлинная аттестация чужого мира. Здесь и нищий вольно или невольно впитывает в себя волчьи законы.

Мальчишкой я представлял себе: все буржуи — жирные, свирепые, в цилиндрах, с золотыми цепочками на животах; все угнетенные — худые, изможденные, готовые хоть сегодня свергать своих буржуев. Настоящая жизнь оказалась сложнее мальчишеских представлений...

ЧЕЛОВЕК С ЦЕЙЛОНА

Наконец пришел день, когда мы сменили курс. Теперь «Терек» резал воды Индийского океана, поднимаясь на север. Мы доставили пакистанцам пшеницу, приняли в трюмы бирманский рис, малайский каучук и шли домой.

Палило солнце, слабая волна покачивала пароход, на всех палубах шумела работа: красились переборки, ремонтировался брашпиль, выпускалась стенная газета...

На рейд Коломбо мы пришли ночью. На всю жизнь запомнился весь в огнях порт, и лимонный запах тугого ветра, и буйство электрической рекламы над центром города, и бестолковая судовая толчея у пирсов.

В ярком обрамлении предстал перед нами Цейлон. Но настоящая сила любой земли — человек. И вот какой человек пришел к нам с Цейлона.

Откуда-то из-за борта по свешенному к воде шторм-трапу на палубу «Терека» влез вдруг худой мужчина, едва прикрытый рваной юбчонкой из грубой мешковины.

Он шел мне навстречу, и его большие, влажные глаза смертельно усталого человека смотрели прямо в мои глаза. Приблизившись, цейлонец учтиво

поклонился и стал чертить указательным пальцем на ладони левой руки квадрат. Потом он быстро сжал правую руку в кулак и пристукнул воображаемый квадрат.

В его лице я читал и вопрос, и просьбу, и нетерпение.

— Ду ю спик инглиш? — спросил я.

Никакого впечатления.

— Парлэ ву франсе?

Результат тот же.

— Шпрехен зи дейч?

Напрасно. Он не понимал ни по-английски, ни по-французски, ни по-немецки. Полагая, что ломоть свежего хлеба с маслом и кружка горячего кофе при всех условиях не повредят изможденному, усталому человеку, я повел его в камбуз. Однако от еды цейлонец отказался и снова с непонятным упорством стал чертить квадрат на ладони.

Великим мастером мимических объяснений считался на «Тереке» боцман Трофимыч. Проплавав по свету без малого сорок лет, он не выучил ни одного иностранного слова и, кажется, нисколько не сокрушался из-за этого: в любом порту он мог объясниться на пальцах. Как ни странно, его понимали все, и он всех понимал.

Пришлось звать на помощь Трофимыча. Мельком взглянув на странные знаки цейлонца, боцман авторитетно заявил:

— И чего ты человеку хлеб предлагаешь, когда он у тебя марку просит?

Мне показалось, что я ослышался.

— Чего просит?

— Марку. Ясное дело — почтовая марка ему нужна.

Да простят меня филателисты, не мог я никогда всерьез понять их увлечения и, отправляясь в дальнее плавание, марок не захватил.

— Нет у меня марки. Как быть, Трофимыч?

— Надо сыскать. Человеку память о нашей стране нужна — должны найти марку.

Признаюсь, боцман удивил меня. Я знал, что Трофимыч — человек суховатый, строгий, всегда очень занятый по службе. А тут Трофимыч вдруг преобразился. Не теряя времени, он объявил «маленький аврал» на баке и минут через пять нашел-таки почтовый конверт с надписью: «Привет из Новороссийска».

Конверт был неважнецкий. На левой половине его был небрежно отпечатан одноцветный рисунок: заводские корпуса, портальный кран с трактором на крюке, сияющий силуэт памятника и надо всем — самолет; а в правом верхнем углу — обычная синяя марка.

— Эх, и выпускают продукцию! В руки взять стыдно. Но другого нет. Сойдет? Как думаешь? — сказал это все и ругнулся Трофимыч беззлобно, скорее даже грустно...

Цейлонец долго разглядывал конверт. Его темный, в мелких ссадинах палец остановился на силуэте памятника.

— Ленин? — неожиданно четко произнес человек.

— Ишь ты, узрел! — в восторге воскликнул боцман.— И назвал-то как правильно!

— Ленин,— раздумчиво повторил худой, полуголый гость, спрятал конверт в чалму и тихо нам улыбнулся.

А Трофимыч все не мог успокоиться:

— Узрел! Узрел ведь. А ты говоришь, марки нет. Есть! И завсегда должна быть. Вот для такого случая. Понял?

А. А. Мндоянц,
архитектор

Фото Я. Халипа.

НОВЫЙ КРЕМЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ

БАШЕННЫЙ КРАН У ТРОИЦКИХ ВОРОТ

Краны над Москвой — вещь обычная, примелькавшаяся. Никто на них и внимания не обращает. Но об одном кране вдруг заговорил весь город. Появился он как-то июньским днем 1960 года не где-нибудь, а в самом Кремле. Его ажурная стальная лапа непривычно прорезала летнее небо у Троицких ворот над древней зубчатой стеной, четко выделяясь на фоне колокольни Ивана Великого.

Заволновались москвичи: что же это строить задумали? И не попортят ли, чего доброго, Кремль?

Волнение понятное. Ведь Кремль наш — настоящий архитектурный музей, где каждый камень дорог. Но только несведущему человеку кажется, что все его дворцы и палаты построены в одном стиле. На самом деле здесь собраны здания самых различных эпох — от Ивана Грозного до последних царей Романовых.

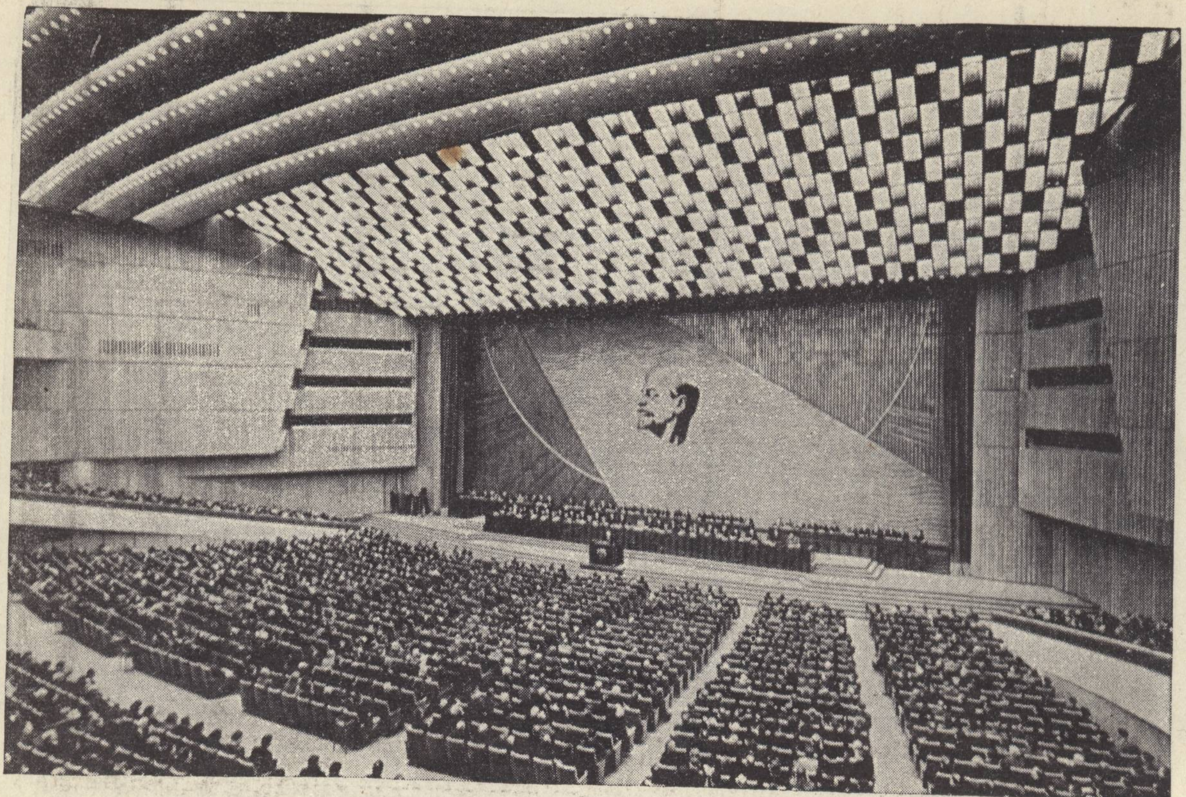
Советское правительство решило построить в Кремле еще один дворец, но такой, который бы отразил нашу эпоху — эпоху построения коммунизма и величайших научных достижений: покорения атома, завоевания космоса. Здание это должно быть ясным, строгим и легким по своему облику — никаких лишних, вычурных деталей, никаких тяжелых, давящих сводов. Оно должно вызывать ощущение, что построил его свободный, сильный и счастливый человек.

Идущие вверх линии как бы подчеркивают стремительный бег времени. В открытых солнцу стенах чувствуешь себя почти неотделимым от наружного пространства.

А внутри? Внутри здания человек должен найти отражение последних достижений науки и техники.

Совет Министров утвердил строительство нового дворца.

Любое здание «строится» сначала на бумаге. Делаем это мы, архитекторы. Мне пришлось принимать участие в разработке многих проектов. Но такого задания ни я, ни мои товарищи, конечно, никогда еще не получали. Подумайте, как трудно построить современное здание по соседству с сооружениями совсем других пропорций и стиля! И так построить, чтобы наш новосел не резал глаз и не терялся, а стал по праву в один ряд с заслуженными «стариками».

Зал заседаний. Здесь работал XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза.

Ну, взять хотя бы высоту. Ведь в два, три этажа его не сделаешь: тесно будет. А высокое здание соседей заслонит. Мы решили строить здание сначала... вниз. «Спрятали» в землю целых четыре этажа. И столько же еще сверху поставили. Вот и не вылез наш просторный дворец над другими.

Летом 1960 года были готовы чертежи дворца. И стройка началась. В нее включились тысячи людей. Только одних московских строительных организаций насчитывалось тридцать девять. Заказы для Дворца съездов выполняли почти все республики.

Не удивляйтесь этому. Ведь новый дворец — совсем особенное здание. Таких не было и нет не только у нас, но и в других странах.

Мы привыкли к тому, что театр — это театр, кино — это кино, зал заседаний — это зал заседаний. Дворец съездов должен был объединить в себе все это сразу. В нем будут проходить съезды и ставиться оперы, проводиться торжественные приемы и демонстрироваться кинофильмы, устраиваться молодежные балы и праздники новогодней елки.

Подумайте, сколько нужно было специалистов, чтобы все это построить и оборудовать! Без монтажников не обойтись. Отделочники нужны, да самые различные, самые умелые. Осветителей нельзя забыть, художников — тем более. А кто позаботится об отоплении? А кто выполнит мраморные работы? И для сооружения кухни (ведь во дворце должен быть и огромный банкетный зал) тоже требуются особые специалисты. Короче говоря, более ста профессий понадобилось, чтобы построить наш дворец.

И он рос, как в сказке. Ведь стало известно, что здесь соберется XXII съезд партии. Это всем нам придало новые силы.

Никита Сергеевич Хрущев часто навещал стройку. В последние месяцы, бывало, если не придет он дня два-три, точно чего-то не хватает.

— Что-то вы нас забыли,— встретил раз Хрущева один старый краснодеревщик,— сколько дней уже не были.

Улыбнулся Никита Сергеевич, пошутил:

— Дела не пускают. Я уж и так в обеденный перерыв заскочил. А то, чего доброго, без меня построите. Дружный у вас народ.

И это было действительно так.

КУСОЧЕК СОЛНЦА

Новый дворец вырос меньше чем за полтора года. Вырос на месте ненужных хозяйственных построек, ничуть не нарушив мудрый и строгий облик Кремля.

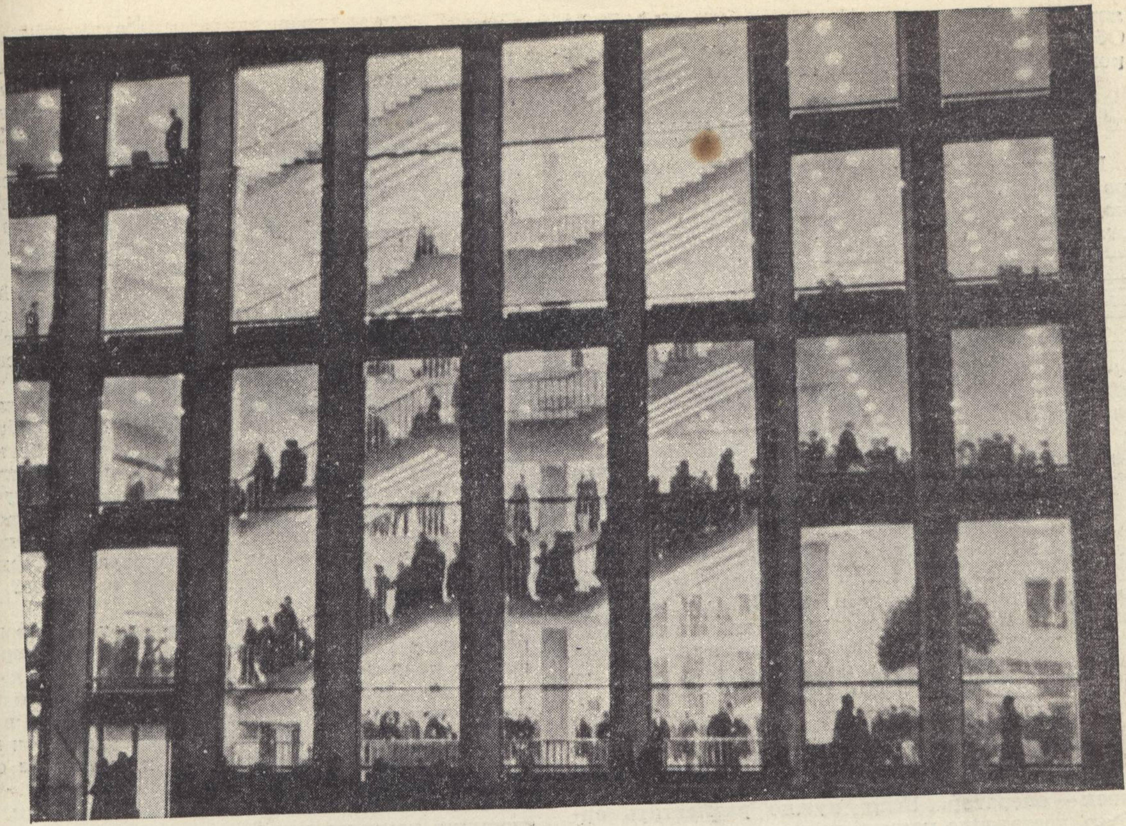
Вот он на нашем снимке. Нравится? Как я уже говорил, стремительный полет нашего времени мы хотели отразить в прямых и ясных, устремленных вверх линиях. Здание очень большое — сто двадцать метров в длину и семьдесят в ширину. Но оно не кажется тяжелым. Это потому, что стены здесь почти сплошь из стекла.

Один пионер — из тех, кому посчастливилось приветствовать XXII съезд партии,— сказал о новом дворце:

— Он, как кусочек солнца.

И пояснил:

— И днем и ночью здесь день.

Стены дворца почти сплошь из стекла.

Хорошо сказано! Значит, нам удалось главное — создать в новом дворце обилие света и воздуха.

Днем почти ничто не мешает проникать свету внутрь. Стройные пилоны и легкие переплеты окон точно тают в солнечных лучах. Ты находишься в фойе, а кажется, что стоишь на палубе гигантского корабля. За окнами Москва, древние палаты и храмы. Красиво!

А ночью дворец сам щедро излучает свет. И снова напоминает издали сказочный корабль — сверкающий, хрустальный.

Войдешь внутрь — что за чудеса: свет струится отовсюду — со стен, с потолков. А ни одной люстры или лампы не видно. Однако это только так кажется. Ламп много: в одном зрительном зале их пять тысяч. Но они спрятаны за красивыми алюминиевыми раковинами. В одном из фойе лампы скрыты за матовым прозрачным покрытием потолка, сделанным из нового материала — люмивента. Люмивент хорошо рассеивает свет, и кажется, что светится весь потолок.

В ТРИ РАЗА БОЛЬШЕ БОЛЬШОГО!

Белый нарядный эскалатор приведет вас из вестибюля в гардероб — в такой же просторный, как все помещения во Дворце съездов. Отсюда прямая дорога в зрительный зал.

Вы его, конечно, много раз видели уже на снимках. Не ищите в зале вычурных украшений. Стены его скромны и вместе с тем нарядны. Они обиты искусственной кожей и рейками из ясеня. И все!

В зале три яруса: партер, амфитеатр и балкон. Не то что, например, в Большом театре, где, кроме партера, еще насчитаешь пять галерей. Но он вмещает в три раза больше зрителей, чем Большой театр. И, что самое главное, все шесть тысяч мест здесь равноценные. Сидишь ты в первом ряду партера или в последнем ряду балкона — везде хорошо видно и слышно.

Кстати, насчет «слышно». Очень трудно добиться того, чтобы в таком огромном помещении не было эха, чтобы звук дошел в любой уголок. Погасить эхо помогли звукопоглощающие материалы — искусственная кожа на стенах и пористый ковер под ногами.

А для усиления звука установили в разных местах зала тысячу репродукторов. Кроме того, в каждое кресло еще вмонтировали небольшой репродуктор — «шептун», как его шутя окрестили строители.

И еще одну серьезную задачу решили связисты. Мало, оказывается, чтобы все в зале одинаково хорошо слышали то, что говорится со сцены. Надо еще, чтобы все и одинаково хорошо понимали сказанное. Ведь во время съездов в Москву спешат гости со всего мира, говорящие на различных языках. Кто же им переведет речь оратора?

Оказывается, переводят. В подлокотнике кресла есть одна любопытная коробочка. В ней рычажок, который можно поставить на любое из двадцати девяти делений. Повернул рычаг — и звучит в твоих наушниках английская речь. Еще поворот — уже слышна речь кубинцев. Так можно настроиться на любой из двадцати девяти

языков земного шара. В здании Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке речи ораторов можно слушать лишь на десяти языках.

ЧЕМУ УДИВИЛИСЬ ПЕРВЫЕ ЗРИТЕЛИ

В театре сплошь и рядом нужно бывает быстро сменить декорацию, на глазах у публики поднять «из-под земли» сказочный дворец или отправить в преисподнюю какого-нибудь злого духа. Поэтому любая сцена не глухой помост, а сложное инженерное сооружение. Во Дворце съездов — тем более.

Поворотный круг — вещь обычная для более или менее крупной сцены. Есть он и у нас — семнадцати метров в диаметре. А вот таких подъемных площадок, как на кремлевской сцене, еще не бывало в театрах. Их четырнадцать, и любая может независимо от других опускаться, подниматься, «проваливаться». Очень обрадовались, увидев это, режиссеры: как легко на такой сцене творить всякие чудеса!

Но самое удивительное — это передняя часть сцены — авансцена. Когда после съезда москвичи пришли на первый концерт в новый дворец, то диву дались. Видели они на снимках: сидел на авансцене президиум съезда. И вдруг теперь на том же самом месте оказалась оркестровая яма. Еще больше удивились зрители, когда вдруг во время исполнения музыкальной увертюры оркестр стал неожиданно подниматься вверх. Вот он уже на уровне сцены — каждый музыкант, как на ладони.

Сценой во Дворце съездов управляет один человек — оператор. Если нужно разместить оркестр, достаточно нажать лишь кнопку на пульте управления — и пол опустится, образуя большую нишу. Там поместятся сто двадцать музыкантов. Решили в зале провести торжественное собрание — снова перемены. Нажмут другую кнопку, и теперь уже оркестровая ниша уйдет под сцену, а на ее место — из-под зрительного зала — выдвинется тот самый помост со столом президиума и трибуной, с которой выступали делегаты XXII съезда. А откуда-то сверху опустится чудесный занавес со знаменем и барельефом Владимира Ильича Ленина, и сцены как не бывало.

ЧУДЕСА ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Вот, оказывается, какие интересные вещи можно видеть в новом Кремлевском дворце. Но этим чудеса не исчерпываются. Возьмите хотя бы занавес, о котором мы только что упоминали. Знаете ли вы, что он сделан из металла и весит — ни много, ни мало — семьдесят шесть тонн? Железные занавеси есть во всех театрах. Но опускаются они только во время несчастья: если вспыхнет пожар. А у нас пожарный занавес и защитный и декоративный. Художники Мыльников и Рысин украсили его чеканным металлом, развернув по нему из угла в угол алое знамя с силуэтом Ильича, удачно дополнившим торжественный и простой облик зрительного зала.

Какие же еще «чудеса» таит наш дворец? Захотите вы сесть в лифт — вот вам первая неожиданность. Не думайте войти туда пятым — сверх положенной нормы. «Умный» лифт не стронется с места, не допустит перегрузки. Есть в нем и второй секрет: в двери спрятан фотоэлемент. Он следит за тем, не задержался ли человек у входа: ведь двери закрываются автоматически. И если вы будете держать в поле зрения чудесного глаза руку или пола вашего пальто пересечет световой луч, створки лифта останутся раскрытыми.

А вот лифт другого сорта, но тоже необычный. Этот, в отличие от своего пассажирского собрата, не считает, сколько людей вошло в него. Он привык груз мерить тоннами. Нет во дворце склада декораций — и не надо. Тут-то и выручает лифт-тяжеловоз. Прямо с улицы в его широкие двери въезжает пятитонный грузовик с декорациями. Заработал мотор — и грузовик доставлен прямо к сцене. Зачем же склады городить? Так удобнее.

Или вот еще новость. Если вы придете во дворец с отцом и он захочет выкурить папиросу, ему не надо искать курительную комнату: курят прямо в фойе. Ведь каждые восемь минут в здании полностью обновляется воздух. Причем в зависимости от времени года он подогревается или охлаждается, увлажняется или насыщается озоном.

Сложнейшим хозяйством управляют люди, создающие искусственный климат. Зал, где расположены установки для кондиционирования воздуха, является третьим по величине после зрительного и банкетного. На двадцать шесть километров протянулись бы воздуховоды дворца, если бы их вытянуть в одну линию. А решетка вентиляционной заборной камеры, куда машины засасывают свежий воздух, имеет поистине гигантские размеры — пятьдесят квадратных метров!

Остается рассказать о самом верхнем помещении Дворца съездов — о его банкетном зале. Здесь за столиками могут поместиться две с половиной тысячи человек.

Но, как и другие помещения, банкетный зал может быстро преобразиться. Обеденные столы и стулья легко разобрать. Под эстрадой их ждут уже специальные тележки. Сложат на них мебель, и снова уйдут тележки на место. В освободившемся зале закружится в танце молодежь.

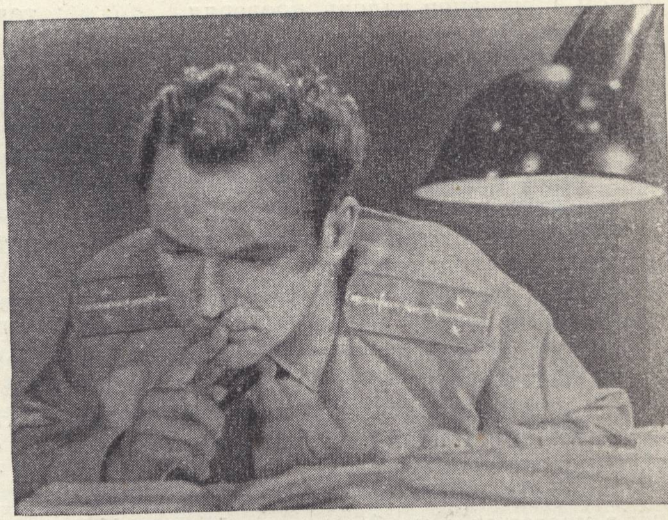
А очень может быть, что во время январских каникул в этом зале побывали и многие из вас, школьников. О детях тоже не забыли строители. В центре банкетного зала скрыто вращающееся устройство для установки новогодней елки.

Записала Н. Булавинцева.

★

Юрий ГАЛЬПЕРИН

«Дорогая редакция! У нас в стране уже осуществились полеты человека в космос. Скоро можно будет летать на другие планеты.

Мне 12 лет, учусь в 6-м классе, учусь хорошо, здоровье хорошее. Я хочу полететь на Марс или на Венеру. Как готовиться к этому полету?

При выборе в полет имейте в виду меня.

Киселев Петр.

г. Мончегорск,
Мурманской области».

Прочитал я твое письмо, Петр, и... позавидовал. Позавидовал таким, как ты. Понимаешь, сам я тоже как будто здоров, и некоторые знания есть — одиннадцать лет был летчиком,— вот бы сесть за штурвал космического корабля!.. Размечтался я, и однажды при встрече с Германом Титовым говорю об этом космонавту. «Возраст у вас не тот»,— сказал мне Титов.

Понимаешь, Петя, возраст...

Когда ты вырастешь, люди наверняка полетят к другим планетам. На Луне совершат посадку сверхдальние космические корабли. Там они пополнят запасы горючего, кислорода. Если понадобится, механики произведут ремонт корабля. Пассажиры отдохнут в гостинице «Земля», побывают на экскурсии в обсерватории. Ведь небо над Луной всегда безоблачно, и круглые сутки на нем видны звезды. Вот где раздолье астрономам!..

Кто же построит этот удивительный межпланетный космодром, обсерваторию, гостиницу, склады, мастерские? Конечно, очень смелые и очень опытные мастера — небесные каменщики и монтажники, слесари и механики, электрики и радисты.

А сколько необычайных открытий ждет ученых и геологов, которые пройдут по безводным лунным морям, обследуют марсианские каналы, загадочную «землю» Венеры!..

Множество важных и увлекательных дел ожидает тебя, друг.

Ты хочешь стать таким, как наши замечательные герои Юрий Гагарин и Герман Титов? Прекрасно, желаю тебе удачи и начинаю рассказ о бесстрашном космонавте, совершившем за один день семнадцать кругосветных путешествий...

Сквозь пургу

В детстве самым первым и самым лучшим другом был у Германа отец. Степан Павлович Титов — человек действительно необыкновенный. Его любили не только школьники, которых он учил, но и все жившие в алтайском селе Полковникове и округе. Он был художником и музыкантом, знал и весело делал любую крестьянскую работу, слыл

прекрасным садоводом, шофером, плотником...

Как-то вечером Герман учил дома немецкие слова. Слова были аккуратно выписаны столбиком в тетрадке. Прикрыв рукой страницу, Герман вслух повторял заданное, а потом, приподняв ладонь, проверял.

Степан Павлович, который, кроме русского языка и литературы, преподавал еще немецкий язык, незаметно наблюдал за сыном.

— Гера, а что, если мы с тобой придумаем одну вещь?

— Какую? — оживился Герман.

— А вот, смотри...— Отец взял лист бумаги, стал что-то чертить.

— Ох и здорово! — Герман даже хлопнул ладонью по столу.— Давай!

Вместе с отцом они смастерили большой щит. Несколько вечеров Герман прилаживал к нему металлические кнопки, натягивал меж ними и паял целую паутину тоненьких проволочек.

Однажды, придя на урок, ребята увидели в классе этот необыкновенный щит. На нем были выведены немецкие и русские слова, блестели кнопки, а сбоку свешивались два провода с наконечниками.

— Что это, Степан Павлович? — загалдели ребята.

— Сейчас познакомитесь. Повторим, что было задано на дом. Слова.

И вот тут-то началось самое интересное. Ученик подходил к щиту, брал в руки два провода. Кончиком одного он прикасался к кнопке у русского слова, названного учителем, а вторым проводом должен был показать это же слово по-немецки. Первый спрошенный то ли от волнения, то ли по другой «неизвестной» причине неправильно показал немецкое слово. И тут же, к всеобщему изумлению, в центре щита вспыхнула яркая цифра «2».

— Ой! — завопили ребята.— Сам себе отметку ставит!..

Ученик поправился — и в стеклянном окошке вспыхнула «пятерка»...

Давно не было такого веселого урока. Даже самые ленивые, рискуя зажечь «двойку», просились к доске.

На большой перемене уже вся школа знала о чудесном щите. Ребята толпились возле него, а Герману говорили:

— Что же это вы с отцом только для одного класса сделали...

Пришлось Герману смастерить еще несколько таких щитов.

Нет, недаром Герман дружил с отцом. У сына тоже были золотые руки. Он собирал радиоприемники, строил модели, при-

Перед изумленными глазами ребят возникает чудесный уголок родного края. Здорово рисует Степан Павлович!

боры для физического кабинета, часами пропадал на школьной электростанции, которую ребята гордо звали «наша ТЭЦ». Любил Герман столярничать, выпиливать из фанеры замысловатые рамки. Уже в шестом классе он у колхозного шофера дяди Тиши научился водить автомашину и возил на склад зерно.

Герман играл в школьном оркестре, на вечерах очень здорово читал Маяковского, сам писал рассказы в рукописный журнал и, как большинство ребят, увлекался спортом. Особенно он полюбил велосипед. Приятно было мчаться по узенькой тропинке, что вьется вдоль палисадников, вихрем покатить с горы.

Почти каждый день делал Герман настоящий стокилометровый велопробег. Сначала в школу, потом на станцию, к дедушке в соседнее село или еще куда-нибудь, вроде по делу. Не признаваясь никому, он закалял себя, воспитывал выносливость.

Но однажды на спуске с горы что-то попало под колесо, машина на большой скорости резко вильнула, и, не успев опомниться, Герман очутился на земле. Он тут же вскочил, начал поднимать велосипед и вскрикнул от боли. Левая рука опухла, посинела...

«Потерпи малость»,— прошептал себе Герман и, взявшись за руль одной правой рукой, попытался сесть на машину. Трудно. Тут подоспел Вадим — школьный товарищ. Он помог взобраться на велосипед. Сжав зубы, чтоб не стонать от боли, Герман поехал в больницу.

— Да у тебя перелом руки, молодой человек,— сказал врач и с уважением посмотрел на парня, даже не пикнувшего во время осмотра.— Придется тебе в гипсе походить, пока не срастется...

Так на левой руке Германа появилась твердая, негнущаяся гипсовая «перчатка». Она поднималась выше локтя, и вся рука была будто оштукатурена.

Дома Герман успокаивал родных:

— Ничего, пустяки, до свадьбы заживет.

Однако в душе он был очень расстроен. Он вспоминал рассказы о летчиках и шоферах, которые, сломав руку или ногу, уже не могли больше заниматься любимым делом.

Спустя недели две, когда дома никого не было, Герман налил в таз воду и стал осторожно размачивать гипс возле локтя. Вот локоть свободен. Герман потихоньку сгибает руку. Так... Гнется плохо... Ничего... Еще раз...

Тайком от всех Герман ежедневно делал упражнения, чтобы восстановить подвижность руки. Когда гипс сняли, он занимался гимнастикой целыми часами. «Левая рука не должна уступать правой»,— решил Герман, а если он что задумывал, обязательно доводил до конца.

Вскоре в селе и позабыли, что у парнишки сломана рука. Он лихо гонял на велосипеде, играл в волейбол, ловко выполнял упражнения на брусьях.

Зимой Герман с увлечением ходил на лыжах. Без лыж сибиряку нельзя — никуда не отойдешь с дороги, такой глубокий снег. Школа тоже далеко, и всего удобнее добираться до нее на лыжах.

В один февральский вечер Герман возвращался с ребятами из школы. Холодный, резкий ветер поднимал с земли колючий снег, занесло наезженную лыжню. Начинался буран...

Дойдя до лесной опушки, ребята поняли, что сбились с пути. Попробовали переждать, но ветер все свистел и свистел. За снежной пеленой совсем исчез горизонт.

— Надо идти,— сказал Юрка, приятель Германа.

— Пойдем, верно...— поддержал тот.

Остальные растерялись, заспорили. Одни боялись заблудиться еще больше, другие кивали на девчонок, говорили, что им не выдержать.

Герман с приятелем убедили ребят. Ведь так и замерзнуть можно, если все стоять.

Пошли... Впереди, пробивая лыжню, Герман с Юркой, за ними — девчата. По направлению ветра Герман определил, где должна быть шоссейка.

Двигались прямо по целине. Ветер обжигал лицо, снег забивался в рукава, за ворот; заплакала девочка: замерзли руки, ноги, не может идти.

Герман подбадривает: «Скоро выйдем». Замерзшую девочку мальчишки по очереди несут на руках... Вот и дорога! Большой круг дали ребята, но теперь уж не страшно, не заблудятся.

Поздним вечером, запорошенный снегом, с заиндевевшими, слипающимися ресницами, еле волоча ноги, появляется дома Герман. Его уже давно ждут, волнуются.

— Задержались в школе,— словно ничего не случилось, спокойно объясняет он.

И больше ни слова.

Если бы не отец той чуть не замерзшей девочки, который пришел поблагодарить Германа, дома никто бы и не узнал, что произошло в этот вечер.

Тридцатый

Кем быть? Настало время твердо и окончательно ответить на этот вопрос: ведь скоро прощание со школой. Герман отлично знал химию, физику, математику, любил машины. «Наверное, инженером будет»,— думал отец. А Герман? Он все чаще вспоминает рассказы дядя Саши — маминого брата, летчика...

Тут как раз объявили набор в военное авиационное училище. «Это мне подойдет»,— решает Герман.

...В группе инструктора старшего лейтенанта Максимова Титов получил позывной «Тридцатый» — радиосигнал для связи с землей во время полетов. «Тридцатый» — так сразу и окрестили Германа новые товарищи.

Но прежде чем полететь, курсант должен многое знать: как устроены самолет, мотор, приборы, по каким законам держится в воздухе и не падает тяжелый воздушный корабль. Он должен научиться прокладывать путь самолета по карте и точно находить воздушные дороги, знать, когда помогает и когда мешает летчику ветер... Только после этого курсант садится в самолет.

В учебной машине две кабины, два штурвала. В передней кабине инструктор. Это он ведет машину, а курсант, едва касаясь рукой штурвала, повторяющего движения своего двойника, пытается постичь непрерывный и таинственный поток колебаний.

Полет за полетом — и рука курсанта уже начинает различать в этом потоке и стройность и меру, ей уже позволено взять штурвал и попробовать подчинить себе самолет, направив его пока что по прямой. Но до чего же это трудно! Самолет то ныряет вниз, то задирает нос чуть не к солнцу да при этом так и норовит закружиться!

Еще полеты — и незаметно штурвалы как бы меняются ролями: «главный» теперь во второй кабине, все реже вмешивается в управление рука инструктора.

А потом... потом наступает событие, которое курсанты помнят всю жизнь: первый самостоятельный полет без инструктора — день рождения летчика.

В тот день Герман проснулся очень рано и, лежа на койке, мысленно переживал предстоящий экзамен.

— Подъем! — подал команду дневальный.

Физзарядка, умывание, завтрак. И вот наконец летное поле.

Погода отличная. «Тридцатого» первым назначают в полет, сначала в контрольный — с командиром полка. Командир в передней кабине, Титов позади.

— Все делайте сами,— говорит командир и так, чтоб было видно сзади, кладет руки на приборную доску. Сегодня он «пассажир».

Полет по кругу шел хорошо. Герман показывает командиру самолеты, находящиеся в воздухе. Летчик должен все видеть... Герман начинает плавно снижаться. Еще один, последний разворот — и впереди белеют полотнища, указывающие место посадки.

Точными, уверенными движениями Герман подводит самолет к земле. Штурвал на себя, еще... еще... И вот самолет почти неслышно коснулся земли сразу тремя точками: колесами и хвостовым костылем... Отличная посадка!

Когда Герман, зарулив на стоянку, выключил мотор и хотел подняться вслед за командиром, тот его остановил:

— Сидите!

— Разрешите получить замечания? — произнес Герман и почувствовал, как забилось у него сердце. Еще минуту назад он просто не слышал его ударов, не думал о нем.

— Волнуетесь? — по-дружески спросил командир и, не дожидаясь ответа, сказал: — Понимаю. Замечание только одно — плавнее делайте развороты.

Герман видел, как инструктор подошел к командиру. «Разрешит или не разрешит?..» Вот инструктор зашагал к самолету...

— Ну, Титов, полетите один,— улыбается инструктор и вдруг переходит на «ты»: — Все делай уверенно, спокойно. Знаю, справишься...

— Справлюсь, товарищ старший лейтенант! — едва сдерживая радость, кричит Герман.

— Давай! Полет по кругу. Запускай.

— От винта! — командует Герман и запускает мотор.

Желтый шарик рычага управления мотором удобно ложится в ладонь левой руки. Правая рука уже привычно прижимает к

телу послушный штурвал, ноги стоят на педалях...

— Разрешите выруливать?

— Пошел!..

Старт. Герман плавно прибавляет обороты мотора. Самолет начинает разбег... Штурвал от себя... Самолет поднимает хвост... Вот уже линия горизонта режет козырек кабины... Скорость растет... Колеса уже едва касаются земли... Какой-то миг, чуть-чуть штурвал на себя — и машина повисла в воздухе. Теперь она мчится над зем-

Курсант Герман Титов.

лей. Мелькает, стремительно убегая под крыло, зеленое поле аэродрома. Быстрый взгляд на приборы. Скорость переваливает за сто километров, машина рвется ввысь... Штурвал на себя — и земля плавно уплывает куда-то вниз... Первый разворот... «Спокойнее»,— говорит себе Герман.

Самолет идет по прямой.

Под крылом проплывают ангары, постройки, вон в огороженном квадрате люди — это друзья. Они, конечно, следят за его полетом. Кто-то сейчас готовит «боевой листок» с поздравлением... Такая традиция...

«Нет, неужели это я лечу? — спрашивает себя Герман.— А ну, посмотрим!» Штурвал влево — самолет слегка накренился на левое крыло, штурвал вправо — на правое.

«Послушен! Лечу!» Герман с радостью чувствует, как почти безотчетно сливается всем своим существом с машиной.

Полет в... никуда

Над землей летит счастливый человек, начинающий покоритель пятого океана, летчик Титов... Да, теперь уже летчик!

В глубокой вышине тихо, беззвучно сверкнул белый, похожий на стрелу самолет и скрылся из виду, а следом за ним в небе пронесся и также исчез могучий гул, словно кто-то невидимый, рассвирепев, догонял промчавшуюся стальную птицу.

Это за реактивным самолетом гнался отставший от него его собственный звук. Такие огромные сверхзвуковые скорости у этих машин, что сначала их видишь, а только потом слышишь...

Вот такой чудо-самолет получил после школы уже в гвардейской воинской части летчик лейтенант Титов. А какие замысловатые каскады фигур выделывал на своем новом самолете молодой офицер! Взмыв свечой к облакам, он чертил в воздухе петли, восьмерки, штопором ввинчивался в небо, переворачивал машину через крыло, вверх колесами, как ястреб, молнией падал вниз... Высший пилотаж!

Отлично летал Титов.

Но вот приходит время, когда тысячи и тысячи людей захватывает новая, бесконечно волнующая, сказочно смелая мечта — совершить полет на ракете!

Прежде всего об этом мечтают советские люди: ведь наша Родина не только первой открыла человечеству дорогу в Космос, но и первой создала искусственную планету, запустила ракету на Луну, а потом сфотографировала ее невидимую сторону, первой отправила во Вселенную и вернула невредимыми на Землю четвероногих космонавтов-разведчиков.

Все понимали: недалек тот день, когда и человек сможет отправиться в полет к звездам.

Мечтал и Герман Титов. Мечтал, не подозревая, что именно он будет одним из немногих, кому Родина доверит свои первые космические корабли.

Прием в группу космонавтов был радостным и, пожалуй, неожиданным событием. Титов переезжает в другой город, знакомится с новыми товарищами. Все они молодые,

веселые, сильные, прекрасные летчики, спортсмены.

Живут космонавты, как родные братья. Особенно подружился Герман с одним из них — Юрием Гагариным.

Дни снова проходят в напряженной учебе, тренировках. Перед Германом открывается мир сложных и необычайно интересных знаний. Потом государственные экзамены.

Часами просиживают космонавты в кабине звездного корабля, изучают ее до малейшего винтика, разыгрывают на Земле предстоящий полет.

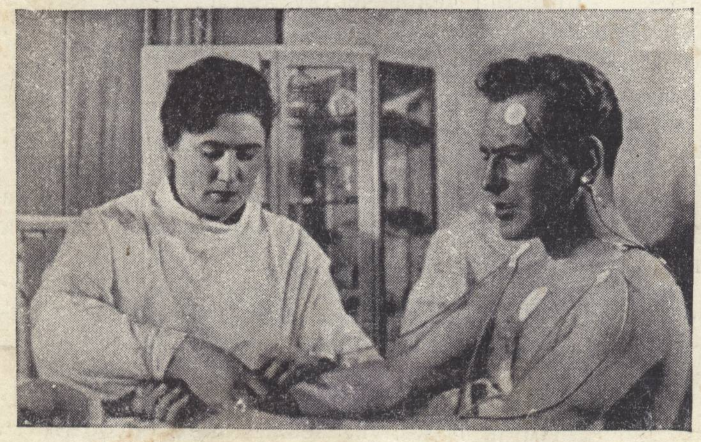
Герману кажется, что не совсем удобно для пилота оборудован пульт управления. Он долго проверяет свои сомнения, затем что-то чертит и, наконец, решает поделиться своими мыслями с Главным Конструктором.

— Титов прав,— говорит своим сотрудникам Главный Конструктор,— нужно внести изменения.

Нет, не зря еще в школьные годы увлекался Герман техникой! Специальный технический совет, который тщательно изучает и проверяет конструкцию космического корабля, надежность его механизмов и сложной аппаратуры, приглашает Титова участвовать в своей работе.

Чем ближе время первого полета, тем настойчивее тренируются космонавты. Особенно трудно выдержать центрифугу — «чертову карусель», как прозвали ее летчики.

На длинной металлической балке — закрытая кабина, похожая на футляр. В ней на мягком, упругом кресле полулежит человек. Вот футляр захлопывается, взвывает мотор — и кабина начинает бешено вращаться.

На помощь врачам приходят чувствительные приборы. Они исследуют все уголки организма, каждую его клеточку...

Невероятная сила прижимает летчика, будто хочет его раздавить. Собственный вес человека возрастает до огромных размеров. Нельзя пошевелить ногой, рукой, голова кажется налитой свинцом...

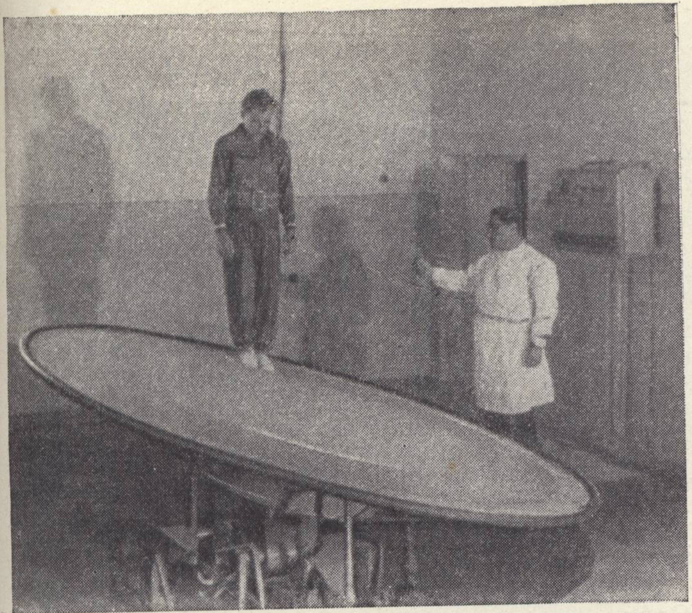
Далеко не всякий выносит эту чудовищную перегрузку. Но будущий космонавт должен не только совладать с ней, но и следить при этом за световыми сигналами, выполнять разные задания. Ведь при взлете ракеты, когда возникнет такая перегрузка, ему придется работать с приборами, поддерживать связь с Землей.

Еще труднее — ротор. Здесь кабина укреплена таким образом, что может вращаться сразу в трех плоскостях. Но Герман хорошо переносит и это невообразимое кружение. Он удивляет врачей своей выносливостью и самообладанием, четкой работой мысли в моменты сложнейших физических испытаний.

Организм летчика должен быть подготовлен к любым положениям и состояниям космического корабля. И вот Титов стоит на краю большого круглого стола. Вместо ножек у стола целая система рычагов. Механизм включен, и стол начинает качаться, как палуба корабля. Герман балансирует, не сходя с места. Качка все сильнее и сильнее, кажется, что под «палубой» разыгрался невиданный шторм. Но Герман не падает, не теряет равновесия — стоит, как ни в чем не бывало.

При запуске мощные двигатели сообщают ракете на какое-то время вибрацию. К ней тоже заранее приучают космонавтов. Для этого служит особая площадка — вибростенд. Она лихорадочно бьется, сотрясая тело противной мелкой дрожью. Титов и тут не сдается. На очередную тренировку он приходит с книгой. В первые минуты буквы прыгают перед глазами, сливаются в сплошную рябь. Но потом он как-то привыкает и спокойно начинает читать вслух.

Космонавты подолгу и упорно занимаются спортом. Некоторые их упражнения и снаряды не похожи на обычные. Даже беговая дорожка особенная. Она движется, как эскалатор, быстро ускользая из-под ног. Космонавт бежит и в то же время остается на месте. Это нужно для того, чтобы с помощью приборов, соединенных проводками с телом космонавта, врач мог хорошо изучить работу его сердца и легких. Очень тщательно исследуют врачи здоровье

Этот «стол» уплывает из-под ног, как палуба корабля, попавшего в сильный шторм.

космонавта, проверяют чуть ли не каждую клеточку организма, нервы, даже характер...

С удовольствием упражняется Герман на батуде — широкой резиновой сетке. Стоит посильней оттолкнуться — и тебя подбросит так высоко, что можно сделать в воздухе сальто. Вот только сальто не всякий «выкрутит». Но Герман — опытный акробат.

Нравятся ему и упражнения на большом металлическом колесе (в цирке его называют ренским). Встав внутрь колеса, космонавт легко катится по дорожке. Как спицы, мелькают руки, ноги. Умелое движение туловища — и колесо накренилось, стало выписывать замысловатые виражи.

В программу подготовки космонавтов входит парашютный спорт. Сначала они прыгают с обычного самолета, опускаясь то на поле, то на воду. Потом переходят на реактивный и выбрасываются уже на катапультирующем кресле.

Одно из самых важных и ответственных испытаний — земная репетиция космического полета.

Есть люди, которые боятся темноты, нервничают, если долго остаются в одиночестве, их раздражает абсолютная тишина. А космонавт? Он первым из людей покинет Землю, будет лететь один среди звезд, там, где вечная темнота и тишина... Выдержат ли нервы?

— Ну, до свидания,— говорит Титову врач у входа в сурдокамеру. За космонавтом захлопывается тяжелая стальная дверь.

В кабине кресло, пульт управления, запас пищи, дневник, телевизионная камера, которая позволяет врачам следить за состоянием космонавта...

В камере Титов один. Начинается полет в... никуда. Он продлится много, много дней.

Строго по расписанию Титов выполняет заданную программу, как если бы он находился в настоящем полете, ведет дневник, завтракает, обедает, ужинает, в назначенный час ложится спать.

Ни один внешний звук не проникает в камеру. Только вспыхивают световые сигналы. Они передают команды к началу упражнений. Одно из них — работа с таблицей, на которой нанесены красные и черные цифры. Герман должен показать цифры, назвать их величину, цвет. Его видят и слышат, но отвечают... сигналами.

В «полет» Герман взял томик любимого поэта — Пушкина. Он читает вслух и заучивает наизусть «Евгения Онегина», поет, чтобы рассеять гнетущую тишину, что-то рисует...

«Полет» закончен. Из сурдокамеры выходит обросший светлой курчавой бородкой, утомленный, но, как всегда, спокойный Герман Титов. Его только немного покачивает в первые минуты, как человека, долго не встававшего с постели.

И вот наконец наступает исторический день первого старта человека в Космос.

Готовились к полету двое: Гагарин и Титов. Лететь должен был Гагарин, но в случае необходимости его мог заменить Титов.

Накануне полета они вместе легли спать, вместе проснулись, позавтракали, надели герметические скафандры и отправились на космодром Байканур.

Оба космонавта чувствовали себя хорошо, и в полет отправлялся Гагарин.

Перед тем как занять свое место в кабине космического корабля «Восток-один», Юрий Гагарин попрощался с товарищами, крепко обнял друга. Они хотели поцеловаться, но этому мешали стальные, как у водолазов, шлемы, и вместо поцелуя раздался тихий звон удара металла о металл.

Было это 12 апреля 1961 года. Полет прошел превосходно, и изумленный мир с вос-

Все, что рассказывает Юрий Гагарин, очень важно для подготовки к новому полету.

хищением и гордостью повторял имя Юрия Гагарина. Первый человек с нашей планеты поднялся в тайные глубины Вселенной и за 108 минут облетел вокруг земного шара!

В книге Гагарина «Путь в Космос» мы прочли сердечные, теплые слова: «Космонавт-Два... был тренирован так же, как и я, и, наверное, способен на большее. Может быть, его не послали в первый полет, приберегая для второго, более сложного».

Так писал Гагарин о своем друге, который за активное участие в подготовке полета и усовершенствования, внесенные в конструкцию космического корабля, получил высокую награду — орден Ленина.

По-прежнему скромный, трудолюбивый, Герман продолжает готовиться к более сложному полету, тщательно изучая опыт Юрия Гагарина. Теперь его очередь, а рядом с Титовым новый напарник — Космонавт-Три...

До Луны и обратно

6 августа 1961 года... По степной дороге идет голубой автобус. В кресле, одетый в высотный герметический костюм-скафандр, металлический шлем с надписью «СССР», сидит Герман Титов. Сзади в таком же облачении — Космонавт-Три...

Вот и космодром. Кажется, что здесь, в степи, прямо под открытым небом расположилась огромная научная лаборатория: тут множество необычных построек, диковинных механизмов. В центре поля окруженная сложным переплетением металлических ферм гигантская серебристая ракета. Высоко над землей, на самой вершине ракеты, смонтирован космический корабль. Он весит почти пять тонн. Какие же нужны необыкновенные двигатели, чтобы забросить его на высоту в сотни километров!..

Чтобы отличать моторы друг от друга, их мощность определяют лошадиными силами. Мотор автомобиля «Москвич», например, заменяет сорок пять лошадей. Моторы самолетов имеют уже тысячи лошадиных сил, а для космической ракеты их нужно... двадцать миллионов! Если запрячь столько лошадей одну за другой, то они выстроятся цепочкой вокруг всего земного шара! Вот какая силища должна унести к звездам Германа Титова!

...Последние минуты перед стартом. Титов сердечно попрощался с друзьями и поднялся на лифте в свою кабину. Бесшумно захлопывается за ним входной люк. На командном пункте включены телевизоры. На экране видно, как космонавт садится в большое пилотское кресло. Оно не простое. В нем помещен запас кислорода для дыхания, продукты. Прямо в кресло вмонтированы радиостанция, устройство для вентиляции внутри скафандра и все, что может понадобиться космонавту после приземления. В кресле помещен и парашют. Если появится какая-нибудь опасность или необходимость, кресло вместе с космонавтом может автоматически отделиться от корабля и плавно опуститься на Землю.

Перед пилотом — пульт автоматического и ручного управления кораблем, приборы, радиотелефон, динамики, магнитофон, телевизионные камеры, бортжурнал корабля «Восток-2». Взят и репортерский киноаппарат «Конвас», запас цветной пленки.

Сквозь толстые жароупорные стекла трех иллюминаторов в кабину врываются веселые солнечные лучи.

В динамике раздается голос Председателя Государственной Комиссии:

— Как чувствуете себя, Герман Степанович?

— Самочувствие прекрасное, прекрасное,— отзывается Титов.— Спасибо за внимание...

Тишина... Слышно, как часы отсчитывают минуты, оставшиеся до старта.

— Подъем! — звучит команда.

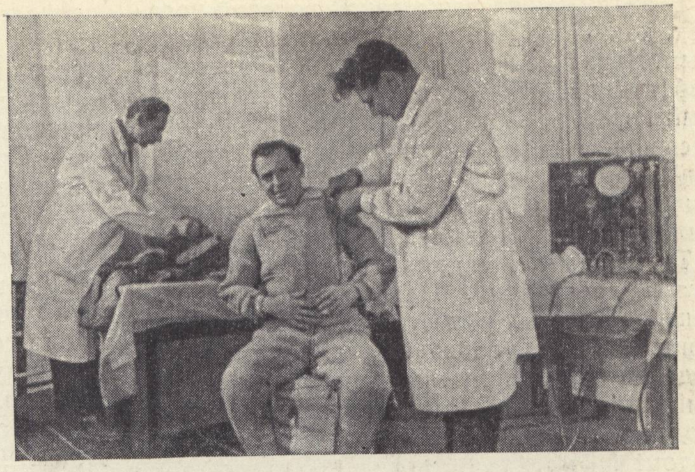
— Есть подъем!

Неистовый гул. Из нижней части ракеты вырывается бушующее пламя и легко, словно играя, поднимает и мчит стальную сигару в небеса...

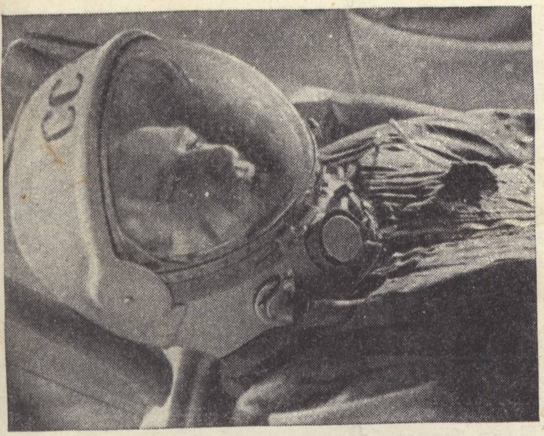
На какую-то долю минуты Герман застыл, замер от удивления, восхищения этой потрясающей силой, что несла его от Земли.

— Пошла, родная! — в порыве восторга крикнул Титов, и, услышав в динамиках его радостный голос, счастливо улыбнулись люди, оставшиеся на Земле.

Первое мгновение Герман сидел, не шевелясь. Ему хотелось впитать в себя, запомнить все, все: и этот могучий бег корабля, и уплывающие поля, города, и мелькавшие за иллюминаторами ярусы облаков...

Германа Титова одевают в космический костюм.

Перед стартом.

Люди на далекой Земле, которые управляют полетом ракеты, знают все, что происходит с Титовым. Они прекрасно слышат его голос, видят его лицо, слышат даже дыхание космонавта. Обо всем сообщают умные, точные приборы, подающие радиосигналы с борта корабля.

— Пульс Титова участился: 118... 134 удара в минуту,— докладывает Председателю Комиссии врач.

— Проходит самый трудный участок выхода на орбиту,— поясняет он журналистам,— здесь самые большие перегрузки.

На экране телевизора видно, как сильно прижало сейчас космонавта к креслу. А тут еще шум, тряска: ведь толкают вперед ракету, гудят двадцать миллионов механических лошадей!

Но Титов невозмутим. Даже в этом состоянии он продолжает наблюдение за приборами.

— Иду над Землей,— снова слышен его спокойный голос.— Над самой нашей Родиной!

...Космический корабль выходит на орбиту. Умолкли двигатели, исчезли перегрузки. Тихо... Но вдруг все закружилось перед глазами Титова: ему кажется, что неведомая сила перевернула его вверх ногами, завертела. Усилием воли Титов поворачивает голову, и неожиданно все становится на место. Космонавт как сидел, так и сидит в своем кресле, перед ним пульт... Нет, сидит он совсем не так, как раньше,— он висит над креслом! Наступила невесомость — человек, все незакрепленные вещи превратились в пушинки.

— Орел, Орел! — снова слышит Титов свои позывные.— Я Заря-три! Вышли на орбиту точно. Перигей — 178 километров. Апогей — 257.

Теперь космический корабль стал спутником Земли.

Кабину заливают солнечные лучи. Титов выключил было освещение, но вскоре корабль входит в земную тень, его обступает непроглядная звездная ночь...

Истек первый час полета.

— Орел! Орел! Я Заря-один, разрешаю ручное управление.

— Я Орел, вас понял! — сдерживая волнение, ответил Земле космонавт.

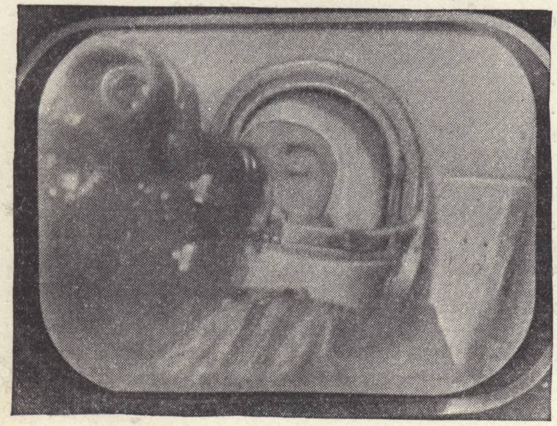
В этот момент даже такой волевой человек, как Титов, не мог оставаться спокойным. Ведь еще никому из людей не довелось собственной рукой вести в Космосе звездный корабль. Самый опытный летчик, садясь на новую машину, волнуется, когда первый раз берет в руки штурвал, а тут... космический корабль! Подчинится ли он воле пилота? Как поведет себя?

Титов решительно кладет правую руку на пульт управления... Первые движения... и непередаваемая радость охватывает космонавта! Ему, только ему одному сейчас подвластен, беспредельно послушен звездный корабль, созданный гением советских людей, доверенный ему партией, всем народом!

— Заря-один,— передает на Землю Герман Степанович.— Все проходит отлично!

...Маленькая модель Земли — прибор в виде глобуса, вмонтированного в центр пульта управления,— показала, что корабль снова должен выйти из земной тени.

Вот на горизонте вспыхивает ярко-оранжевая полоса, а над ней, один за другим, все цвета радуги... Над Землей заполыхал голубой ореол, в кабину заглянуло солнце...

Люди на Земле не сводят глаз с экрана телевизора. Вот космонавт, придвинув к себе «плавающую» кинокамеру, начинает съемку...

Далеко, далеко внизу видны горные отроги, узенькие ленты больших рек, поля, синие тени облаков... Сказка!

Космонавт протянул руку в сторону и легонько толкнул к себе киноаппарат. Теперь он висит в воздухе прямо против окна — не надо даже держать. Первый космический кинооператор улыбнулся, вспомнив солидную «земную» тяжесть «Конваса». Куда удобнее снимать в невесомости!

Пролетая над Советским Союзом, Титов докладывает Центральному Комитету партии и товарищу Хрущеву о том, что полет проходит успешно, самочувствие отличное.

Спустя немного времени на борт корабля приходит радостная весть.

— Орел, Орел, я Заря-пять,— слышит космонавт,— передаю телеграмму Никиты Сергеевича Хрущева:

«Дорогой Герман Степанович! Только что получил Вашу телеграмму с борта космического корабля-спутника «Восток-2».

Все советские люди бесконечно рады успешному полету, гордятся Вами. Сердечно поздравляю Вас, верного сына нашей Родины, славной Коммунистической партии. Ждем Вашего возвращения на Землю.

Обнимаю. Н. Хрущев».

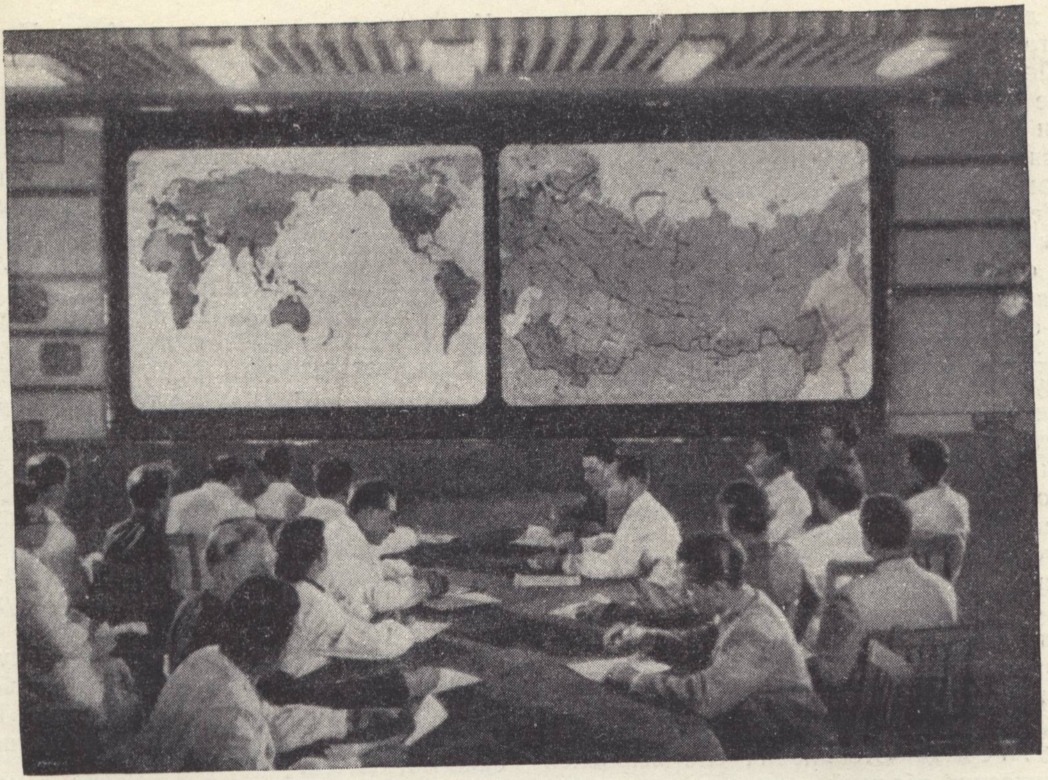
...Корабль несется по орбите со скоростью двадцать восемь тысяч километров в час. Виток за витком. День сменяется ночью, и снова наступает день. Космонавт ведет наблюдения, записывает их в бортжурнал, передает по радио репортаж о полете, приветствует народы и континенты.

В назначенный час космонавт приступает к физзарядке. Закрыв глаза, вытягивает вперед руки, разводит их в стороны, поднимает и опускает... С Земли внимательно следят за тем, как он выполняет упражнения. Не нарушила ли невесомость координацию движений? Нет, все получается здорово, как на Земле.

Полдень, пора обедать. Запасы под рукой. Вся пища в тюбиках. Космонавт выдавливает в рот, как зубную пасту, суп-пюре, мясной и печеночный паштет, запивает черносмородиновым соком. Одна его капелька ускользнула и... повисла в воздухе. Герман Степанович поймал ее на крышку тюбика и, невольно рассмеявшись, отправил в рот.

Если бы не большая работа, Титов, наверное, не отрывался бы от иллюминатора. Чего только не видел он с чудесной высоты! Моря и океаны, величайшие горные цепи, золотые россыпи огней больших городов! Перед ним, как на глобусе, вырисовывались целые материки: желтая, с темно-зелеными пятнами джунглей Африка, вытянутая, с извилистым хребтом Южная Америка...

Все, что узнавали люди в часы полета корабля, было необычайно, захватывающе интересно, но, вероятно, никогда не забудется простая на первый взгляд радиограмма Титова, посланная москвичам: «Я сейчас ложусь спать. Как хотите вы, а я ложусь спать...»

Координационно-вычислительный центр. Это здесь, получая сведения с космического корабля, следят за его полетом.

Это было огромным событием в истории науки, в истории освоения Космоса — человек на маленьком искусственном спутнике Земли ложился спать!

В кресле можно было лежать. Только как ляжешь, если ты стал невесомым и тело стремится уплыть к потолку? Пришлось привязаться ремнями. Руки оставались свободными. Космонавт сложил было их на груди, но они вдруг тоже потянулись вверх. Пришлось и руки подсунуть под ремни.

«Спать!» — приказал себе Титов и задремал. Несколько раз он открывал глаза и наконец уснул так хорошо, что проснулся на полчаса позже назначенного срока.

С Земли не беспокоили его. Ученые, управлявшие полетом, видели на экране телевизора спящего космонавта, слышали его ровное дыхание и радовались: человек может жить и работать в Космосе. Вот что доказывал своим беспримерным полетом Герман Титов.

Более семнадцати раз облетел вокруг Земли космический корабль. Полет мог бы продолжаться еще, но программа была выполнена, и Главный Конструктор спросил по радио:

— Готовы ли к посадке?

— Готов! — ответил космонавт.

Земля сообщила на борт корабля, что включает автоматические приборы, управляющие спуском. Титов почувствовал, как заработал тормозной двигатель. Он постепенно уменьшал скорость полета, и космический корабль, сойдя с орбиты, начал свой путь к Земле.

Очень хотелось проследить, как будет выглядеть переход от невесомости к земному состоянию. Справа от космонавта плавал в воздухе фотоэкспонометр. Герман Степанович видел, как маленький приборчик стал постепенно и легко опускаться, пока наконец не лег на свое место. Так же незаметно он ощутил, что прочно сидит в кресле, нормально подчиняет себе руки и ноги.

Космический корабль входил в плотные слои атмосферы. Его оболочка накалилась от трения докрасна. Воздух вокруг будто загорелся багровым пламенем. Было красиво и немного жутковато. Казалось, что в этом огне может расплавиться корабль. Но все было предусмотрено и рассчитано конструкторами. Температура в кабине оставалась нормальной — двадцать два градуса, дыша-

лось легко, и только наступившая, как и при взлете, перегрузка вжимала Титова в кресло. Постепенно эта сила слабела.

Все отчетливее вырисовывалась Земля. Вот и красавица Волга, большой, раскинувшийся вдоль ее берега город Саратов, а на другом берегу город поменьше — Энгельс...

...Герман Титов опускался на Землю в своем чудесном кресле. В выбранный им момент оно автоматически отделилось от корабля, и над головой космонавта раскрылся ярко-оранжевый парашют.

Раскачиваясь под куполом парашюта, Титов чувствовал себя превосходно. Тишина, воздух приятно холодит лицо, внизу, как золотистый ковер, расстилаются поля...

Земля! Космонавт мягко опустился на скошенное поле. Неподалеку, за железнодорожной насыпью, приземлился и корабль.

Титов посмотрел на часы... Полет продолжался 25 часов 18 минут. За это время пройдено семьсот тысяч километров — расстояние от Земли до Луны и обратно!

К «небесному гостю» мчались со всех сторон люди. Первыми прикатили на мотоцикле колхозные механизаторы, за ними еще народ... Герман Степанович еле вырвался из дружеских объятий и поспешил к своему кораблю. Там уже были его товарищи из специальной группы встречи.

Титов залез в кабину, выпил из бака «космической» воды и, прихватив бортжурнал, помчался на машине к ближайшему селу. Космонавт торопился к телефону. И вот он, счастливый, взволнованный, говорит с Москвой — с Никитой Сергеевичем Хрущевым, докладывает о выполнении заданий.

Ласково, как отец любимого сына, расспрашивает Никита Сергеевич о полете, шутит с Титовым, радуется вместе с ним...

...Красная площадь, как в дни самых больших торжеств, переполнена ликующим народом. На трибуне Мавзолея Никита Сергеевич крепко обнимает и трижды по-русскому обычаю целует Германа Титова — летчика-космонавта СССР, Героя Советского Союза. Могучее «ура» гремит, перекатывается над площадью, летит по волнам эфира вокруг земного шара, как бы повторяя беспримерный полет.

— Как не гордиться и как не радоваться нашему народу,— говорит Никита Сергеевич,— породившему таких героев, как Юрий Гагарин и Герман Титов — двух «небесных братьев»...

Они стоят на трибуне плечом к плечу, первые советские космонавты — «небесные братья» Юрий Гагарин и Герман Титов. С любовью, восхищением смотрят на них тысячи москвичей.

Много на Красной площади и ребят. Один мальчишка, твой единомышленник и сверстник, высоко поднял плакат: «Мы тоже хотим в Космос!».

Ну что ж, теперь ты знаешь, каким должен быть космонавт! Готовься!

Александр КОРЕНЕВ

ПОЛЕТ

С ребятами из ближней школы
Иду на Ленинские горы
И лыжи на плече несу.
Хрустит снежок под каблуками,
Как будто яблоко грызу.

Трамплин. Вон лыжников мельканье.
А вон взлетел, взмахнув руками,
Прыгун. Вот он уже внизу,
Присел и скатывается мигом,
И резкий росчерк — поворот...

За ним другой... Вот с ходу Игорь,
Пригнувшись, бросился вперед.
Прыжок! И, как на парашюте,
Летит над нами... А мы шутим:
«Ты прямо лыжник-космонавт».

А он действительно летает
На лыжах — летчику под стать.
А он действительно мечтает
(А кто ж об этом не мечтает?)
В дальнейшем космонавтом стать.

Идем домой... Шуршат машины...
И сквозь сиреневую мглу.
И сквозь парение снежинок
Шпиль с огоньками на вершинах,
Горят консоли МГУ,

У самых звезд... А перед взором —
Москва в огнях! Центральный город!
Какой необычайный вид.
И лыжники гадают: — Скоро ль
Наш Третий Космонавт взлетит?

Берет нас тема за живое.
Кто знает, когда час пробьет?
— А может быть, их сразу двое
Пойдет в космический полет?..

А там — и новые полеты!
Прекрасны будущие годы.
И мы решаем, глядя ввысь,
Что лыжный спорт здесь тоже важен:
Лишь тот, кто закален, отважен,
Стать сможет Космонавтом Икс.

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

Стась, мой приятель,—
Изобретатель.
Что ж изобрел он,
Стась, мой приятель?
Пирог из песка. Не годится в пищу,
Зато бесплатно. Бери хоть тыщу!
Часы из картошки. Лежат,
не тикая,
Зато потерять их—беда невеликая!
Лодку из камня. Мгновенно тонет.
Зато ни один ее вор не тронет!
Нож из фанеры. Не режет,
не строгает,
Зато безопасен: никто
не пострадает!
Радиолу из спичечного коробка.
Не играет, зато и невелика!
Лошадь из глины. Смирна,
покорна,
Везти не везет, но не просит
и корма!

Если, друзья,
Вы попросите Стасика,
Стасик исполнит
В течение часика
Любой ваш заказ
У себя на дому...
Как, не хотите?
Но почему?

Стихи Ежи ЕСИНОВСКОГО.
Рисунки В. Чижикова.

МОЖНО?

— Можно ли завтрак
Назвать нам ужином?
— Можно, да только
Зачем это нужно?

— Можно ли воду
В сите носить?
— А кому это надо,
Позвольте спросить?

— Можно ли сделать
Штаны из жести?
Сносу им не было
Лет бы двести!

— Можно ли в городе
И в деревне
Шубы и шапки
Надеть на деревья?

— Послушай, а можно
Минуток хоть пять
Глупых вопросов
Не задавать?

Перевел с польского А. Лосев.

„Я понимаю тебя, Эрни"

Флэксмор ХАДСОН,
австралийский писатель

Рисунки Н. Борисовой.

Во вторник утром Майкл Рэли упаковал свои книги в старый кожаный чемодан и отправился вниз по тропинке к красной дороге, что вела к его школе. Майкл был молод, худ и бледен, как студент во время экзаменов. Волосы у него были черные. Лоб прорезали ранние морщины, и лицо казалось озабоченным.

Миссис Стоун пронзительно закричала со ступенек сыроварни:

— Две мили! Доберетесь!.. Гордон принесет ваши вещи вместе с завтраком.— Она добавила еще что-то, но лай собак заглушил ее слова.

Травы блестели росой, в голубом небе плыли облака, словно яхты под парусами. Майкл глубоко вздохнул и пошел упругим шагом, внимательно глядя по сторонам, чтобы ничего не пропустить.

До чего интересно жить, когда тебе двадцать один год и ты наконец получил работу! Он подумал о двух годах, проведенных в университете в качестве освобожденного от платы студента, о двух годах унижений и забот, которые прожгли язву в его желудке. Прощай навек, спорт! Он поморщился, вспомнив предупреждение врача.

Коренастый человек с лицом цвета вареной ветчины прошел навстречу, ведя за собой несколько лошадей. Их холеный вид, блестящие бока и вылетающий из ноздрей пар напомнили Майклу сказки о драконах, которые он, может быть, скоро начнет рассказывать. Майкл улыбнулся.

— Доброе утро!

Фермер что-то пробурчал в ответ, едва повернув голову.

Воспоминание о собаках Стоуна, проявлявших к нему упорное недоброжелательство, промелькнуло в голове Майкла, и сердце у него екнуло: удастся ли ему наладить добрые отношения с местными жителями?

— Черт! Надеюсь, что я все же понравлюсь им...

То здесь, то там вдоль дороги росли невысокие эвкалипты, корявые и почти без листьев.

«Словно и они были безработными»,— усмехнулся Майкл. Он остановился под одним деревом и посмотрел на небо, любуясь пурпурным отблеском, окаймлявшим красноватые ветви. Легкий ветерок лениво пошелестел листьями. Удивляясь, почему эти мелочи производят на него такое сильное впечатление, Майкл продолжал путь. За поворотом дороги он увидел свою школу. Это был некрашеный сарай из гофрированного железа, стоявший на холме в нескольких метрах от дороги. До того как молодежь стала ездить на велосипедах на танцульки в город, этот сарай был клубом. Рядом со школой стояла приземистая каменная церковь. Ограда из колючей проволоки окружала мощенный булыжником школьный двор. Ворота были сделаны из рамы железной кровати.

Два маленьких мальчика проехали мимо Майкла на самокатах и робко помахали ему. С полдюжины ребят сгрудились в дверях школы. Они не ответили на приветствие и глазели на Майкла подозрительно, разинув рты.

— Не унывайте, я не съем вас живьем,— рассмеялся Майкл и взял на руки одного малыша.

— Тебя как зовут, Коротышкой?

Ребенок молча смотрел ему в глаза.

— Эрни, Эрни Толл! — закричали ребята и опять замолчали, словно испуганные собственными голосами.

— Вот записка от мамы,— прошептала одна девочка.— Это о том, что Эрни мочит штанишки.

— О!.. Спасибо! Ты сестра Эрни, да?

— Да. Салли.

— Ты сегодня впервые в школе, не правда ли, Эрни? И я тоже. Давайте посмотрим, что там внутри.

Он открыл дверь. Двенадцать залитых чернилами двойных парт, несколько черных досок, мольберт, шаткий стол и стул для учителя, библиотечный шкаф с разбитыми стеклами. На стенах—изображение капитана Кука (очевидно, только что открывшего Австралию, что, судя по выражению его лица, не доставило ему удовольствия) и портреты короля и королевы. Подоконники были заставлены консервными банками; из двух банок торчали увядшие ветки львиного зева. И на всем слой красной пыли.

— Кто поможет мне убрать класс?

Желающие нашлись. Один взялся подметать, другой — протирать парты и подоконники мокрой тряпкой, третий — мыть чернильницы...

Майкл включился в болтовню ребят, одновременно осматривая класс, разбирая вещи, сложенные в ящик учительского стола, вытаскивая из-под парт учебники, разглядывая классный журнал и списки учеников.

«Книга наказаний» заставила его рассмеяться, особенно одна страница. Там было написано:

Имя	Совершенный проступок	Число проступков	Замечание
Боб Стоун	Украл во время перемены пирожок у Джилл Рассел, лгал, топтал цветы.	2	Обладает крайне разрушительными инстинктами.

Не стертые надписи на верхней части черных классных досок рассказывали немало историй: так, на длинной доске, находившейся прямо перед столом учителя, было не менее шести изображений тучной великанши, потрясающей палкой; пара пронзенных стрелой сердец; рисунок животного, напоминающего лошадь; бесчисленное множество цифр и неграмотно написанных слов и то там, то сям целые фразы, которые свидетельствовали о смятении чувств во время экзаменов: «Как пишется — лимон? Или лемон?», «Промолвить — глагол?», «Не знаю», «У кого мяч?».

Гордон и Герти Стоун приехали в высокой повозке и отвели лошадь на задний двор.

— Подумать только: Гордон надел свои праздничные штаны! — воскликнул мальчик, стоявший у двери.

Гордон вошел в класс. Это был мальчик лет четырнадцати с зеленоватыми зубами и угрюмым выражением лица.

— Привез ваши вещи,— процедил он.

— Спасибо, Гордон. Принеси их, пожалуйста, сюда.

— Они тяжелые,— мрачно сказал Гордон.

— Ерунда! Сейчас же принеси их.

— Мать сказала, что вы сами их притащите.

Рэли сердито подошел к мальчику, решив проявить твердость характера в этом первом столкновении.

— В школе вы подчиняетесь мне... А теперь поторопись и сделай то, что я тебе сказал. Да поскорей.

Гордон спасовал перед громким голосом и решительными манерами учителя и принес чемодан и карты. Поблагодарив его, Майкл принялся развешивать яркие карты, диаграммы, картины. Больше всего ребятам понравилась картина «Утро».

— Ну и красота! — воскликнула Сесили, маленькая девочка в очках.

— Вот бы мне такую, собственную! — сказала другая.

Вдруг раздался резкий голос:

— Вы, очевидно, учитель?

Майкл обернулся. В дверях стоял сутулый человек лет сорока. Он добродушно улыбался.

— Да... Здравствуйте.

Мужчины пожали друг другу руки.

— Рад познакомиться с вами. Я Джим Рассел,— сказал вошедший, вытягивая из кармана изогнутую трубку с длинным чубуком.— Сынишка мой здесь учится, Кевин. Он опоздал немного: пришлось помогать матери коров доить. Так что вам лучше знать об этом. И вечером он тоже нужен по дому. А если он будет зевать на уроках, вы ему всыпьте по мягкому месту, не стесняйтесь. Но он неплохой парнишка.

Джим пососал трубку и продолжал доверительным шепотом, слышным за километр:

— Он не очень-то ладил с учительницами, особенно с мисс Бэйтс. Я всегда хотел, чтобы у них был учитель мужчина. Вы первый мужчина, которого прислали в нашу школу.

— Странно,— заметил Майкл.— Почему департамент посылал сюда только женщин?

— Родители не хотели сдавать квартиру мужчине.

Майкл проводил Джима до ворот, велев детям остаться в школе.

— Надеюсь, что ко мне будут хорошо относиться, раз уж я тут.

— Не беспокойтесь, все будет в порядке.

— Уже десять. Мне пора к ребятам.

— Всего хорошего. Идите к ним, пока они не разгромили школу.

— До свидания.

Настроение Майкла испортилось. Вернувшись в школу, он взял свисток и посвистел, чтобы привлечь внимание ребят, а затем стал задавать вопросы.

— В каком направлении дует ветер? Покажите, где юг, север, восток, запад. Какой сегодня день? Какие это тучи? Группа семь, какая сегодня температура воздуха? Кто сегодня причесывался, поднимите руки. Кто сегодня чистил зубы, поднимите руки.

Руки поднимались и опускались, словно семафоры; некоторые дети протягивали их почти к самому его лицу.

— Садитесь. Сиди спокойно, Гордон. А сейчас нам нужно найти место для Эрни и еще одно для... как тебя зовут, девчушка?.. Для Дженнифер.

Новички были водворены на свои места, каждому дали по грифельной доске и цветному мелку.

— А теперь я составлю список учеников и разделю вас на группы. Первоклассники, поднимите руки. Только Эрни и Дженнифер? Твоя фамилия, Дженнифер?

— Дженнифер Хардинг.

Он записал все фамилии.

Затем Майкл расписался в дневнике и дал ребятам задания читать, рисовать, раскрашивать картинки цветными карандашами, а сам принялся заполнять бланки, которые необходимо было сдать в канцелярию департамента. Дети как будто сидели тихо, но его что-то тревожило. Майкл мог бы поклясться, что слышал, как некоторые ребята почесывались. Странно! Мэйзи Редден углубилась в книжку сказок; большинство внимательно наблюдало за ним, потихоньку перешептываясь, а маленький Эрни, широко разинув рот, с вожделением смотрел на дверь.

Он их учитель! Что-то от него останется в их памяти на всю жизнь, побуждая их к проявлению нежности или жестокости, к смеху или слезам, к мужеству или страху. Он ощутил прилив огромной нежности и желание от всей души помочь им. Он постарается внушить им любовь к прекрасному и стремление приобрести знания. Если будет необходимо, он откажется от своего

плана получить в этом году ученую степень и возьмется за изучение того, что будет полезно им. Например, исправление речи.

Так как Эрни явно скучал, Майкл дал ему поиграть пластилином.

Затем он продолжал заполнять бланки. Его удивило, что он, оказывается, должен дать подробный отчет о школьном имуществе. Неужели департамент надеялся, что какой-нибудь одержимый благотворительными идеями фермер пристроит к школе комнату или две за время каникул?

Неожиданный визг и шум заставили его вздрогнуть. Старшие дети хихикали.

— Кто это там шумел сзади? Отвечайте!

Снова хихиканье, шорох, возня.

— Что за невероятный шум?

— Пожалуйста, не сердитесь, сэр, это кролики,— ответили несколько голосов.

— Какие кролики? Вытащите их. Откуда вы их взяли? Где вы их держите? Под партами?

Шум и возня послышались прямо под ногами учителя, и он снова вздрогнул.

— Ну и ну! Да они под полом! Неужели они живут здесь круглый год? — воскликнул Майкл в полной растерянности.

— Да нет! Папа выгонит их оттуда через несколько недель,— утешил его Кевин.— Они всегда возвращаются под пол во время каникул.

— Как же вы их выгоняете? Отравляющим газом?

— Нет, теперь этого не делают,— усмехнулся Гордон.— Когда в последний раз выгоняли кроликов газом, всю школу провоняли на несколько недель.

— «Провоняли»! Гордон, что за выражения? — заметил Майкл оскорбленным тоном.

— Да, сэр. Именно провоняли! И еще как!..

— А теперь напускают на них хорьков,— объяснил Рекс.

— Вот так-так! Кролики, хорьки!..— воскликнул Майкл.

— Это еще что, мисс... то есть, сэр...— Лицо Гордона осветила широкая улыбка.— А вот года два назад у нас в уб... в туалет заползла змея.

Ребята пересмеивались.

Майкл, сдерживая улыбку, снова усадил их за уроки, а сам вернулся к своим отчетам. Через некоторое время взволнованный шепот Салли заставил его обернуться.

— О боже, Эрни, не ешь пластилин! Подойди ко мне...

Он подвел малыша к двери и сказал:

— Выплюнь сейчас же или тебя будет тошнить.

— Ой, мисс... то есть, сэр... Кевин Рассел брызгается чернилами,— произнес у самого локтя учителя тоненький голосок.

— Гм. А как тебя зовут?

— Сарра Хардинг, мисс... сэр.

— Не волнуйся, Сарра. Сядь на место.

— Но мисс Бэйтс всегда била мальчиков за то, что они брызгались чернилами.

— Садись, девочка... Кевин, я поговорю с тобой на перемене... Продолжайте читать, дети.

Он еще некоторое время последил за ними. Они казались смирной компанией, пожалуй, слишком смирной, большинство производило впечатление запуганных, в особенности Кевин. Вспомнив о своих детских годах, Майкл подошел к парте Кевина, положил руку на плечо мальчугана и, наклонившись к нему, прошептал, улыбаясь:

— Оставь чернила в покое, старина: ты можешь испортить кому-нибудь одежду. Не будь подлецом.

Удивленный взгляд, сопровождаемый быстрой дружественной улыбкой, убедил его в том, что наказывать мальчика не будет надобности. Мысль о розге была отвратительна Майклу, но все же он решил, что прибегнет к ней в том случае, если его авторитету будет нанесен открытый ущерб, так как слышал о мягких, бесхарактерных учителях, которых терроризировали непокорные ученики. Одна молодая учительница была, например, уволена после того, как инспектор нашел большинство ее учеников на деревьях в школьном саду во время урока. Она объяснила инспектору, что как только начинался урок, который им не нравился, они убегали из класса и влезали на деревья, спускаясь с них только после того, как она давала им обещание рассказать что-нибудь интересное.

В этот момент из-под пола послышался особенно пронзительный визг, топот многочисленных лапок, шум потасовки и хриплые вопли.

— У них там драка, сэр: когда самцы дерутся, они топочут задними лапами.

Все прислушивались к драке, пока она не прекратилась.

Гордон шепотом побился с Кевином об заклад, что кролик с голосом опоссума окажется победителем.

Майкл, улыбаясь, усадил их опять за уроки.

Перед тем как отпустить детей на обеденный перерыв, он сказал, что хотел бы послушать их пение. Какие песни они знают?

— «Отправляйся к буйволам»! — закричала Сарра Хардинг.

— Да! «Отправляйся к буйволам»!—поддержало ее с полдюжины голосов.

— Нет! «Дай-ка, тресну себя по спине, чтоб встряхнуться»!

— Нет! «Дэйзи, Дэйзи»!

— Но кто же научил вас такой ерунде... таким песням?

— Мисс Бэйтс.

Майкл был ошеломлен.

— А вам знакома эта мелодия? — И он запел колыбельную Брамса.

— Нет.

— А эта? — Он пропел начало народной песни.

— Нет.

— А эта?

Нет, они не знали ни одной из любимых им песен. Потом кто-то из старших ребят вспомнил одну народную песню, которую их научила петь еще года два назад мисс Смит. Они долго вспоминали слова, а когда вспомнили, Майкл наиграл им начало на губной гармонике. Дети запели. Он пропел с ними несколько тактов, но как только он умолк, они растерялись и тоже замолчали. С трудом пропели первый куплет. У двух мальчиков — Билла Хардинга и Гордона — совсем отсутствовал слух, и они гудели, словно волынки, у других мелодия лишь отдаленно напоминала песню, но многие пели уверенно и чисто.

— Хорошо. А теперь спойте «Боже, храни короля».

Он вспомнил, что в официальном школьном предписании было требование, чтобы

государственный гимн Британии исполнялся во всех школах Австралии. Хотя бы раз в неделю, чтобы изгнать дух мятежа. Мисс Бэйтс очень рьяно выполняла это требование, желая показать свою преданность режиму, и каждый учебный день начинался с гимна. Дети орали его во всю мочь, старшие забегали на куплет вперед. И, как бы желая проявить патриотические чувства к стране своих предков, кролики в подполье вылезли из нор, чтобы невпопад, но зато ревностно присоединить свои пронзительные голоса к общему хору.

Майкл усмехнулся. В его воображении мелькнула забавная картинка: он представил себе, что кролики стоят под полом навытяжку, точно солдатики. Но улыбка тут же исчезла с его лица. Он подумал о том, сколько трудностей еще нужно будет преодолеть.

Вдруг в первых рядах произошло какое-то замешательство, ребята прервали пение, раздалось хихиканье.

— В чем дело, дети?

— О, пожалуйста, сэр, не сердитесь! — прозвучал громкий отчаянный вопль Салли.— Эрни наделал на пол, сэр!

— Вот незадача, Эрни. Ну, ладно, можете все идти. Нет, Салли, я сам уберу. А ты выведи Эрни во двор и погуляй с ним на солнышке.

Вытирая пол старой тряпкой, которой обычно стирали мел с доски, Майкл улыбнулся про себя, продолжая думать о пении ребят.

«Я понимаю тебя, Эрни. Я тебя ничуть не осуждаю».

Сокращенный перевод с английского Е. Штих.

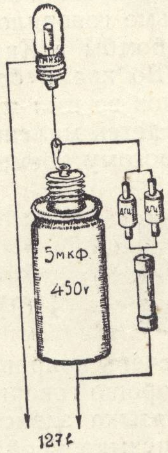
В этом году мы открываем на страницах журнала «Мастерскую «золотые руки» для тех ребят, которые любят мастерить. Присылайте в редакцию чертежи лучших своих самоделок, напишите, что бы вам хотелось сделать.

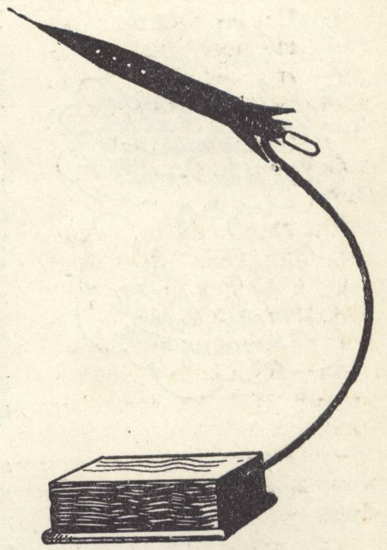
РАКЕТА

Сегодня мы займемся изготовлением ракеты с пульсирующей неоновой лампочкой. Остов ракеты (150—200 миллиметров в длину и 25—30 миллиметров в поперечнике) вы можете сделать из дерева, картона или бумаги.

В хвосте ее укрепите неоновую лампочку МН5 или МН3 с заранее припаянными проводничками. Проводнички выводятся по трубчатому держателю внутрь деревянного ящичка, в котором делается монтажная схема.

Чтобы создать пульсирующее свечение лампочки, соберите схему, которая показана на рисунке. Для этого вам нужен электрический конденсатор не более 5 МКФ, селеновый столбик или два полупроводника ДГУ и переменное сопротивление в 1 500 ом. Если не достанете переменное, можно заменить его постоянным.

Самое важное — правильно подобрать сопротивление, от этого зависит частота пульсации лампочки.

Схема работает устойчивее с селеновым столбиком и неоновой лампочкой МН3.

А. Абрамов

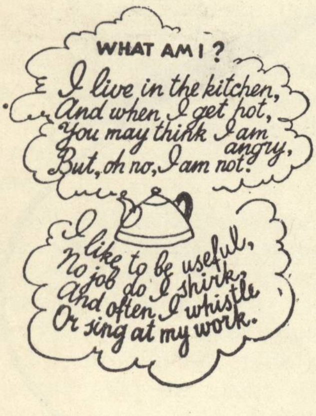
ПИСЬМО ЯПОНСКИХ РЕБЯТ

Р. ИЗМАЙЛОВА

Однажды Юрий Гагарин приехал в пионерский лагерь «Энергетик». Там его очень ждали и даже приготовили свой «ракетный корабль», который запустили в честь приезда космонавта. А потом, сидя на лавочках, задавали друг другу вопросы — сначала Гагарин детям, а затем и ребята Гагарину. Один мальчик неожиданно спросил:

— Юрий Алексеевич, а зачем будущим космонавтам учить в школе иностранный язык да еще литературу и историю? Ведь не понадобится?

— Ой, как еще понадобится! — ответил Гагарин.— Я только один пример приведу. Вот приглашали меня в гости в другие страны. Как хотелось поговорить там с людьми на их родном языке, познакомиться с их искусством, литературой! А без школы как вы все это узнаете? Учите все сейчас, когда память у вас хорошая, когда все легко запоминается.

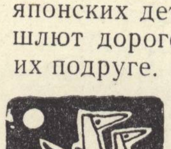
— Не знаю, легко ли,— вдруг сказала гостья пионеров, японская девочка Сато Иоки,— русский язык такой трудный! Но я уже немного научилась.

И ребята с удивлением услышали, как Сато Иоки говорит по-русски. Девочка передала герою космоса подарок от своих друзей— членов хиросимского кружка «Журавли» — куклу и тысячу бумажных журавликов. Она очень волновалась, читая по-русски, что написали японские дети Гагарину. У нее даже голос охрип и листок дрожал в руках. Гагарин тихо сказал ей:

— Не торопись!

И держал ее листок, чтоб его не сгибал ветер. Он сразу понял, что Сато Иоки сама перевела это письмо и беспокоится, все ли у нее правильно получилось.

В письме говорилось, что после взрыва американской атомной бомбы в Хиросиме среди пострадавших была одна девочка. Во время болезни она вырезала тысячу бумажных журавликов во имя мира на земле. Девочка эта погибла, и у японских детей маленький журавль стал символом мира. Они шлют дорогому космонавту тысячу журавликов в память об их подруге.

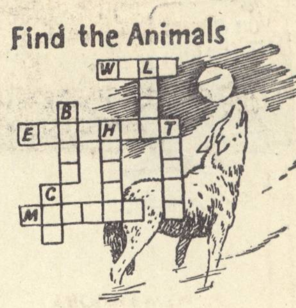
ИОКИ ЗНАЕТ ТЕПЕРЬ РУССКИЙ

Иоки очень понравилась пионерам. Никто не ожидал, что она так хорошо говорит по-русски. Оказалось, что от знания русского языка зависело будущее маленькой японки. Иоки учится в музыкальной школе при Московской консерватории, у известного скрипача Леонида Когана, который познакомился с девочкой в Японии во время своих гастролей. Иоки мечтала попасть в Москву и учиться в той самой школе, где прове-

ли свое детство столько известных советских музыкантов, и ее туда приняли. Она очень талантлива, делает большие успехи в музыке и легко объясняется и со своим учителем и с новыми подругами потому, что много читает по-русски.

Уже будучи взрослым, часто думаешь: «Жаль, что я не знаю ни одного иностранного языка. Как бы он мне сейчас пригодился!»

Недавно я познакомилась с Эльзой Ивановной Власовой, молодой учительницей физкультуры. Год назад ее пригласили в Гвинею. Она с удовольствием приняла это предложение. И вот Эльза Ивановна стала преподавать в женском лицее города Конакри. Ученицы подружились со своей учительницей, но как ей было сначала трудно! Ведь Эльза Ивановна почти совсем не знала французского. Положение не из легких. Как вести урок? Как отвечать на вопросы? А вопросов так много: ведь к Советскому Союзу огромный интерес повсюду! Разве много расскажешь жестами и мимикой? Ох, как не хватало слов Эльзе Ивановне и как она сожалела, что в школе на уроках французского порой старалась повеселее провести время! Если вы, ребята, будете смотреть фильм «Здравствуй, Гвинея!», вы увидите Эльзу Ивановну и ее учениц. После года занятий французским языком ей стало немного легче. Но насколько увереннней чувствовала бы она себя, если бы как следует подготовилась за многие школьные годы!

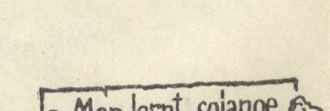
Советские ребята учатся в школе не только читать и писать, но и разговаривать на одном из иностранных языков: на французском, английском, немецком или испанском. Когда они вырастут и станут работать, знание иностранного языка поможет им читать книги по своей специальности и художественную литературу в подлиннике. Они смогут обмениваться опытом и знаниями с жителями зарубежных стран, лечить больных в Индии, Эфиопии, Бирме или учить детей в Гвинее, Мали и во многих других местах, как это приходится делать сейчас Эльзе Ивановне и многим нашим врачам и учителям.

В КЛУБЕ ТАКОЕ ПРАВИЛО

Люди разных континентов должны понимать друг друга и обмениваться своими культурными богатствами. Этому помогает знание языков.

Многие ребята стремятся активно изучать язык. В наших школах появились **интернациональные клубы.** Можно туда прийти, посмотреть, что там делается. Школьники покажут свои альбомы, рисунки, карты, письма друзей из-за рубежа. Только с самого порога клубной комнаты вам придется говорить на иностранном языке (где по-французски, где по-английски, по-немецки или по-испански — это уже зависит от школы). Таковы правила для членов клубов, и гостям не годится нарушать их.

Каждый клуб выглядит по-своему, у каждого свой устав, свои интересные дела. В клубе ленинградской школы № 134 ребята выбрали президента клуба, вице-президента, секретаря, библиотекаря (он должен хорошо разбираться в иностранных книжках), начальника почты (он раздает ребятам письма и пересылает ответы зарубежным друзьям).

На больших листах бумаги крупно написаны диалоги, разговоры на различные темы, чтобы ребята легче привыкали к живой речи. Здесь проводятся конкурсы на лучшего чтеца английской поэзии, на лучшего переводчика устной беседы и другие.

В стенгазете одной из московских школ проводился конкурс на лучшее стихотворение, написанное на английском языке. Некоторые отнеслись к конкурсу недоверчиво. Иные говорили: «Где нам! Это только Пушкину удавалось! Он свободно писал стихи на французском». И все-таки ребята попробовали. Вот, например, какое стихотворение сочинили Володя Василенко и Саша Морозов:

Twinkle, twinkle new bright star.
Now we know what you are.
You are Sputnik, pretty star,
You are from the USSR.
We can see you in the night
When you show your little light
You are shining very high
Like a diamond in the sky.

Правда, ведь, неплохо? Ведь это только первый шаг.

Вы, наверное, знаете, что гораздо легче научиться читать на иностранном языке, чем понимать его в беседе. Ухо труднее, медленнее привыкает к чужой речи, чем глаз. Мне рассказали, как школьники из города Красноуфимска приучаются понимать разговорную речь. Несколько раз в неделю они передают на английском языке школьные радиоизвестия. Эти передачи готовят сами ученики.

Такие же радиопередачи появились теперь в одной харьковской школе-интернате. Время от времени там бывают «английские дни», когда прямо с утренней зарядки до того часа, когда ребята укладываются спать, они говорят только по-английски.

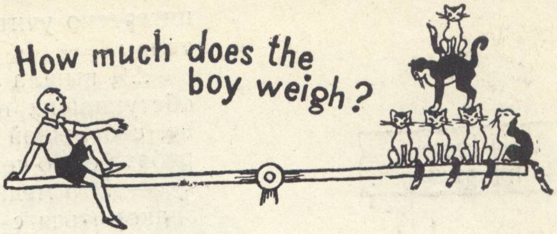
ЗДЕСЬ МНОГО ДРУЗЕЙ ИЗ ШОТЛАНДИИ

Мне довелось посмотреть в Москве, на Бауманской улице, и кукольный театр на английском языке. Шла маленькая пьеса «Homevork» («Домашнее задание»). Было это в «Клубе друзей Шотландии» в школе № 353. Этот клуб со стажем. Возник он в январе 1960 года, и с тех пор веселые клубные вечера, концерты очень полюбились всем ученикам. В большой синей тетради, которая называется «Летопись нашего клуба», записано множество интересных дел, которые здесь проводятся. Чтобы стать членом этого клуба, надо уметь декламировать по-английски несколько стихотворений Ро-

В один из клубных вечеров к своим юным друзьям в 353-ю школу приехали гости из Шотландии.

берта Бернса, знать других шотландских писателей, уметь немножко разговаривать по-английски и знать не меньше трех-четырех английских пословиц и, конечно, интересоваться историей Шотландии.

Ребята хотят побольше узнать об этой красивой стране. Они готовят к заседаниям клуба короткие выступления об истории Шотландии, ее культуре и искусстве. В клубе есть свой хор, который исполняет шотландские песни, а члены танцевальной группы учатся шотландским танцам; есть свой кукольный театр и «Секция общественного мнения». Время от времени членам клуба раздают листки с вопросами. Вот один из них с ответами пионерки-семиклассницы Жени Пимбор:

— Что ты думаешь о работе клуба, нравится ли она тебе?

— Мне в клубе очень нравится. Я много узнала о Шотландии.

— Какие недостатки ты заметила?

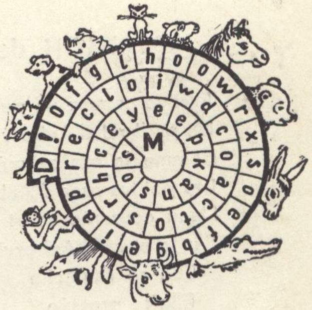
— По-моему, не хватает хора мальчиков.

— Как ты участвуешь в работе клуба?

— Я научилась петь английские песни и уже немножко разговариваю по-английски.

— Что ты собираешься делать в клубе еще?

— Буду переписываться с шотландскими школьниками.

Совет клуба прислушивается к пожеланиям ребят. В клубе уже организован хор мальчиков.

У клуба много друзей. Ребята переписываются с учениками Думфрисской академии, со школьниками из колледжа Стирлинг-Хай. Английские школьники занимаются в своих классах русским языком и пишут по-русски, ну, а москвичи отвечают юным шотландцам обязательно по-английски.

На Бауманскую улицу часто приходят вести из Эдинбурга, Глазго, Лондона. Забавно, что английские мальчики, узнав, что у нас людей называют по имени-отчеству, стали и к своему имени добавлять отчество. Так, Рональд Монро из Эдинбурга называет себя Рональдом Чарльзовичем, а школьник Маклойд именует себя Норманом Фомичем.

У 353-й школы есть много корреспондентов из Якутии, Омска, Баку, Оренбурга. Это все члены школьных интернациональных клубов.

Член «Клуба друзей Шотландии» Фаина Лурье рассказала мне, что ее очень заинтересовали воспоминания Надежды Константиновны Крупской. На одном из клубных вечеров она прочитала своим товарищам о том, как много внимания уделял Владимир Ильич познанию иностранных языков. При всей своей занятости он считал это наиважнейшим делом. Ленин хорошо владел немецким, французским, английским. Он читал по-итальянски и по по-польски, понимал чешский и шведский. Ильич любил просто «для отдыха» часами читать какой-нибудь словарь иностранных слов.

— А как теперь твои дела, Фаина? — спросила я ее.

— О, с тех пор, как я в клубе, куда лучше! — ответила девочка.— Нам всем стало

интересно учиться. Живые дела клуба помогли и нашим учителям.

...Я вышла из клубной комнаты и встретила группу ребят, обступивших высокого парня в клетчатой шотландской юбке, с большой волынкой на плече. Парень весело улыбался, ребята его о чем-то расспрашивали.

Wohl begonnen
ist halb gewonnen.

— Это медик, студент из Эдинбурга. Он турист, зашел познакомиться с москвичами — друзьями Шотландии,— сказал мне мальчик лет тринадцати.— Обещает поиграть на волынке шотландские танцы. А мы их запишем. У нас будет шотландская музыка. Замечательно, а?

— And you, do you speak Englich? — спросила я его неожиданно.

— O, yes, a little,— храбро ответил парень, с некоторой опаской ожидая, не стану ли продолжать разговор.

Morgenstunde
hat Gold im Munde.

И все же думается мне, что не только здесь, на Бауманской улице, но и во многих школах нашей страны энергичные внучата Владимира Ильича будут все чаще отвечать на такой вопрос: «O, yes! Bien sure! Naturlich!».

J. PREVERT

CHANSON de l'EAU

Furtive comme un petit rat
Un petit rat d'Aubervilliers
Comme la misère qui court les rues
Les petites rues d'Aubervilliers
L'eau courante court sur le pavé
Sur le pavé d'Aubervilliers
Elle se dépêche
Elle se pressée
On dirait qu'elle veut échapper
Échapper à Aubervilliers
Pour s'en aller dans la campagne
Dans les prés et dans les forêts
Et raconter à ses compagnes
Les rivières les bois et les prés
Les simples rêves des ouvriers
Les ouvriers d'Aubervilliers.

Жак ПРЕВЕР

ПЕСЕНКА РУЧЬЯ

Пугливо, тайком,
Словно мышь,
Тощая мышь Обервиля,
С нищетою ты вместе бежишь
В переулках кривых Обервиля,
Меж замшелых камней ты шуршишь,
Меж камней мостовой Обервиля...
Слышь?..
Журчишь...
Струишь...
Спешишь...
Норовишь улизнуть, проскользнуть,
Гарь, и копоть, и дым
Миновать Обервиля,
Расструить, разболтать, разбурлить
Рощам, речкам лесным,
Словно хлеб и вода, простые сны,
Сны Обервиля.

Перевела с французского
Лена Гулыга,
292-я школа, Москва.

Вот посмотрите, как хорошо перевела французское стихотворение восьмиклассница Лена Гулыга. Конечно, это под силу только тому, кто хорошо знает язык, ведь мало понять смысл стихотворения, тут нужно ощущать все оттенки каждого слова.

Тем, кто делает первые шаги в изучении языков, редакция дает такое задание. Здесь на полях напечатаны английские задачи, загадки, ребусы. Разгадайте их. Прочитайте, переведите немецкие поговорки и подберите соответствующие им русские.

Ждем ваших писем.

Виктор ДРАГУНСКИЙ

Рисунки Е. Медведева.

ЗЕЛЕНЧАТЫЕ ЛЕОПАРДЫ

Мы сидели с Мишкой и Аленкой на песке около домоуправления и строили площадку для запуска космического корабля. Мы уже вырыли яму и выложили ее кирпичом и стеклышками, а в центре оставили пустое место: чтобы здесь потом поставить самую ракету. Я принес ведро и положил в него аппаратуру.

Мишка сказал:

— Надо вырыть боковой ход — под ракету, чтоб, когда она будет взлетать, газ бы вышел по этому ходу.

И мы стали опять рыть и копать и довольно быстро устали, потому что там было много камней.

Аленка сказала:

— Я устала! Перекур!

А Мишка сказал:

— Правильно.

И мы сели отдыхать.

В это время из второго парадного вышел Костик. Он был такой худой, прямо невозможно узнать. И бледный, нисколечко не загорел. Он подошел к нам и говорит:

— Здорово, ребята!

Мы все сказали:

— Здорово, Костик!

Он тихонько сел рядом с нами.

Я сказал:

— Ты что, Костик, такой худющий? Вылитый кощей...

Он сказал:

— Да это у меня корь была.

Аленка подняла голову.

— А теперь ты выздоровел?

— Да, — сказал Костик, — я теперь совершенно выздоровел.

Мишка отодвинулся от Костика и сказал:

— Заразный, небось?

А Костик улыбнулся:

— Нет, что ты, не бойся. Я незаразный. Вчера доктор сказал, что я уже могу общаться с детским коллективом.

Мишка придвинулся обратно, а я спросил:

— А когда болел, больно было?

— Нет, — ответил Костик, — не больно. Скучно очень. А так ничего. Мне картинки переводные дарили, я их все время переводил, надоело до смерти.

Аленка сказала:

— Да, болеть хорошо! Когда болеешь, всегда что-нибудь дарят.

Мишка сказал:

— Так ведь и когда здоровый, тоже дарят. В день рождения или когда елка.

Я сказал:

— Еще дарят, когда в другой класс переходишь с пятерками.

Мишка сказал:

— Мне не дарят. Одни тройки! А вот когда корь, все равно ничего особенного не дарят, потому что потом все игрушки надо сжигать. Плохая болезнь — корь, никуда не годится.

Костик спросил:

— А разве бывают хорошие болезни?

— Ого, — сказал я, — сколько хочешь! Ветрянка, например. Очень хорошая, интересная болезнь. Я когда болел, мне все тело, каждую болявку отдельно зеленкой мазали. Я был похож на леопарда. Что, плохо разве?

— Конечно, хорошо, — сказал Костик.

Аленка посмотрела на меня и сказала:

— Когда лишаи, тоже мажут зеленкой. Лишаи тоже очень красивая болезнь.

Но Мишка только засмеялся.

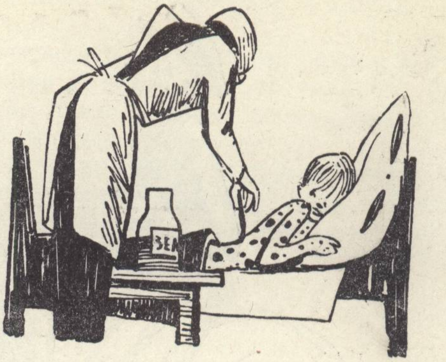
— Сказала тоже, «красивая»! Намажут два-три пятнышка — вот и вся красота. Нет, лишаи — это мелочь. Я лучше всего люблю грипп. Когда грипп, чаю дают с малиновым вареньем. Ешь сколько хочешь, просто не верится! Один раз я, больной, целую банку съел. Мама даже удивилась. «Смотрите, — говорит, — у мальчика грипп, температура тридцать восемь, а такой аппетит!» А бабушка сказала: «Грипп разный бывает. Это у него такая новая форма. Дайте ему еще, это у него организм требует». И мне дали еще, но я больше не смог есть. Такая жалость!.. Это грипп, наверно, на меня так плохо действовал.

Тут Мишка подперся кулаком и задумался, а я сказал:

— Грипп, конечно, хорошая болезнь, но с гландами не сравнить, куда там!

— А что? — сказал Костик.

— А то, — сказал я, — что, когда гланды вырезают, мороженого дают потом, для заморозки. Это почище твоего варенья!

Аленка сказала:

— А гланды отчего заводятся?

Я сказал:

— От насморка. Они в носу вырастают, как грибы, потому что сырость.

Мишка вздохнул и сказал:

— Насморк — болезнь ерундовая. Каплют чего-то в нос, еще хуже течет.

Я сказал:

— Зато керосин можно пить. Не слышно запаха.

— А зачем пить керосин?

Я сказал:

— Ну, не пить, так в рот набирать. Вот наберешь полный рот керосину, а потом палку зажженную возьмешь в руки и керосином изо рта на нее как брызнешь! Получается очень красивый огненный фонтан. Я в цирке видел и не понимал, как этот фонтан делается, а мне Гришка объяснил. Он все знает про цирк.

— В цирке лягушек глотают, — сказала Аленка.

— Ага, — сказал Костик, — и крыс тоже едят. Для смеху!

— И крокодилов тоже, — добавил Мишка.

Я прямо покатился от хохота. Надо же такое выдумать! Ведь всем известно, что крокодил сделан из панциря, как же его есть?

Я сказал:

— Ты, Мишка, видно, с ума сошел! Как ты будешь есть крокодила, когда он жесткий? Его нипочем нельзя прожевать!

— Вареного-то? — сказал Мишка.

— Так тебе и станет крокодил вариться! — закричал я на Мишку.

— Он же зубастый, — сказала Аленка, и видно было, что она уже испугалась.

А Костик подбавил:

— Он сам их ест, что ни день, укротителей этих.

Аленка сказала:

— Ну да?! — И глаза у нее стали, как белые пуговицы.

Костик только сплюнул в сторону.

Аленка скривила губы.

— Говорили про хорошее, про гриба и про лишаев, а теперь про крокодилов. Я их боюсь...

Мишка сказал:

— Про болезни уже все переговорили. Кашель, например. Что в нем толку? Разве вот что в школу не ходить...

— И то хлеб, — сказал Костик, — а вообще вы правильно говорили: когда болеешь, все тебя больше любят. Не сравнить...

— Ласкают, — сказал Мишка, — гладют... Я заметил: когда болеешь, все можно выпросить: игру какую хочешь, или ружье, или паяльник.

Я сказал:

— Конечно, нужно только, чтобы болезнь была пострашнее. Вот если ногу сломаешь или шею, тогда чего хочешь купят.

Аленка сказала:

— И велосипед?!

А Костик хмыкнул:

— А зачем велосипед, если нога сломана?

Я сказал:

— Так ведь она прирастет!

Костик сказал:

— Верно?

Я сказал:

— А куда же она денется! Да, Мишка?

Мишка кивнул головой, и тут Аленка натянула платье на колени и спросила:

— А почему это, — спросила она, — если вот, например, пожжешься, или шишку набьешь, или там синяк, то, наоборот, бывает, что тебе еще и наподдадут? Почему это так бывает?

Я сказал:

— Несправедливость! — и стукнул ногой по ведру, где у нас лежала аппаратура.

Костик спросил:

— А это что такое вы здесь затеяли?

Я сказал:

— Площадка для запуска космического корабля!

Костик прямо закричал:

— Так что же вы молчите, черти полосатые! Прекратите разговоры! Давайте скорей строить!!!

И мы прекратили разговоры и стали строить.

Ребята!

Давайте знакомиться! Я Чубчик. Я очень веселый парень. Меня выдумал художник В. Чижиков, и теперь мы будем встречаться с вами в каждом номере.

Вот что было со мною сегодня утром.

Секретно несекретно

Ребята! Я хочу познакомиться с теми, кто только в этом году подписался на журнал «Пионер». Я вожатый, зовут меня Сима Соловьев. Многие ребята пишут мне письма, рассказывают о своей жизни, задают вопросы, как им поступить в том или ином случае. Иногда случаи бывают такие, что не хотелось бы, чтобы все про них знали. Тогда ребята пишут на конверте: «Совершенно секретно».

Вожатый Сима Соловьев

Вот так выборы!

Здравствуй, Сима!

Ответь, пожалуйста, на вопрос, волнующий не только меня, но и всех ребят нашего отряда: может ли классный руководитель назначать председателя совета отряда или звеньевых?

Юра

Одесса.

Ты хитрый человек, Юрий: задаешь вопрос, на который сам знаешь, как ответить. Конечно, учитель не может назначать ни председателя, ни звеньевых, ни даже редактора стенгазеты! Председателя выбирают сами пионеры на сборе отряда, а звеньевого — на сборе звена. Взрослые могут посоветовать, кого выбирать, высказать свое мнение. Но каждый сам решает, за кого ему голосовать. Да ты это и без меня знаешь. Тебя, наверно, волнует другое. Наверно, у вас был такой случай, что председателя назначил учитель. И ты не знаешь, что делать.

Надо пойти в совет дружины и попросить, чтобы в отряде устроили настоящие выборы.

Обсуждение или унижение?

Однажды на совет дружины был вызван один пионер из отряда 7-го класса. Его прорабатывали за то, что он плохо учится, водится с плохими ребятами. А ведь у него тоже есть чувство собственного достоинства. Даже не знаю, как выразиться, но он только зол на всю эту проработку. Она, мне думается, только пугает его, не больше.

С пламенным пионерским приветом

Светлана Гриценко

Московская область,
станция Белые Столбы.

Я очень рад твоему письму, Светлана. И меня всегда злит, когда я вижу, как «прорабатывают» человека. Вызовут на совет и давай жилы тянуть! «Почему плохо учишься, да почему прогуливаешь, да обещай, что больше не будешь...» Только унижают человека, и все! По-моему, если в совете заседают такие правильные люди, что они могут читать нотации другому, так пусть возьмут и поговорят с ним по душам, как товарищи, а не как судьи какие-нибудь! А еще лучше делом помочь человеку: заинтересовать его работой, дать ему поручение, втянуть в жизнь отряда. От этого, по-моему, будет больше пользы, чем от тысячи самых длинных «проработок».

Дорогие мои Тарзаны!

Дорогая редакция «Пионера»!

Я учусь в 6-м классе 18-й школы. Мальчики и девочки у нас дружные. Один из них, Александров Степка, придумал какого-то Тарзана. Он говорит, что быть Тарзаном очень хорошо. Я никогда не слышала о Тарзане, поэтому ничего не сказала. Дома я спросила у мамы, кто такой Тарзан. Мама мне сказала, что был такой фильм. В этом фильме мальчика украла обезьяна, и он начал жить в лесу. Он был очень дикий. Когда я рассказала об этом девочкам, а они мальчикам, то все у нас в классе стали дикими зверями. И никто не слушается. А я староста, и поэтому меня всегда ругают на собраниях старост. Напишите мне, пожалуйста, нужно ли подражать Тарзану? Я думаю, что нет, но меня никто не слушает.

До свидания.

Галя Мичман

Усть-Каменогорск.

Я даже не знаю, как начать свой ответ. «Дорогие ребята»? Но какие же это ребята, если они, как дикие звери? Может, написать так: «Дорогие Тарзаны»?

Вот что я хочу сказать вам, ребята из Галиного класса. Действительно, несколько лет назад шел у нас заграничный фильм про Тарзана. Галина мама рассказала про этот фильм правильно. Могу добавить, что в то время некоторые ребята подражали не только Тарзану, но и обезьяне Чите. У меня в отряде был такой мальчишка, его иначе и не звали, как Читой. Весь отряд строится (дело было в лагере), а он вскочит на стол и давай хлопать руками по бокам и дико вопить. Что ж тут хорошего? Все над ним только смеялись, и ему скоро надоело быть, как обезьяна... Конечно, каждому хочется стать сильным, ловким, смелым. Только это вовсе не значит, что надо быть как зверь. Смелости, ловкости, силе люди учатся не за партами и не в школьных коридорах, а в физкультурном зале, на стадионе, в походе, в играх, в соревнованиях. Вот тут и покажите, на что вы способны! А если вы в отношениях с товарищами будете, как дикари, то все скоро отвернутся от вас и ничего, кроме неприятностей, не выйдет.

Так что советую, ребята, быстрее возвращаться к нормальному образу жизни и не подводить вашего старосту!

С пионерским приветом

Сима Соловьев

Напишите мне, пожалуйста, какое вы приняли решение.

ЖУРАВЛЬ

Андрей МАЛЫШКО

Журавушка-журавель
Из неведомых земель
Жить явился в наш район.
На лугу ночует он.

Воду пьет — не просит кружку,
Ходит медленно, как дед.
Ест на завтрак он лягушку,
Ест другую на обед.

Где же двор его и хата,
Может быть, сожгла война?..
Где ребята-журавлята,
Журавлиха где, жена?

То ли он забыл дорогу,
То ли так невесел вид...
На одну он станет ногу,
Долго на воду глядит.

**Перевел с украинского
Марк ШЕХТЕР.**

Ч Н Ч
Что нам читать?

О самом человечном человеке

«Приехав в Женеву, я сразу пошла к «Ильичам» — на квартиру, где Владимир Ильич жил вместе с Надеждой Константиновной и ее матерью Елизаветой Васильевной.

Когда я пришла, то застала только Владимира Ильича. Он сразу повел меня в общую комнату, которая была одновременно кухней и столовой, и засыпал вопросами о том, что творится в Питере, в России, в Петербургском и Центральном комитетах. Потом вдруг вскочил и говорит: «Подождите!» Я подумала, что поступила в чем-то неправильно. А Владимир Ильич подошел к буфету, вынул оттуда чайник, налил в него воду, зажег газовую плиту, накрыл стол и приготовил все к чаю и уже после этого продолжал беседу со мной».

Так начинает свой рассказ о встречах с Лениным старейший наш коммунист Елена Дмитриевна Стасова. Все просто и бесхитростно в этом рассказе, но сразу представляешь себе Ленина, живущего в очень скромной обстановке — он так прожил всю свою жизнь. Даже когда стал главой правительства огромной страны, он жил очень скромно. Представляешь себе замечательного, удивительного, человечного, доброго человека, который умеет сразу заботиться и о делах революции, и о своих близких, и о приехавшем товарище...

Изданы четыре новых книги об Ильиче. Это воспоминания о нем его верной спутницы **Надежды Константиновны Крупской «Наш самый лучший друг»**, книга **Е. Д. Стасовой «Таким был Владимир Ильич Ленин»**, сборник рассказов **Евгения Мара «Часовые Кремля»** и книга **«Наш Ленин»**, созданная писателем **Борисом Полевым** и художником **Николаем Жуковым**. Художник сделал серию рисунков, и эти рисунки — тоже самостоятельное повествование о Владимире Ильиче, о разных минутах его большой жизни.

В книгах многое рассказано о Ленине. Как он рос, и учился, и начал революционную борьбу. Как был в ссылке, в эмиграции. Как создавал великую партию, руководил Октябрьским вооруженным восстанием и строил новое, социалистическое государство.

Но главное, о чем говорится в книгах,— это **каким он, Ленин, был человеком.** Ведь иначе невозможно понять, почему свою большую жизнь он прожил именно так, как он ее прожил.

Ленин прежде всего был замечательным человеком, кристально честным и удиви-

Здесь вы видите рисунки Н. Жукова из книги «Наш Ленин»: на этой странице «Разговор по душам», на следующей — «Ленин в библиотеке. 1916 год».

тельно скромным. Он был нежным сыном и братом, верным и заботливым другом. Он ненавидел ложь и несправедливость, подлость и трусость. И, главное, он очень любил людей, всех трудящихся людей. Не на словах, а по-настоящему. Вся жизнь Ильича была проникнута великой заботой о людях — о родных и чужих, о знакомых и незнакомых, заботой о том, чтобы каждый угнетенный на земле стал свободным и счастливым, чтобы не было в мире горя и несправедливости. Потому-то он и стал первым коммунистом страны.

Эта всеобщая любовь к людям дала Ленину силы для титанического подвига, каким была его жизнь.

Я не буду пересказывать книги. Прочитайте их сами. В этих книгах — правда о буднях человека, имя которого дорого и нам и нашим братьям — трудящимся людям всей планеты.

Борис Володин

Советую прочитать!

Советую всем ребятам прочитать книгу **Мошковского «Три белоснежных оленя».** Правдиво написано. Так мог написать человек, который был в тундре, среди ненцев, и все видел сам. Это рассказы о сильных людях, о дружбе ребят, о том, как важно, когда человек веселый и всем остальным с ним хорошо.

Валера Матвеев, 6-й класс

Ой, какая хорошая книга **«Друг мой, Колька!»**! Очень хороший Колька, немного озорной, но правдивый. Ему хочется чего-то хорошего; он организовал ТОТР, чтобы помочь старикам. Он с товарищами ненавидел подлиз и выскочек.

Ну, а пионервожатая, я даже не знаю, какая она ужасная! С ней была скука.

Еще мне понравилась Маша. Ей хотелось, чтобы у Кольки все было хорошо, она готова была во всем ему помочь. И еще я думаю, писатели пишут про дружбу мальчиков и девочек, а вот попробуйте дружите, когда сразу начнут говорить «жених и невеста». Наверное, при коммунизме люди будут сознательнее и не станут так рассуждать.

Таня Зелинер, 5-й класс

«Три толстяка» Юрия Олеши — очень хорошая книга. Мне там понравилось, как гимнаст Тибул никаких пистолетов не побоялся, когда в него стреляли, а прошел спокойно под огромным куполом над площадью. И трех толстяков прогнали! Она и веселая, и смешная, и немного грустная.

Галя Лебедева, 5-й класс

А КАКИЕ ВАШИ ЛЮБИМЫЕ КНИГИ? ЧЕМ ОНИ ВАМ НРАВЯТСЯ? ЧТО БЫ ВЫ ПОСОВЕТОВАЛИ ПРОЧИТАТЬ ДРУГИМ?

ПИСАТЕЛИ РАССКАЗЫВАЮТ

НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ Н. ЛОМОВ ПОБЫВАЛ У ПИСАТЕЛЕЙ КОРНЕЯ ЧУКОВСКОГО И ЖАНА ГРИВЫ, И ОНИ РАССКАЗАЛИ...

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ:

— Я привык писать для маленьких детей. И «Мойдодыр», и «Айболит», и «Муха-цокотуха» написаны мною для октябрят. *Но книжку «Серебряный герб» я написал для* пионеров. *В сущности, книга не совсем новая: написана четверть века назад, но теперь я сильно переделал ее. В книге я изобразил свою жизнь; в ней нет ни единого слова выдумки.*

Конечно, мне хотелось бы, чтобы она полюбилась моим новым читателям, но я повторяю вслед за своим любимым Некрасовым:

Буду рад, коли понравится,
Не понравится — смолчу.

ЖАН ГРИВА:

— Испанские рассказы, которые вы знаете, родились не за столом. Два года я воевал в составе Интернациональной бригады в Испании. Первый рассказ на испанскую тему, «Максильо», я писал на позиции около Пособланко, у 152-миллиметрового орудия, в промежутках между артиллерийской перестрелкой.

Недавно я снова вернулся к воспоминаниям о тех днях. В Испании, в Андалузии, у меня была черепаха. Мы жили на берегу реки,— там у нас стояла батарея. Черепаха приползла к нам и жила на батарее. Однажды, когда фашисты бомбили нашу батарею, близко упала бомба. Я остался жив, а ее убило. И тогда-то я задумал: если останусь жив, напишу о ней. И вот теперь я написал «Сказку о маленькой черепахе».

Я очень много ездил, плавал как моряк... Дважды бывал в Италии: в 1941 году, когда там был еще фашизм, и после войны. Недавно я закончил рассказ о забастовке на серном руднике. Рабочие забастовали и оставались под землей до тех пор, пока не удовлетворили их требований. Дети носили им воду, еду...

Вместе с рыбаками я бывал в Северной Атлантике. Они плавают на маленьком суденышке и в бури и в шторм. Не видят берегов по четыре месяца. Это очень мужественная, героическая работа. Там, на ловле сельди, работает главным образом молодежь. И капитан у них молодой, Бруно Кондрус, Герой Социалистического Труда. Он мальчиком начал плавать. И за двадцать лет прошел путь от юнги до капитана. Вот на днях я снова пойду с рыбаками в море. А потом хочу отправиться с капитаном Бруно Кондрусом в Африку...

О чем будут мои новые рассказы?.. Очевидно, о том, что я видел и пережил,— об Испании, о заграничных плаваниях, о жизни рыбаков.

КАКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ТЫ ХОТЕЛ БЫ СПРОСИТЬ ОБ ИХ НОВЫХ КНИГАХ! НАПИШИ НАМ, И МЫ ПОШЛЕМ К НИМ СВОЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА.

ГОРНОЛЫЖНИКИ

В. ЧЕРЕДОВА,
заслуженный мастер спорта

Однажды во время зимних каникул я со своими учениками отправилась в трехдневный лыжный поход.

Уже догорели последние лучи холодного зимнего солнца, когда наш небольшой отряд подошел к деревне, где мы собирались ночевать. Мы стояли на вершине невысокого холма, круто спускающегося к реке. По склону холма рос мелкий кустарник. Редкие деревья да черные пни торчали из глубокого снега.

Нам предстояло спуститься вниз и перейти реку. Деревня была на другом берегу.

Внизу, на реке, остановилась группа сельских мальчишек на лыжах. Они, видимо, обсуждали наше «бедственное» положение, а потом стали кричать нам, чтобы мы вернулись назад и пошли в обход, по пологому склону.

Усмехнувшись про себя, я дала команду своим ребятам. Они оттолкнулись палками и, лавируя на лыжах между кустами и огибая деревья и пни, в несколько секунд спустились к изумленным советчикам.

Вечером в школу, где мы расположились на ночлег, пришли сельские ребята, и мы рассказали им о слаломистах и о том, какой замечательный горнолыжный спорт.

А утром мы стали учить сельских девочек и мальчиков спускаться с гор и делать повороты на лыжах.

Не думайте, что горнолыжником можно стать только где-нибудь на Памире, Алтае, Кавказе. Научиться вихрем спускаться с гор и делать повороты на лыжах можно и на небольших холмах, на склонах оврагов и высоких берегов рек. Нужно только настойчиво и упорно раза два-три в неделю становиться на лыжи и осваивать горнолыжную технику.

Я хочу дать несколько советов, которые помогут вам в этом.

На фотографиях вы видите моих учеников. Они учились слалому на склонах небольших холмов и оврагов. Видите, как умело делает поворот «плугом» Люба Комиссарова.

ПОДГОТОВКА К ЗАНЯТИЯМ

Заниматься можно на простых лыжах, с обыкновенными полужесткими креплениями, в лыжных ботинках, а если их нет, то в валенках. Только обязательно закрепить обувь на лыже **всей подошвой.** С обоих боков грузовой площадки лыжи у конца каблука привернитe два небольшие кольца (какие ввертывают на дверях для замка). Приготовьте два длинных ремня для крепления.

Первые занятия проводите на пологих склонах, где нет деревьев и пней. Уберите со склона камни и валежник, заровняйте и присыпьте снегом глубокие ямы. Пока вы не научитесь управлять своими лыжами, все препятствия будут вам только мешать.

Теперь вы готовы к занятиям, и ваши успехи зависят только от вас самих.

ЗАНЯТИЕ ПЕРВОЕ

Основная стойка

Встаньте на вершине склона и сделайте два-три приседания. Проверьте, крепко ли закреплены ботинки на лыже, не отрывается ли от грузовой площадки каблук. Подайте сомкнутые колени сильно вперед. Оттолкнитесь палками и спускайтесь вниз. Лыжи ведите узко, одна лыжа на полступни впереди, колени сомкнуты и согнуты настолько, чтобы не видеть своих ботинок. Не беда, если в первых спусках лыжи будут немного расходиться. Если вы всегда будете стараться держать их близко, вы этому научитесь. Повторите это упражнение пять-шесть раз. Во время следующих пяти спусков три раза низко пружинисто присядьте, а потом выпрямитесь.

Поставьте на склоне низкие ворота из двух веток длиной до 1,5 метра. Проезжая ворота, низко приседайте и сразу же выпрямляйтесь. Это упражнение надо повторить несколько раз.

Теперь можно приступать к косым [спу]скам, они понадобятся вам при поворотах на п[ара]ллельных лыжах.

При косом спуске лыжи держите узк[о], верхнюю (по склону) лыжу на полступни выдвиньт[е] вперед, колени сомкните и выдвиньте вперед, плечи немного разверните, слегка наклонитесь вперед, руки полусогните. Вес тела — на нижней лыже. Выполните в этой стойке три-четыре спуска вправо и столько же влево.

Каждый урок заканчивайте спокойной, медленной прогулкой по лесу или по реке. Не забудьте только отвязать ремни: при ходьбе по ровной местности каблуки ботинок должны быть свободны.

Несколько слов о подъемах. На пологие склоны поднимайтесь попеременным ступающим шагом. Если склон становится круче и лыжи начинают скользить назад и вниз, применяется «елочка». На очень крутом склоне «елочка» не годится: слишком широко приходится расставлять палки и лыжи. Тогда следует подниматься «лесенкой».

Миша Чугунов преодолевает последние «ворота» на трассе.

ЗАНЯТИЕ ВТОРОЕ

Подъём «лесенкой»

Запомните одно правило: не разучивайте новых упражнений, не повторив того, что было на прошлых занятиях.

Это занятие проводится в трех «классах»: сначала на склоне крутизной в 6—8°, потом на более крутом (8—10°) и, наконец, на пологом склоне с небольшим бугром посередине.

Прямые спуски (на первом склоне). Два-три раза спуститесь вниз, свободно балансируя руками и поднимая то правую, то левую лыжу так, чтобы носок ее легко касался снега, а задний конец был приподнят. Скольжение на одной лыже раз от раза затягивайте, доводя длину спуска на одной лыже до трех-четырех метров.

Затем выполните несколько спусков через низкие ворота, сделанные из длинных веток; потом через несколько низких ворот, поставленных по прямой. Миновав очередные ворота, не забудьте выпрямиться.

По линии прямого спуска воткните ветку. Спускаясь, поднимите ее, выпрямитесь и переставьте ниже по склону. Проделайте это упражнение три-четыре раза.

Косые спуски (на втором, более крутом склоне). Во время спуска повернитесь грудью от склона и, прокатившись несколько метров, снова займите первоначальное положение. Повторите это упражнение несколько раз, поворачиваясь то больше, то меньше.

Во время спуска, не наклоняясь вперед, коснитесь рукой, обращенной в сторону долины, голени нижней по склону ноги. Колени при этом должны быть сомкнуты и наклонены в сторону склона. Упражнение проделайте несколько раз в правом спуске и в левом.

Спускаясь, освободите лыжу, обращенную к склону, поднимите ее и через несколько метров снова поставьте ее на снег. Проделайте это упражнение вправо и влево.

Теперь поучимся преодолевать бугор. Проезжая через бугор, присядьте, сгибая ноги в коленях и наклоняя тело вперед. После бугра выпрямитесь. Колени в это время похожи на гармошку: сгибаются — разгибаются—сгибаются. Преодолейте бугор в прямом и в косом спусках много раз подряд.

На этом же уроке научитесь гасить скорость в конце спуска «плугом».

После спуска, уже на горизонтальной площадке, когда скорость уменьшается, надавите на каблуки, разведите задние концы лыж, а носки их обязательно сведите вместе и на одном уровне. Тормозите «плугом» в конце каждого спуска.

ЗАНЯТИЕ ТРЕТЬЕ

Подыщите склон, на котором есть два-три бугра, расположенных по одной линии, и небольшая впадина. Несколько раз спуститесь, преодолев сначала один, затем два и, наконец, три бугра на одном спуске. Не прыгайте на буграх, не отрывайте лыжи от снега.

А как преодолеть впадину?

Перед впадиной присядьте пониже, проезжая ее, выпрямитесь. У другого края впадины снова присядьте.

Преодолевая бугры, вы приседали, выпрямля-

лись, а во впадине наоборот: сначала выпрямлялись, а потом приседали. Повторите это упражнение много раз, старайтесь, чтобы на спусках колени не были скованы, мягко амортизировали на неровностях. «Плуг», который вы разучили на малой скорости в конце спуска, освойте на склоне. Сперва, в начале спуска, на небольшой скорости, а затем, прокатившись метров 15, сделайте «плуг» до полной остановки. Запомните: чем шире вы разведете задние концы лыж и круче поставите лыжи на внутренние ребра, тем легче будет остановиться. Носки при этом должны быть обязательно вместе и на одном уровне.

На расстоянии семи-восьми метров друг от друга поставьте по прямому спуску несколько веток. Спускаясь, тормозите «плугом» около каждой из них. Прыжком соединяйте лыжи вместе и продолжайте спуск.

К концу урока вы научитесь регулировать скорость спуска и останавливаться в любом, заранее намеченном месте. Теперь уже никакие деревья и пни на склоне вам не страшны!

ЗАНЯТИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Поворот на лыжах — сложное упражнение. Вы будете разучивать его по частям. Сначала на ровной площадке, а потом медленно скользя по длинному и пологому склону проделайте такие упражнения.

В прямом спуске разгрузите и отведите в сторону задний конец одной лыжи, перенеся при этом вес тела на другую. Пройдя так два-три метра, приведите свободную лыжу в первоначальное положение. Повторите это упражнение много раз то на правой, то на левой лыже. Проделайте косой спуск, освобождая и отводя задний конец верхней по склону лыжи вправо и затем влево.

Теперь займемся поворотом на лыжах от склона. В косом спуске освободите верхнюю лыжу, перенеся вес тела на нижнюю. Отведите в сторону задний конец свободной лыжи и усильте на нее давление. Эта лыжа, поставленная под углом к направлению спуска, станет «прочесывать» склон. Перенесите плавно на нее вес тела. Как только вы начнете это делать, лыжа начнет двигаться по дуге, станет поворачиваться. Сильнее согните ногу, на которую переносите вес тела, подведите освобожденную лыжу к загруженной, сомкните колени и, мягко сгибая их, заканчивайте поворот обязательно на параллельных лыжах. Повторите это упражнение в одну сторону и в другую. Заканчивайте занятие произвольными спусками.

ЗАНЯТИЕ ПЯТОЕ

Обязательно надо закрепить поворот на пологих спусках. Сделайте несколько свободных косых спусков, затем поставьте на склоне «змейку» из веток (они должны стоять друг от друга на расстоянии четырех-пяти метров) и спуститесь поворотами вокруг каждой ветки. В конце занятия повторите спуски с преодолением бугров.

В следующем номере нашего журнала мы будем учиться делать поворот на параллельных лыжах.

ЭТИКЕТКИ РАССКАЗЫВАЮТ...

Каждый филуменист, собиратель спичечных этикеток, может подобрать целую иллюстрированную историю завоевания советскими людьми космоса.

Посмотрите последнюю страницу обложки. О чем рассказывает первая этикетка? Что произошло 4/X и 3/XI 1957 года? Вы, наверно, сами можете легко ответить на этот вопрос: 4 октября 1957 года был запущен первый в мире искусственный спутник Земли, а месяц спустя, 3 ноября, в космос полетела собака Лайка. Вот она, на второй этикетке.

Следующие этикетки посвящены последующим этапам завоевания космоса. На них вы видите ракеты, межпланетные станции и космические корабли, которые были запущены вслед за первыми спутниками.

Недавно выпущена новая серия этикеток — «Космос». Вы видите три портрета из этой серии. Портрет революционера И. И. Кибальчича, казненного за покушение на царя Александра II. Незадолго до казни в каземате Петропавловской крепости Кибальчич разработал проект ракетного летательного аппарата. Портрет К. Э. Циолковского, два года спустя после казни Кибальчича создавшего первый набросок космического корабля. Портрет первого летчика-космонавта Ю. А. Гагарина...

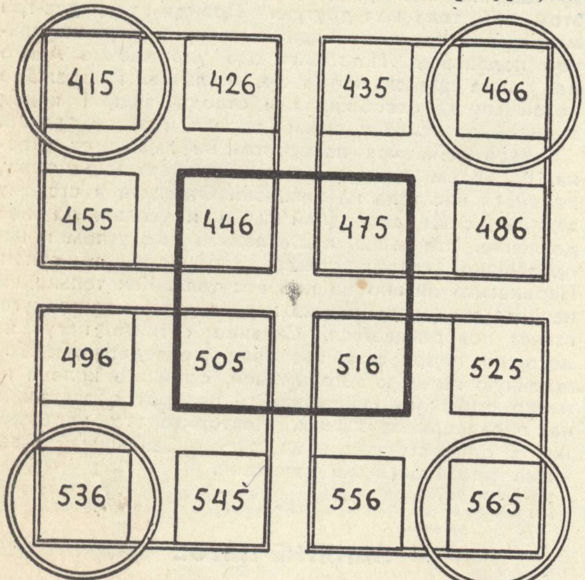
На наших этикетках нет еще Космонавта-два, Германа Титова. Его портрет, наверное, появится в следующей серии «космических этикеток».

И. Вольпер

ЧИСЛО НОВОГО ГОДА

В этой фигуре шестнадцать трехзначных чисел. Поменяйте их в клетках местами так, чтобы по четырем вертикалям, четырем горизонталям, двум диагоналям, пяти четырехклеточным квадратам и в четырех клетках по углам фигуры, об-

веденных кружками,— в любом из перечисленных случаев сумма чисел была одинакова, то есть 16 раз составила бы число нового, 1962 года!

С. Бессонов

Из дедушкиных задач

ВОРОБЬИ НА ДЕРЕВЬЯХ

На четырех деревьях сидят 32 воробья. Если бы на первом дереве было тремя воробьями больше, а на втором тремя воробьями меньше, да если бы на третьем дереве их было втрое больше, а на четвертом втрое меньше, то тогда на всех четырех деревьях их оказалось бы поровну. Смекай же: сколько воробьев сидит на каждом дереве?

Содержание

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28, комната 11. Телефон Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.
Художественный редактор **П. Кузьмичев.**
Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 00007. Подписано к печати 11/I 1962 г. Формат бум. 84×108 1/16. Тираж 565 000 экз. Бум. листов 2,62. Изд. № 172. Печ. листов 8,61. Заказ 3275.

Ордена Ленина типография газеты «Правда». Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

СТРАНИЧКА КОЛЛЕКЦИОНЕРА

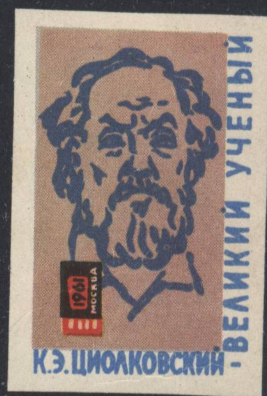

Спичечные этикетки, посвященные освоению космоса. (Смотри стр. 79)